

№ 1 (22)
2012

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Выходит с 2001 г.
два раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, доцент

Заместитель главного
редактора
В.А. Гусев,
канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
А.Н. Бабай,
канд. юрид. наук, профессор;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, доцент;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.М. Тюкалова,
канд. юрид. наук, доцент;
В.А. Шабалин,
д-р филос. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы юридической техники в уголовном праве (межвузовский научно-практический «круглый стол»)

Наумов А.В. Понятие и особенности техники уголовного закона / 4

Тулиглович М.А. Унификация языковых средств конструирования уголовно-правовых предписаний / 10

Волков К.А. Неявное правотворчество в процессе конкретизации норм уголовного закона / 17

Плотникова Л.А. Юридическая герменевтика в свете коллизий законодательной компетенции / 20

Степанюк О.С. Некоторые вопросы истории использования оценочных понятий как приема законодательной техники в уголовном праве / 24

Волков К.А., Нем А.В. Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы их конкретизации / 33

Кулыгин В.В., Горбунова Н.В. К вопросу о законодательном экстремизме юридических дефиниций / 39

Козлов А.В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России / 42

Кашапов Р.М. Юридическая техника как одно из средств преодоления ошибок в правоприменительной деятельности / 50

Кулешов Ю.И. Законодательная регламентация преступлений против правосудия: современные проблемы и пути их преодоления / 54

Абубакиров Ф.М. Уголовное законодательство и судебная практика: противоречия нормативного характера / 61

Антонова Е.Ю. О целесообразности включения в законодательство Российской Федерации норм института уголовной ответственности юридических лиц / 67

Кобец П.Н., Краснова К.А. Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт / 70

Фаткуллина М.Б., Воронцова Е.Ю. Квалификация хулиганства и некоторые вопросы законодательной техники в уголовном праве / 76

Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток);

И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринев,
канд. юрид. наук, доцент;
М.Н. Зинятова,
канд. пед. наук, доцент;
В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;
М.А. Макаренко,
канд. юрид. наук

Редактор

Е.Ю. Колобанова

Корректор

Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
рукописей не взимается.
Рукописи не возвращаются

Подписано в печать 14.05.2012.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,81.
Уч.-изд. л. 11,27.
Тираж 500 экз. Заказ № 26.
Цена свободная

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com
Тел. (4212) 21-56-88
Тел./факс: (4212) 23-77-43

© Дальневосточный юриди-
ческий институт МВД РФ,
2012

Семикина М.С. Влияние качества закона на уголовную
ответственность за эксплуатацию детей / **78**

**Современные методы преподавания дисциплин соци-
ально-гуманитарного цикла в специализированных ву-
зах (межвузовский «круглый стол»-семинар)**

Шульженко Н.В. К проблеме повышения статуса гума-
нитарных дисциплин в учебном процессе вуза / **84**

Казак О.В. Пути повышения качества преподавания со-
циально-гуманитарных дисциплин / **87**

Воробьева К.И. Направленность преподавания психоло-
гических дисциплин на развитие профессионального са-
мосознания курсантов / **90**

Панченков Е.Ю. Проблемы преподавания дисциплины
«Юридическая психология» в учебных заведениях ФСКН
России / **93**

Невструева Т.Х. Психопрактические аспекты лично-
сти профессиональной модели педагога высшей школы / **97**

Липатников А.Г. О содержании конкурентоспособности
преподавателя в современных условиях / **100**

Чернобродов Е.Р. Педагогическая оценка как средство
развития мотивации учебной деятельности в высших
учебных заведениях / **103**

Стремилева О.В. Методы преподавания в вузах в совре-
менных условиях / **107**

Арутюнова Г.З. Психолого-педагогические аспекты ус-
воения обучающимися «объективизированного» опыта на
семинаре / **109**

Галкина Н.Ю. Использование тренинга при обучении кур-
сантов и слушателей в вузе системы МВД России / **112**

Татицинова Т.Г. Самостоятельная работа – неотъемлемая
форма учебного процесса при изучении социологии / **115**

Казакова О.А. Самостоятельная работа курсантов воен-
ных вузов: актуальные проблемы / **118**

Бойко Ж.В. Роль самостоятельной работы студентов в
образовательном пространстве вуза / **121**

**Противодействие экстремизму – важнейшая функ-
ция современного Российского государства («круглый
стол») / 125**

Уважаемые читатели!

В стенах Дальневосточного юридического института МВД России в последнее время достаточно часто проходят «круглые столы» на различные темы. В них участвуют преподаватели вузов, практические работники правоохранительной сферы, другие заинтересованные лица. В каждом номере журнала Вы найдете обзор обсуждений вопросов, выносимых для рассмотрения на «круглых столах».

Перед Вами номер журнала, который редакция посчитала возможным составить исключительно по материалам состоявшихся в октябре-ноябре 2011 г. научных собраний, чтобы читатели более подробно могли ознакомиться с мнениями ученых и практиков по заявленным темам.

В этом номере представлены статьи участников:

- межвузовского научно-практического «круглого стола», проведенного совместно с Дальневосточным филиалом Российской академии правосудия по теме **«Актуальные проблемы юридической техники в уголовном праве»;**

- межвузовского «круглого стола»-семинара, организованного кафедрой психологии и педагогики на тему **«Современные методы преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла в специализированных вузах».**

Кроме того, публикуется обзор материалов «круглого стола», организованного кафедрой государственно-правовых дисциплин по теме **«Противодействие экстремизму – важнейшая функция современного Российского государства».**

Понятие и особенности техники уголовного закона

*А.В. Наумов, заведующий кафедрой
Академии Генеральной прокуратуры России
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Данная проблема является одной из самых «привлекательных» для общей теории права и отраслевых наук, в том числе и уголовно-правовой науки. По ней написаны горы литературы, и, тем не менее, остаются нерешенные вопросы (особенно в правотворческо-практическом плане), что вновь и вновь привлекает исследователей к этой теме. Настоящими классиками в ее разработке можно признать таких авторов, как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, Д.А. Керимов, Л.Л. Кругликов, А. Нашиц, А.С. Пиголкин, В.М. Сырых, А.А. Ушаков и др. И если обобщить все написанное, то можно считать, что под *техникой уголовного закона (юридической техникой)* понимается совокупность определенных способов (правил, приемов) формулирования соответствующих правовых предписаний.

Вместе с тем следует отметить, что понятие законодательной техники в правоведении определяется по-разному и имеет множество оттенков. Нам представляется, что главное в подходе к определению законодательной техники – в исключении при этом содержательно-правового (материально-правового) аспекта. В этом смысле правы те авторы, которые утверждают, что законодательную технику образуют нематериальные средства и приемы¹. Однако реальная грань между содержательным и техническим в праве не всегда является наглядно видимой, а попытки провести ее вызывают определенные трудности. Так, например, та или иная структура Особенной части Уголовного кодекса (в частности, последовательность разделов и глав), на первый взгляд, является чисто техническим приемом. Однако при внимательном рассмотрении она напрямую связана с иерархией ценностей, охраняемых уголовным законом, что отражает политические и социально-экономические приоритеты, зафиксированные в Конституции Российской Федерации (то же самое относится и к последовательности перечисления объектов уголовно-правовой охраны – интересов личности, общества и государства).

Техническое – это то, что напрямую не отражает политических и социально-экономических аспектов права. Поэтому те или иные способы (приемы) законодательной техники являются классово-нейтральными (понятие классов признавал не только К. Маркс, признает их и современная социология).

По своему содержанию технико-юридические средства и приемы представляют собой «технические моменты» конструирования правовых (нормативных) актов – такие средства и приемы, при помощи которых «сооружаются» нормативные акты². Среди них одними из наиболее важных справедливо признаются правила построения диспозиций и санкций. При этом поле приложения техники применительно к диспозициям уголовного закона значительно более широкое по сравнению с техническими правилами построения санкций. Это вполне естественно, так как, во-первых, «в норме уголовного права центральное место принад-

¹ См., например: Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С.16; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 139.

² Алексеев А.С. Указ. соч. С. 144.

лежит диспозиции»¹, где формулируется содержание уголовно-правового запрета, ядром которого, в свою очередь, является формулировка запрещаемых уголовным законом общественно опасных деяний.

Во-вторых, законодательное конструирование «модели» соответствующего общественно опасного поведения предполагает использование весьма разнообразного «строительного» материала и требует обычно значительно большую по размеру «строительную площадку», чем это необходимо при конструировании уголовно-правовых санкций.

В-третьих, формулирование уголовно-правовых предписаний норм Общей части уголовного права вообще связывается лишь с их диспозициями.

В принципе, технику уголовного закона можно свести к его форме². И при всей диалектической зависимости *формы* от *содержания* первая имеет и определенную самостоятельность и даже способна оказывать активное воздействие на содержание. Форма уголовного закона может способствовать достижению основных задач, стоящих перед ним (ст. 2 УК РФ), в том числе в направлении достижения эффективности или, напротив, снижения ее эффективности (ярким примером последнего может служить Федеральный закон от 7 марта 2011 г., отменивший нижние пределы санкций даже за ряд тяжких преступлений).

Важнейшим способом формулирования уголовно-правовых предписаний, а следовательно, и техники уголовного закона является его *язык*. Способы эти достаточно разнообразны, но в юридической литературе традиционно на первое место среди них ставятся два: *казуистический* и *абстрактный*. Первый характеризуется тем, что законодатель пытается охватить в тексте диспозиции нормы предельное количество конкретных ситуаций (например, ч. 1 ст. 238 УК РФ – производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Абстрактный способ характеризуется предельным обобщением признаков, при помощи которых сформулировано уголовно-правовое предписание (например, ч. 1 ст. 230 УК РФ – склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ).

Конкретное и абстрактное есть формы познания действительности. Известно, что диалектика процесса познания характеризуется движением от чувственно-конкретного через абстрактное к конкретному (но уже не чувственно-конкретному, а мысленно-конкретному). Этому соответствует и диалектика квалификации преступления и применение уголовного закона в целом (от факта к норме и от нее к факту). И такой аспект правотворческой деятельности, как формулирование правовых предписаний, обязательно должен предполагать эту связь абстрактного и конкретного в правоприменении. Квалификация преступления есть оценочно-познавательная деятельность. Объективным же средством формулирования правовой оценки, выражающейся в квалификации деяния, является уголовно-правовая норма, предусматривающая квалификацию общественно опасного деяния.

Уголовно-правовая норма выражает сущность предусмотренных ею деяний. Ее формулирование обязательно предполагает абстракцию. Абстрактное знание выделяет существенное в каком-либо отношении свойство (сторону), отвлекаясь от других свойств (сторон) предмета (объекта)³. Так, например, норма об уголовной ответственности за кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества (ч. 1 ст. 158 УК РФ), есть не что иное, как создание собирательного «образа» всех возможных

¹ Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 1. С. 184.

² Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 18-27.

³ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 197-200.

тайных похищений имущества (их абстракцию). Конкретное проявление тайного способа таких хищений может быть самым разнообразным, но любое из них, отличаясь своей специфичностью «тайного», совпадает со всеми другими в том, что содержит признаки, сформулированные в диспозиции уголовного закона. И главным «инструментом» абстракции при формулировании правовых (в том числе уголовно-правовых) предписаний являются самые различные правовые *понятия* как основной «строительный» материал правовых норм.

Таким образом, во-первых, без абстракции формулирование уголовно-правых норм невозможно, и, во-вторых, в чистом виде не существует ни казуистического, ни абстрактного приемов законодательной техники. Например, в той же ст. 238 УК РФ есть более или менее обобщенные признаки: «товар», «продукция», «работы», «услуги», «требования безопасности», предполагающие свою конкретизацию при применении нормы, а в ст. 230 УК РФ есть конкретизация предмета преступления. В разграничении этих приемов (способов) формулирования диспозиции правовых норм речь может идти с известной долей условности. Следует также признать, что каждый из этих способов изложения правового материала имеет свои положительные и отрицательные стороны. Казуистические нормы сводят до минимума возможность проявления субъективизма в деятельности правоприменительных органов, тогда как абстрактные нормы создают возможность применения их к случаям, ими не охватываемым. В то же время существование казуистической нормы может привести к тому, что возникает ситуация, которая в принципе должна быть урегулирована этой нормой, но ввиду прямого указания закона такую норму в соответствующих случаях применять нельзя¹.

И, тем не менее, вопрос о преимуществах того или другого способа формулирования уголовного закона может и должен быть решен в общем плане. Та или иная форма словесного изложения правовой нормы не произвольна. Она должна отвечать специфическим особенностям содержания. Нам представляется, что нормы Особенной части уголовного права (разумеется, мы выделяем их условно, т.к. их диспозиция включает в себя и предписание Общей части), предусматривающие ответственность за определенные общественно опасные деяния, должны быть в идеальном представлении в известной степени казуистичны, что будет отвечать и принципу *nullum crimen sine lege*. Поэтому в Уголовном кодексе наиболее предпочтительны диспозиции описательные, в которых раскрывается содержание основных признаков соответствующих преступлений.

Степень абстрактности уголовно-правовых предписаний связана и с употреблением в них *оценочных* понятий, содержание которых не определяется в уголовном законе. Действующий УК РФ значительно (по сравнению с УК РСФСР 1960 г.) увеличил количество норм, в которых эти понятия конкретизируются (обычно в примечаниях к соответствующим статьям Кодекса). И это следует признать заслугой законодателя, так как анализ судебных ошибок в квалификации преступлений свидетельствует о том, что практические работники нередко допускают ошибки именно в толковании таких понятий². Значит ли это, что законодатель должен совсем отказаться от употребления оценочных понятий? Думается, что нет. Дело заключается не в исключении оценочных понятий из уголовного законодательства, а в сведении до минимума тех правоприменительных (а вместе с тем и правотворческих) издержек, которыми они обладают, т.е. в дальнейшем совершенствовании законодательной формулировки этих понятий. «Законодатель должен правильно определить, в какой мере отражение общественных отношений в правовых нормах может иметь абстрактный, типизирующий характер, с тем,

¹ Каминская В.А. О структурном анализе уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 14. М., 1971. С. 36.

² Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов, 2004.

чтобы эти нормы могли, с одной стороны, полностью охватить всю сферу регулируемых ими отношений, не поднимаясь, однако, до уровня, при котором отражение было бы чересчур общим, а с другой – приспосабливаться к различным жизненным ситуациям, к их разнообразным особенностям и оттенкам, не опускаясь при этом до уровня, на котором отражение становится слишком частым или даже индивидуализированным»¹.

Определенное значение при обсуждении проблемы абстракции и казуистичности уголовно-правовых предписаний имеет также такой способ их формулирования, как выделение *специальных* уголовно-правовых норм из *общих*. В этом случае законодатель также применяет казуистический способ изложения правового материала, но не путем детализации признаков общественно опасного деяния в общей норме, а путем конструирования новых норм, конкретизирующих соответствующие уголовно-правовые запреты. В ряде случаев такая дифференциация уголовно-правовых предписаний и связанная с ней дифференциация уголовной ответственности действительно отвечает задачам борьбы с преступлениями, так как позволяет более точно учесть степень общественной опасности преступных посягательств (классический пример этого – выделение из состава злоупотребления должностными полномочиями получения взятки). Вместе с тем, делать это следует при одном неперемennom условии – обнаружении определенного пробела в уголовно-правовой охране, связанного с невозможностью или хотя бы с серьезной трудностью преодоления его путем применения общей нормы. Несоблюдение этого требования и чрезмерное «увлечение» конструированием специальных норм приводит к их неоправданному росту (например, появление в УК РФ ст.291¹ об ответственности за посредничество во взяточничестве). В ряде случаев это приводит даже к искусственной конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм, создавая для правоохранительных органов также искусственные трудности (например, выделение из ст. 143 УК РФ об ответственности за нарушение правил охраны труда ст. 216 об ответственности за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ).

В том же ключе следует рассматривать и использование законодателем такой формы уголовно-правовых предписаний, как *бланкетная* диспозиция уголовного закона, что является отражением взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права. Анализ действующего УК РФ позволяет утверждать, что нет такой отрасли права, нормы которой не входили бы органично в уголовно-правовые. В этих случаях условия уголовной ответственности за совершение соответствующих общественно опасных деяний содержатся не только в нормах уголовного права, но и в нормах других отраслей (например, для определения нижнего порога размера уголовно наказуемой кражи необходимо обратиться к ст. 7.27 КоАП РФ; это случай так называемой «невной» бланкетности, без прямой отсылки к нормативным актам конкретной отрасли права, как это сделано, например, в ст. 143, 264 УК РФ). И это не противоречит самостоятельности уголовно-правового запрета, так как «нормы других отраслей права, помещенные в оболочку уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой нормы, в уголовно-правовую «материю»². Без конструирования бланкетных диспозиций уголовному закону не обойтись. В противном случае стабильность Уголовного кодекса будет зависеть от стабильности норм других отраслей права (представим себе лишь масштаб таких изменений в нормах трудового права о технике безо-

¹ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с румынского. М., 1974. С. 142. См. также: Ковалев М.И. Оптимальные соотношения формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68-74.

² Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. 5-е изд. М., 2011. С. 220.

пасности). Кроме того, эти диспозиции делают Уголовный кодекс и более компактным (если же включать в него содержание соответствующих норм других отраслей права, то Кодекс стал бы многотомным). В этом заключается достоинство бланкетных диспозиций. Правда, оно может превратиться и в недостаток. И порой получается, что бланкетная диспозиция – это «чистый лист», заполняемый не только законодателем. Чрезмерная бланкетность уголовно-правовых диспозиций существенно затрудняет деятельность правоприменительных органов, ибо требует отыскания нормативных актов различных отраслей права. Во всем нужна мера, а законодателю необходимо умение соединять научный подход к формулированию уголовно-правовых предписаний с искусством.

В этом же ключе можно рассмотреть соотношений *общих* и *специальных* норм и выделение последних из первых. При этом законодатель также применяет *казуистический* способ изложения правового материала, но не путем детализации признаков общественно опасного деяния в общей норме, а путем конструирования новых норм, конкретизируя уголовно-правовой запрет. Но делать это надо при одном условии – при обнаружении определенного пробела в уголовно-правовой охране тех или иных объектов. Иначе создаются искусственные трудности в правоприменении.

В последние годы в уголовно-правовой литературе дается более конкретизирующее понимание содержания приемов, способов техники уголовного закона. Так, к ее составляющим относят: а) конструкции; б) терминологию; в) презумпции; г) юридические фикции; д) символы; е) аксиомы. Особенно плодотворно такой подход осуществляется ярославской научной школой Л.Л. Кругликова и его учениками А.В. Иванчиным, О.Е. Спиридоновой и другими авторами (например, К.К. Панько, Т.В. Кленова).

В последнее время в общей теории права все настойчивее слышатся предложения о целесообразности замены понятия «юридической» (а значит, и законодательной) техники на понятие «юридической технологии»¹. Представляется, что это приведет к смешению юридической (законодательной) техники в ее уже традиционном понимании с правотворческим (законодательным) процессом, в отношении которого действительно уместно применение понятия «технологии» (по аналогии, например, с избирательными технологиями).

Техника уголовного закона (в том числе и его *язык*) напрямую зависит от традиций в этом отношении соответствующей системы права. Наиболее значительными в этом плане для российского уголовного права являются две из выделенных французским компрагивистом Р. Давидом системы: романо-германское и англосаксонское (общее) право. К первому относилось и российское дореволюционное уголовное право. Затем оно по своим политическим и экономическим основам превратилось в социалистическое уголовное право, оставаясь по форме (по законодательно-техническим признакам) тем же романо-германским, или, по-другому, европейским континентальным уголовным правом, а после распада Союза ССР по тем же параметрам полностью вернулось в систему романо-германского права. Эта же «участь» постигла и уголовное законодательство бывших социалистических стран Восточной Европы, а также Балтии. К системе англосаксонского, или общего права, относится уголовное право Англии, США, Канады, Австралии, тех стран Африки и Азии, которые в прошлом являлись британскими колониями.

¹ См., например: Юридическая техника. Ежегодник. № 3. Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». Н. Новгород, 2009.

Одной из характерных отличительных черт каждой из этих систем является специфический способ формулирования уголовно-правовых запретов, выраженных в диспозициях статей уголовных кодексов, формулирующих составы тех или других преступлений. Для первой характерно стремление к более абстрактному их описанию, предполагающему предельно обобщенную формулировку уголовно-правовых норм. Напротив, для уголовного законодательства в системе общего права (англосаксонского) характерно стремление к предельной казуистичности (детальности) формулировок уголовно-правовых норм (что своими корнями уходит в прецедентное право соответствующих государств). Так, например, текст Уголовного кодекса штата Нью-Йорк о необходимой обороне занимает более 100 строк печатного текста (формулировка же двух параграфов Уголовного кодекса ФРГ о необходимой обороне уместилась в семи строках; чуть большую «площадь» занимает формулировка необходимой обороны в УК РФ).

И если в технике, как таковой, нет пределов заимствования зарубежного опыта (например, в автомобилестроении), то законодательная «техника» на этот счет должна знать меру. И главное при этом – учет законодательных традиций формулирования уголовно-правовых запретов и соотношение заимствования с устоявшейся системой уголовно-правовых норм Уголовного кодекса соответствующей страны, в том числе и с их *языком*. В противном случае такое заимствование станет чужеродным и будет представлять из себя своеобразный уголовно-правовой «аппендикс». Таковым, например, можно считать нормы УК РФ об ответственности за нарушение избирательных прав (ст. 141, 141¹, 142 и 142¹ УК РФ). Законодатель явно спутал язык и специфику «европейского» Уголовного кодекса с аналогичными атрибутами («*инструкциями*»), присущими, например, уголовному законодательству США (а в «родном», отечественном плане можно указать на сходство с соответствующими инструкциями нашей Центральной избирательной комиссии, где все это вполне уместно и даже необходимо).

Литература

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. Каминская В.А. О структурном анализе уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 14. М., 1971. С. 36.
3. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов, 2004.
4. Ковалев М.И. Оптимальные соотношения формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68-74.
5. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
6. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 1.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. 5-е изд. М., 2011.
8. Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 18-27.
9. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / Пер. с румынского. М., 1974.
10. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

Унификация языковых средств конструирования уголовно-правовых предписаний

*М.А. Тулиглович, доцент кафедры
Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат юридических наук*

Относительная определенность в праве, а также ее влияние на деятельность правоприменителя по реализации правовых предписаний является одной из тех проблем, решение которых имеет, прежде всего, большое практическое значение. Отсутствие в общей теории права, а также в отдельных отраслях юридической науки единой позиции о том, что следует понимать под относительной определенностью, влечет за собой неоднозначное отношение к данному явлению. Между тем история показывает, что относительность в праве и относительность самого права в той или иной форме существовали всегда. Попытки «избавиться» от нее посредством изменений, вносимых в законодательство, по сути, так ни к чему и не привели. Как бы ни оспаривалась относительная определенность в рамках правовой науки, тем не менее, следует признать неизбежность этого явления, существование которого обуславливается причинами исключительно объективного характера.

В теории права относительная определенность часто сводится к неконкретности каких-то норм, содержащихся в законе. Еще С.А. Муромцевым указывалось на необходимость «индивидуализирования права» правоприменителем, которое должно осуществляться сообразно условиям конкретного случая¹. Такое, по мнению отдельных авторов, происходит, когда в норме не содержится всех указаний и допускается возможность нескольких вариантов действия с учетом конкретных обстоятельств². Другие авторы данное явление объясняют так называемой гибкостью закона³. Существует также мнение, согласно которому природа происхождения относительности в праве связывается с наличием в отдельных законах «норм с неясным содержанием»⁴. Так или иначе, относительная определенность в праве отождествляется с некоторой свободой действия, предоставляемой правовыми предписаниями правоприменителю, что неизбежно становится причиной возникновения правоприменительного усмотрения.

При этом относительная определенность в праве часто сводится исключительно к наличию в законе оценочной терминологии, толкование которой, как правило, осуществляет правоприменитель⁵. Между тем термины, наполненные оценочным содержанием, далеко не всегда можно считать относительно определенными. Относительный значит «устанавливаемый по сравнению с чем-нибудь другим, с обстоятельствами, условиями и т.п.»⁶. Таким образом, что-то должно быть определено относительно чего-то. Оценочные же категории не всегда относительно чего-то определены, скорее, наоборот, они полностью *неопределены*.

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 14.

² Общая теория права и государства. М., 1994. С. 121.

³ Питецкий В.В. Соотношение формальной определенности и гибкости Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1997. С. 47.

⁴ Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 7.

⁵ См., например: Марфицин П.Г., Безруков С.С. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя. Омск, 2001. С. 14-22.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 427.

Правоприменитель может свободно оценивать факты лишь в пределах тех границ и объема оценочных понятий, которые установлены самим законом. Однако закон не раскрывает содержания оценочных понятий¹. Их толкование лежит за его пределами, что и позволяет относить нормы, при конструировании которых они используются, к неопределенным.

К относительно определенным в большей степени относятся не отдельные термины либо понятия, а целые нормы² либо элементы структуры этих норм. В качестве одного из характерных примеров в данном случае могут выступать такие положения уголовного закона, практическая реализация которых возможна на основе выбора правоприменителем одного решения из нескольких возможных. Законодательная регламентация его действий в таких случаях носит лишь возможный, а не безусловный характер, а окончательное решение всегда остается за самим субъектом правоприменения.

Так, например, в ст. 75-76 УК РФ закрепляется возможность освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности с учетом наличия тех условий, которые содержатся в данных статьях. Правоприменитель в рассматриваемом случае имеет полное право как освободить виновное лицо от уголовной ответственности, так и привлечь, но, так или иначе, он находится в тех достаточно четких рамках, которые вытекают из содержания ст. 75-76 УК РФ. С одной стороны, у него имеется право выбора, с другой – этот выбор возможен лишь при наличии всех тех условий, которые содержатся в диспозициях конкретных статей. Определенность в рассматриваемом случае является относительной.

Эту определенность устанавливает законодатель, четко обозначив в рамках той же ст. 75 УК РФ ряд критериев, помещающих правоприменителя в правовое поле, выйти за рамки которого он не имеет права. То же самое устанавливается и в других статьях, предусматривающих возможность освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. В статье 76 УК РФ говорится о возможности освобождения от уголовной ответственности, но при соблюдении целого ряда условий – таких, как совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести, примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного преступлением вреда.

Аналогичная ситуация и в случае практической реализации ст. 115, 129, 130 УК РФ, относящихся к делам частного-публичного обвинения. Правоприменитель в каждом из перечисленных случаев имеет полное право принять то решение, которое, по его мнению, будет необходимым в данном конкретном случае, то есть либо привлечь виновное лицо к уголовной ответственности, либо, наоборот, освободить. Имеющийся выбор существует в пределах указанного в законе обязательного перечня действий, что и делает законодательное предписание в первую очередь относительным. Однако выбор этот и определен в силу обязательности содержащегося в законе перечня возможных вариантов действий, за рамки которого не может выйти правоприменитель.

Между тем формулирование правовых предписаний в качестве относительно определенных может использоваться законодателем как для расширения рамок правоприменительного усмотрения, так и для их ограничения. В данном случае речь идет, прежде всего, о тех нормах, где устанавливаются четкие пределы, за которые правоприменитель не может выйти ни при каких обстоятельствах. Сами по себе такие предписания остаются относительными, но с уже более жесткими рамками, ограничивающими пределы полномочий правоприменителя.

¹ Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 23.

² См., например: Общая теория права и государства. М., 1994. С. 121.

Так, в ст. 68 УК РФ говорится о назначении наказания при наличии рецидива. В части 2 данной статьи закрепляется положение, согласно которому назначаемое наказание не может быть менее 1/3 от его максимального вида и размера при любом виде рецидива. В соответствии со ст. 66 УК РФ назначаемое наказание, наоборот, не может превышать установленных в ней пределов. Таким образом, законодатель и в том, и в другом случаях пытается посредством нормативных предписаний установить рамки, за которые правоприменитель не смог бы выйти при осуществлении им своей деятельности по назначению наказания. Рамки эти являются определенными, но лишь относительно. Наказание, например, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ «Получение взятки», при наличии в действиях лица рецидива в соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ не может быть менее 1 года 6 месяцев лишения свободы. Следовательно, суд, назначая наказание, уже должен действовать в рамках от полутора до 5 лет лишения свободы. Наказание при этом по-прежнему осталось относительно определенным. В то же время разница между его минимальными и максимальными пределами изменилась. Таким образом, относительность в праве, несмотря на ряд недостатков, имеет и явно положительные моменты, связанные прежде всего с возможностью посредством законодательных предписаний ограничить рамки правоприменительной деятельности.

Следует также отметить, что проблема относительной определенности в праве часто граничит с проблемой альтернативности отдельных законодательных предписаний. Законодатель, определяя в одной санкции за совершение одного и того же деяния два-три, а то и более видов наказаний, отдает решение о выборе конкретного вида наказания на откуп правоприменителя, что традиционно относится к явлению альтернативности.

В действующем Уголовном кодексе РФ количество альтернативных санкций таково, что судьи нередко оказываются перед выбором при решении сравнительно похожих вопросов и вынесении приговоров при одной и той же квалификации деяния. Особую трудность при этом представляют такие нормы, где в санкциях содержится до пяти видов наказания. К таковым, например, относятся часть 1 ст. 158, часть 1 ст. 159, часть 1 ст. 167, часть 1 ст. 201, статья 292, часть 1 ст. 306 УК РФ, где предусматриваются такие меры наказания, как штраф, обязательные и исправительные работы, арест, лишение свободы. Пять видов наказания предусматривается и в ч. 2 ст. 141¹, ст. 315 УК РФ. В санкциях 28 составов содержится по 4 вида наказания, в 61 случае – по 3 вида и в 44 – по два вида. В результате более 140 санкций являются альтернативными. Положение правоприменителя в его выборе осложняется существующей относительностью самих наказаний в рамках альтернативных санкций. Так, в случае, когда в санкции предусматривается лишение свободы на срок до 5 лет (ч. 1 ст. 290 УК РФ) или когда размер наказания в виде лишения свободы устанавливается от 8 и до 20 лет (ч. 2 ст. 105 УК РФ), рамки судебного усмотрения вновь становятся достаточно широкими. Таким образом, относительная определенность в сочетании с альтернативностью предоставляют решение большинства вопросов, в данном случае вопросов, связанных с назначением наказания, полностью на усмотрение правоприменителя.

Последнее обстоятельство обуславливает неоднозначность позиции правоприменителя при решении тех или иных спорных вопросов. Судебная практика при этом также не может быть единой, так как субъективное мнение одного судьи не может лечь в основу субъективного мнения другого. При этом нередки случаи, когда при одной и той же квалификации принимаются совершенно противоположные решения. В связи с этим С.И. Дементьевым был проведен эксперимент, в ходе которого пяти судьям было предложено назначить наказание по уголовному делу, которое уже было предметом судебного разбирательства. В итоге решение о

наказании только одного судьи почти совпало с ранее вынесенным приговором, другие судьи выбрали значительно отличающиеся друг от друга решения, причем не только по объему, но и по видам наказания¹. Связано это далеко не с тем, что судьи имеют недостаточную теоретическую подготовку. Они, как и все люди, могут «неоднозначно не только юридически, но и психологически оценивать происходящее, а значит, и выбирать меру наказания, которая будет справедливой именно по их личному мнению»².

Нерешенным в рассматриваемых случаях остается вопрос о том, как и на основе чего должен действовать правоприменитель в тех пределах, которые устанавливаются законом. На наш взгляд, в роли своеобразного ориентира при выборе и принятии конкретного решения могут выступать начала целесообразности. Еще в конце XIX в. Ф. Регельсбергер писал, что «наше чувство правосудия определяется в значительной мере нашим пониманием целесообразности»³. Данная позиция не являлась исключением. Так, например, П.И. Люблинским усмотрение определялось как право «свободно-целесообразной оценки в применении, по указанным в законе основаниям, предоставленных данному органу полномочий»⁴. Основой права, по мнению Е.В. Васьковского, является дух закона, который состоит не только из общих принципов права, но из идеалов, включающих в себя справедливость, целесообразность и милосердие⁵. Целесообразность, таким образом, рассматривалась в качестве одного из оснований, а в отдельных случаях в качестве идеала практической реализации законодательных предписаний.

Это начало целесообразности впервые было положено в основу толкования закона Р. Иерингом. Вся деятельность юридической техники Р. Иеринг сводил к двум основным задачам. В первую очередь это количественное и качественное упрощение права. Что касается второй задачи, то она обуславливается «целью применения права к конкретному случаю»⁶. Более того, автором указывалось на тот факт, что рассматриваемый процесс является «исключительно вопросом целесообразности и что вся теория техники есть не что иное, как познанная и примененная целесообразность в интересах решения указанной выше задачи»⁷.

Целесообразность при этом играет положительную роль именно в рамках относительной определенности права, когда в самом законе будут установлены рамки, в которых должен находиться правоприменитель. При их отсутствии границы целесообразности также становятся размытыми, что делает невозможным правильное понимание законодательных предписаний и их объективное применение. Идеальная модель правоприменительной деятельности далеко не всегда может быть создана в реальной действительности, однако то, что такая деятельность должна быть целесообразной, не вызывает сомнений. Именно посредством наличия в праве относительной определенности правоприменитель должен и может быть перемещен из области неограниченного усмотрения (и неограниченной целесообразности) в область усмотрения, разрешенного и дозволенного вышестоящими органами. Правоприменитель, с одной стороны, ставится в достаточно же-

¹ Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов н/Д, 1986. С. 67.

² Чернов А.Д. Тенденции развития уголовно-правовых санкций на современном этапе // Следователь. 1999. № 3. С. 19-24.

³ Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. С. 12.

⁴ Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904. С. 3.

⁵ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1913. С. 95.

⁶ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906. С. 25-26.

⁷ Там же. С. 23.

сткие рамки применения норм права, а с другой – у него всегда должно оставаться право выбора между возможными вариантами решения той или иной проблемы. Целесообразность в данном случае – это возможность выбора наиболее правильного решения, которое бы в максимальной степени способствовало достижению целей правового регулирования¹. Однако этот выбор должен находиться в рамках, установленных либо самим законодателем, либо уполномоченными на это государственными органами. Основной задачей законодателя при этом является необходимость выработки подходов к возможному применению относительно-определенных предписаний, куда следует относить и предписания, носящие альтернативный характер, указывающих на те варианты их практической реализации, которые будут целесообразными.

В то же время относительность так же должна быть представлена в законе таким образом, чтобы возникающее на ее основе право на усмотрение находилось в разумных пределах. Требуется введение в закон регуляторов, не допускающих перерастания усмотрения в произвол². Только в этом случае начинает работать целесообразность и как принцип, и как обычное основание любой человеческой деятельности.

Эффективность применения норм во многом зависит именно от практической целесообразности, в содержание которой входит учет места, времени, обстановки совершения преступления и множества других факторов³. Более того, сам термин «усмотрение» в юридической литературе понимается как «волевая сторона соотношения целесообразности и законности»⁴, что лишний раз подтверждает вывод о необходимости ограничения усмотрения разумными пределами⁵. Когда отсутствуют ограничения, проявляются негативные свойства целесообразности. Подобное происходит в случаях преобладания субъективного начала над объективным, при реализации конкретных законодательных предписаний. Когда же само предписание размыто по своему содержанию, то субъективный фактор, безусловно, становится главным в правоприменительной деятельности. Следовательно, увеличивается и возможность для «субъективной», или «негативной», целесообразности, подмены «положительной» целесообразности соображениями выгоды или невыгоды в каждом конкретном случае для отдельного правоприменителя.

В такой ситуации особое значение приобретают цели уголовно-правового регулирования. Соответствие деятельности правоприменителя в рамках относительной определенности закона тем целям и задачам, которые ставит перед собой законодатель, является необходимым критерием ее законности. В то же время отсутствие в действующем УК РФ как таковых целей уголовно-правового регулирования и их выделение лишь в рамках теории уголовного права существенно осложняет и возможность законодательного ограничения целесообразности, а также общего направления деятельности по практической реализации норм уголовного закона. По формуле: нет целей уголовного закона – нечему и соответствовать.

Однако здесь следует оговориться. Несмотря на то, что законодатель прямо не упоминает в УК о целях уголовно-правового регулирования, это не значит, что таковых на самом деле нет. Цели при всем несовершенстве самого уголовного закона, соблюдении или несоблюдении его предписаний и т.д. всегда имеются, что

¹ Сабанин С.Н., Тупица А.Я. Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности или наказания. Свердловск, 1987. С. 21.

² Кондратов П.Е. О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 28-29.

³ Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 67, 103.

⁴ Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 65.

⁵ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 352.

весьма сложно отрицать. Каждый уголовный закон преследует вполне определенную социальную цель. Осуществление цели закона является одним из объективных критериев применения судебного усмотрения¹. На вопрос о том, что следует понимать под целями уголовно-правового регулирования, дать однозначный ответ затруднительно. Его изучение, безусловно, представляет интерес для современной правовой науки. В теории уголовного права, например, к таковым относят, прежде всего, установление «для общего множества человеческих действий того порядка, который был смоделирован в правовой норме»², или «снижение роста преступности, удержание ее в контролируемых государством рамках»³. Однако в действующем УК РФ ни эти, ни какие-либо другие цели уголовно-правового регулирования закреплены не были. В такой ситуации открытым остается вопрос об общем направлении деятельности правоприменителя, которое, безусловно, должно присутствовать в условиях относительной определенности права. Если брать за основу определения, взятые из теории уголовного права, то для достижения необходимого результата целесообразность в максимальной степени должна способствовать реализации всех уголовно-правовых норм. Однако в УК ничего не говорится о такой цели. В таком случае за основу необходимо брать только то, что в нем указано. Речь, по нашему мнению, должна идти о тех задачах, которые указываются законодателем в ч. 1 ст. 2 УК РФ, и тех целях, о которых в нем говорится применительно к уголовному наказанию (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом дополнительное формулирование целей уголовной ответственности, принудительных мер воспитательного воздействия, мер медицинского характера и т.д. также необходимо, на что обращается внимание в современной юридической литературе⁴. Такая позиция характерна не только для уголовно-правовой науки. Например, в уголовном процессе обращается внимание на необходимость ограничения пределов усмотрения в деятельности следователя *целями* расследования⁵.

С учетом того, что понятие целесообразности связывается с целеполаганием и целью как существенными элементами человеческой деятельности, характеризующими как мыслительные процессы, так и предметную деятельность человека⁶, то цель как самостоятельная правовая категория в рамках уголовного законодательства приобретает особое значение. Наличие целей в каждом конкретном случае и строящаяся на их основе целесообразная деятельность по реализации положений уголовного закона во многом способны решить проблему относительности или неполной определенности правовых предписаний.

В этих условиях особую значимость начинают приобретать такие отраслевые принципы уголовного права, как принцип экономии мер уголовной репрессии и целесообразности, когда в рамках относительной определенности уголовного закона правоприменитель сможет принять наиболее верное решение из всех, которые предоставлены ему законом. Правоприменитель, с одной стороны, должен находиться в достаточно жестких рамках применения норм права, а с другой – у него всегда должно оставаться право выбора между возможными вариантами решения той или иной проблемы. Однако необходимо, чтобы этот выбор находился

¹ Ткешелиадзе Т.Г. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975. С. 94.

² Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 56.

³ Максимов С.В. Цель в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 11.

⁴ Там же. С. 11-12.

⁵ Дубринный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987. С. 7.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 23. С. 189.

в рамках, установленных либо самим законодателем, либо уполномоченными на это государственными органами (например, Пленумом Верховного Суда РФ). Основной задачей законодателя при этом является необходимость выработки подходов к возможному применению норм, относящихся к относительно определенным, указывающих на те варианты их практической реализации, которые будут наиболее целесообразными. Таким образом, целесообразность способна выступать в роли некоего ориентира не только при толковании относительно определенных предписаний, но и при их практической реализации, лежащей в основу правоприменительного усмотрения.

Литература

1. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
2. Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 7.
3. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1913.
4. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
5. Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов н/Д, 1986.
6. Дубриный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987.
7. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906.
8. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
9. Кондратов П.Е. О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 28-29.
10. Корнев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
11. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972.
12. Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904.
13. Максимов С.В. Цель в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002.
14. Марфицин П.Г., Безруков С.С. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя. Омск, 2001.
15. Общая теория права и государства. М., 1994.
16. Питецкий В.В. Соотношение формальной определенности и гибкости Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1997. С. 47.
17. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989.
18. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897.
19. Сабанин С.Н., Тупица А.Я. Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности или наказания. Свердловск, 1987.
20. Ткешелиадзе Т.Г. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975.
21. Чернов А.Д. Тенденции развития уголовно-правовых санкций на современном этапе // Следователь. 1999. № 3. С. 19-24.

Неявное правотворчество в процессе конкретизации норм уголовного закона

*К.А. Волков, доцент кафедры
Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент*

В юридической литературе справедливо отмечается, что эффективность воздействия права на общественные отношения обеспечивается наряду с надлежащей научной организацией правотворчества полной и точной реализацией юридических норм в общественной жизни, их фактическим претворением в поведение людей¹. Полагаем, что полная и точная реализация уголовно-правовых норм зависит прежде всего от правильного и точного применения норм уголовного закона.

Достаточно четко о внутреннем содержании процесса применения норм уголовного закона высказался В.Н. Кудрявцев, который писал, что процесс состоит в сопоставлении конкретного и абстрактного, единичного и общего. Уголовно-правовая норма предусматривает только некоторые признаки соответствующего преступления, абстрагируясь, отвлекаясь от других его признаков и свойств. При этом уголовно-правовая норма может содержать понятия разной степени абстракции. Например, понятие кражи, по мнению автора, содержащееся в ст. 158 УК РФ, можно считать абстракцией первой, самой низкой степени. Более высокая степень абстракции – понятие хищения чужого имущества. Это понятие охватывает как кражу, так и грабеж. Наконец, наивысшая степень абстракции – понятие преступления².

По нашему глубокому убеждению, процесс конкретизации уголовного закона не заканчивается на уровне исключительно законодательной сферы интерпретации понятий и категорий. В приведенном примере понятие кражи можно отнести к низкой степени абстракции достаточно условно, поскольку многие признаки кражи в процессе квалификации потребуют дальнейшей конкретизации. Согласно ст. 158 УК РФ, под кражей понимается тайное хищение чужого имущества. Так, например, для правоприменителя остается неясным, что понимать под тайностью хищения, какие предметы следует относить к «чужому имуществу». Собственно, само понятие «хищение» также необходимо конкретизировать. Не помогает решить сложившуюся ситуацию даже легальное толкование термина «хищение», которое раскрывается в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ. Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

В процессе уяснения данного определения у правоприменителя возникают новые вопросы, касающиеся таких признаков хищения, как безвозмездность, корыстная цель, изъятие, обращение и др. Указанные признаки необходимо также конкретизировать в процессе применения норм уголовного закона.

Таким образом, правоприменительная конкретизация буквы уголовного закона существует в любом правоприменительном процессе по уголовным делам, поскольку в интерпретации нуждается любой закон. Заметим, что такое мнение разделяется далеко не всеми учеными. Ряд авторов считает, что конкретизация

¹ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 91.

² Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.

имеет место только в строго определенных случаях, например, в случае неясности и противоречивости уголовного закона.

В случае, когда при непосредственном восприятии предписаний уголовного закона не возникает сомнений, конкретизация уголовного закона не требуется. Однако при попытке более точного анализа терминов «ясное» и «понятное» в ряде случаев оказывается неясным и непонятным.

Конкретизация – это определенный процесс, возникающий при применении общей нормы права. Разумеется, это не означает, что без конкретизации невозможно применение норм уголовного права, в большинстве своем уголовно-правовые нормы правильно и полно в опосредствованной форме отражают закономерности построения уголовной политики. Это также не означает, что конкретизация правовой нормы в судебной практике – во всех случаях самый лучший способ организации исполнения закона. Очевидно, что такая работа, проделанная на ином уровне подзаконной деятельности, а в ряде случаев и самим законодателем, имеет чрезвычайно большое значение. Однако роль конкретизации норм уголовного закона в процессе правильного его применения очень важна. Она связана не столько с несовершенством правовых норм, сколько с объективным процессом, который возникает при применении норм права.

Для конкретизации нормы уголовного закона следует предварительно уяснить ее смысл. Но уяснение (или понимание) нормы – всегда ее применение и конструирование, так как частный случай и общая норма соотносятся как часть и целое (понимание целого невозможно без представления его частей). Конкретизирующая норма – неременный этап всякого понимания права. При этом термин «конкретизация норм уголовного закона» законодательно не рассматривается и не раскрывается. Более того, в теории права процесс конкретизации норм права имеет сегодня неоднозначную трактовку. Долгое время в советской правовой литературе процесс конкретизации права рассматривался преимущественно в рамках правоприменения. При этом место конкретизации определялось между толкованием и правотворчеством или, точнее, между правотворчеством и индивидуализацией права. Сегодня многие ученые идут дальше, указывая, что такой подход является очень узким для правильного уяснения сущности конкретизации права, поскольку это явление выходит далеко за рамки толкования и индивидуализации норм права. Расширяя границы явления конкретизации права, В.М. Баранов и В.В. Лазарев выделяют правотворческую конкретизацию, говоря о так называемом делегированном законодательстве.

Вместе с тем, рассматривая процесс применения норм уголовного закона в неотрывной связи с его конкретизацией посредством толкования, нетрудно заметить, что само толкование (разъяснение) к содержанию правовых норм уголовного закона ничего не прибавляет (праворазъяснительная конкретизация). Однако во многих случаях, когда правоприменитель осуществляет конкретизацию терминов и понятий норм уголовного закона или конкретизацию уголовного закона, когда закон содержит пробелы, дефекты, коллизии и прочие противоречия уголовно-правового регулирования, происходит создание новой нормы уголовного права на основе существующей.

В.Н. Кудрявцев по этому поводу пишет: «Бывает, что закон не дает окончательного определения того или иного постоянного признака, и в судебных решениях его содержание не прокомментировано. В таком случае практический работник... вынужден истолковывать содержание признака, основываясь на собственном понимании данной нормы». Автор полагает, что раскрытие содержания признака состава преступления большей частью производится не в законе, а в руко-

водящих разъяснениях пленумов Верховного Суда РФ и судебных решениях¹. Нетрудно заметить, что в представленной позиции автора четко прослеживается связь между применением уголовного закона и его правоприменительной конкретизацией. Очевидно, что без конкретизации признаков уголовного закона практически невозможно воплощение в жизнь многих его положений.

В.В. Лазарев справедливо указывает: «Конкретизацией норм суды привносят в правоприменительный акт (судебное решение) новый элемент (в отличие от толкования права), новое установление, которое отсутствует в самом нормативном акте, хотя и не выходит за его рамки. Особенно наглядно это проявляется в решениях, основанных на нормах с оценочными понятиями («злостность», «тяжкие последствия», «непригодность», «производственная необходимость», «уважительные причины» и т.д.)»². Нельзя согласиться лишь с отрицанием правотворческого характера судебного толкования, оно является результатом творческого обобщения конкретных норм, возникших в ходе применения толкуемой нормы. Кстати, автор в дальнейшем подчеркивает, что такое толкование правовых актов дается на основе широкого изучения и обобщения юридической практики.

Наличие творческого элемента в процессе конкретизации правовых норм обуславливает необходимость рассмотреть вопрос о судебском правотворчестве как источнике права или судебном прецеденте как источнике уголовного права.

Одни авторы считают судебный прецедент источником права и даже выдвигают предложения законодательно закрепить его как таковой, другие же, не отрицая роли судебной практики в формировании законодательства, не рассматривают судебный прецедент в качестве источника уголовного права. Однако при детальном рассмотрении всего правового материала по этому вопросу можно сделать вывод, что это процесс прежде всего выработки судебной практикой определенных, конкретизирующих общие начала и смысл законодательства положений, которые в одних случаях могут получить законодательное закрепление и стать нормой права, в других – так и остаться регулятором общественных отношений в качестве правовых положений.

А.В. Наумов считает, что «каждый новый судебный прецедент расширяет или, наоборот, сужает представление правоприменителя о содержании уголовно-правовой нормы, расширяя и сужая круг разновидностей фактического поведения, адекватного его отражению в «букве» уголовного закона. Без судебного прецедента любая уголовно-правовая норма мертва и достаточно абстрактна»³. Безусловно, так, но, думается, можно говорить о судебном правотворчестве и в более широком смысле. По мнению В.В. Кулыгина, при таком правотворчестве существенным образом корректируется «буква» закона там, где воля законодателя порождает противоречия собственных правоустановлений⁴.

Важной проблемой на пути использования прецедентного уголовного права выступает вопрос о неизбежном нарушении принципа законности при судебном нормотворчестве.

Творческий характер правоприменения вовсе не приводит к игнорированию принципа законности в уголовном праве в пользу судебного правотворчества. Напротив, он свидетельствует о том, что официальное признание судебного прецедента в качестве источника уголовного права может быть заменено более гибким исполь-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. С. 102-103.

² Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 105.

³ Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М.: Институт государства и права РАН, 1994. С. 22.

⁴ Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография. М.: Юрист, 2002. С. 120.

зованием различных приемов юридической техники, расширяющих или суживающих степень правотворческого участия судьи для принятия справедливого решения.

Совершенно справедливой и крайне актуальной видится точка зрения, согласно которой допущение отступления от законности не является свидетельством беспомощности в абсолютном контроле за процессом применения норм права, а, скорее, признания ограниченности человеческого разума в познании бесконечно многообразной социальной жизни. Такой контроль и не нужен, так как нельзя создать систему правил на все времена и на все случаи жизни¹.

В заключение остается только заметить, что теория и практика применения уголовного закона давно доказала – всегда находятся случаи применения норм уголовного права, когда не ясно предельно четко сформулированное законодательное правило. То, что всем или многим в уголовном законодательстве очевидным кажется сегодня, завтра вполне может оказаться неясным. Поэтому признание в качестве единственного источника уголовного права норм уголовного закона является фикцией юридического мышления, так как любой юридический текст имеет неограниченное число смыслов и может интерпретироваться различным образом. В силу этого закон есть текст, смысл которого навязывается судебным толкованием.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966.
2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999.
3. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.
4. Кульгин В.В. Этнокультура уголовного права: Монография. М.: Юрист, 2002.
5. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
6. Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М.: Институт государства и права РАН, 1994. С. 22.
7. Овчинников А.И. Неявное правотворчество в процессах толкования права // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного Российского государства и права: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 (15). Саратов, 2007. С. 156.

Юридическая герменевтика в свете коллизий законодательной компетенции

*Л.А. Плотникова, доцент кафедры
Хабаровской государственной академии
экономики и права кандидат юридических наук*

Коллизии законодательной компетенции являются разновидностью юридических коллизий, понимаемых как противоречия внутри правовой системы и выражающихся в правовых нормах, правотворчестве, правовых позициях и идеях, правоприменительной практике². Коллизии законодательной компетенции про-

¹ Овчинников А.И. Неявное правотворчество в процессах толкования права // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного Российского государства и права: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 (15). Саратов, 2007. С. 156.

² См., например: Жеребин В.С. Правовая конфликтология. Владимир, 1997; Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000; Юридический конфликт: сферы и механизмы Ч. 2 / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1994; Юридический конфликт: процедуры разреше-

никают во все составные элементы правовой системы. Углубление компетенционных коллизий в области законодательства, не находящее правового разрешения, влечет возникновение противоречий в различных сферах общественной жизни, разрушающих правовую систему и приводящих к конституционным кризисам. В то же время социальные, экономические и политические противоречия служат причиной коллизий законодательной компетенции, привносящей деструктивные процессы в правовую систему.

Коллизию законодательной компетенции можно охарактеризовать как обремененное в правовую форму противоречие, которое выражается в (1) воспрепятствовании осуществлению законодательных полномочий органов государственной власти иного уровня; (2) неосуществлении в полном объеме собственных полномочий; (3) во вмешательстве, в превышении и присвоении законодательных полномочий; (4) несогласованном их осуществлении.

Анализ действующих законодательных актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации свидетельствует о довольно частых нарушениях компетенционных границ.

Исследование причин, порождающих компетенционные споры в области законодательства, способов их выявления и устранения и, самое важное, средств их предотвращения является весьма актуальной задачей, имеющей не только теоретическое, но и практическое значение. Данному аспекту в специальной литературе уделяется недостаточно внимания. В лучшем случае проблемы лишь обозначаются, а в практической деятельности компетенционные коллизии в подавляющем большинстве выявляются в процессе толкования и правоприменения.

Споры о компетенции порождаются причинами субъективного характера, но вместе с тем их предпосылки обусловлены объективно.

Среди ученых нет единого мнения о причинах юридических коллизий. Так, например, некоторые авторы считают, что коллизии компетенции носят объективный характер в силу наличия в Конституции Российской Федерации предметов совместного ведения. С таким мнением трудно согласиться, поскольку фиксация того или иного нормативного положения осмыслена субъектом правотворчества и зависит от его волеизъявления. В связи с этим представляется правильной точка зрения В.А. Толстика о том, что причины правовых коллизий лежат только в сознательной деятельности субъекта правотворчества, которая, впрочем, детерминируется различными факторами, в том числе и объективного характера¹.

Компетенция как правовая характеристика деятельности органа власти и должностного лица должна наиболее точно отражать задачи, сферы, содержание, пределы такой деятельности². Нечеткость конституционного и законодательного выражения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ неизбежно порождает споры и конфликтные ситуации. Неясность юридических формулировок во многом обусловлена изъянами законотворческой техники, наличием в компетенционных нормах двусмысленностей и формально-логических противоречий, затрудняющих уяснение истинного содержания правовых норм.

ния. Ч. 3 / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995; Худойкина Н.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение. М., 1996.

¹ Толстик В.А. Техничко-юридические приемы выявления, устранения и преодоления формально-логических противоречий // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 110-113.

² О понятии компетенции см., например: Бачило И.Л. Функции органов управления. М., 1976. С. 23-100; Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 11-71; Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 21-32.

Несовершенство компетенционных норм обусловлено и умолчаниями, пробелами, которые порождают столкновение толкований правомерности полномочий органов государственной власти двух уровней и их должностных лиц и фактически приводят к разрыву системных связей в праве. Федеральное законодательство не всегда соответствует критерию полноты правового регулирования, в силу чего затруднено выявление определенных субъектов правоотношений и их полномочий, корреспондирующих их правомочиям обязанностей, санкций, применяемых за нарушение компетенционных норм.

Заложенный Конституцией Российской Федерации прогрессивный потенциал в отношении федеративной правовой системы не смог быть реализован в короткие сроки из-за противоречий и пробелов, содержащихся в конституционных новеллах, бланкетности норм, не подкрепленных своевременно соответствующим федеральным законодательством.

Многие конфликтные ситуации изначально предопределены федеральной Конституцией и конституциями, уставами субъектов Российской Федерации¹. Так, конституционная модель разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами изначально задает конфликтность в текущем законодательстве. В формулировании предметов ведения отсутствует единый подход, что, безусловно, порождает неясности и провоцирует конфликтные ситуации. В литературе порой можно встретить оптимистическое утверждение о том, что в Конституции РФ проведено четкое разграничение предметов ведения². Анализ конституционно-уставного законодательства субъектов Российской Федерации дает основание полагать, что в нем нередко уже запрограммированы конфликты с федеральной властью. Конституции и уставы субъектов РФ в той или иной мере могут быть оспорены с точки зрения их соответствия Конституции РФ.

Как известно, конституции и уставы субъектов Федерации являются базой для развития региональных систем законодательства. Длительное отсутствие соответствующей реакции со стороны федеральных органов власти на нарушения единства конституционно-правового пространства заложило в алгоритмы развития текущего законодательства субъектов Российской Федерации вирус хронического несоответствия федеральному законодательству³, способствовало накоплению несоответствий и противоречий в российской государственно-правовой системе, открытому вызову федеральному законодательству⁴.

¹ Такой точки зрения придерживаются многие ученые. См., например: Ермакова Ю.М. Правовой статус Российской Федерации: проблема укрепления ее государственного единства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 16; Зражевская Т.Д. Проблемы реализации конституционного законодательства на уровне субъекта Российской Федерации // 5 лет Конституции Российской Федерации: по пути к федерализму и местному самоуправлению: тезисы выступлений участников «круглого стола». М., 1999. С. 148; Интервью главного редактора журнала с М. Лесажем, профессором университета Париж-1 // Государство и право. 1999. № 1. С. 13-14; Некрасов С.И. Конституционные основы статуса субъектов Российской Федерации (проблемы равноправия и равенства) // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 62-63; Умнова И.А. Современная конституционная модель российского федерализма: проблемы совершенствования и тенденции эволюции // Государство и право. 1999. № 11. С. 7-10.

² См., например: Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2000. С. 492; Федеральное законодательство и законодательство субъектов Федерации: проблемы соответствия // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 143.

³ Митрохин С. Модели федерализма для России. В поисках альтернативы хаосу и распаду // Федерализм. 1997. № 1 (5). С. 3.

⁴ См., например: Обращение президента Бурятии к жителям Республики // Молодежь Бурятии. 1996. 6 ноября.

Правовые коллизии порождаются также излишней урегулированностью федеральным законодателем полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам совместного ведения, когда никакой конкретизации закона на региональном уровне уже не требуется. Такой подход вызывает справедливые возражения субъектов. В пользу федеральных законов, стремящихся унифицировать правовое регулирование во всех субъектах Российской Федерации, выдвигаются аргументы о необходимости укрепления целостности страны, обеспечения собираемости налогов и целевого использования бюджетных средств. Вместе с тем необходимо признать, что федеративный принцип строительства правовой системы России означает «национальную и территориальную эшелонированность правовой культуры, наличие провинциальных очагов права, питающих его жизненную силу»¹. Федеральное законодательство не может учитывать все местные условия и традиции субъектов Российской Федерации. Как отмечает В.Н. Синюков, обосновывая необходимость региональной диверсификации правовой системы России, «каждый регион или их комплекс обязаны нести определенное бремя ответственности не только за состояние нормативной и индивидуальной юридической практики на своей территории, но и участвовать в формировании всей правовой культуры России – не только опосредованно (через выборных в парламенте и других центральных органах), но и непосредственно – через свои подсистемы регионального и национального права»².

В настоящее время федеральный законодатель стремится установить правовой порядок для разрешения споров, сформировать правовые средства преодоления разногласий и рассмотрения споров о законодательной компетенции в системе государственной власти, но следует обратить внимание на то, что следствием длительного господства позитивизма в правовой системе России является сохранение традиционного отношения и к толкованию права как интерпретации только действующего законодательства без осмысления и объективирования самого права. Законодательство – это только часть правовой целостности, и проблемы его гармонизации зависят не столько от совершенствования собственно законодательной техники, сколько от переосмысления теории толкования в праве (юридической интерпретации), включая толкование Конституции. Целью юридической герменевтики является уяснение смысла права применительно к современным правовым реалиям, базирующимся на принципах прав и свобод человека.

Все изложенное выше дает достаточные основания считать сегодняшнюю систему законодательства России как еще не совсем сложившуюся, испытывающую на себе исторические, национальные, идеологические, культурные и иные традиции, обуславливающие ее уникальность, не вписывающуюся в жесткие рамки классических образцов современных правовых систем. Стремление игнорировать этот фактор и форсировать реформы законодательства только техническими средствами может принести только вред.

Литература

1. Административное право: Учебник / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2000.
2. Бачило И.Л. Функции органов управления. М., 1976.
3. Ермакова Ю.М. Правовой статус Российской Федерации: проблема укрепления ее государственного единства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
4. Жеребин В.С. Правовая конфликтология. Владимир, 1997.

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 334.

² Там же. С. 339.

5. Зражевская Т.Д. Проблемы реализации конституционного законодательства на уровне субъекта Российской Федерации // 5 лет Конституции Российской Федерации: по пути к федерализму и местному самоуправлению: Тезисы выступлений участников «круглого стола». М., 1999. С. 148.
6. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972.
7. Митрохин С. Модели федерализма для России. В поисках альтернативы хаосу и распаду // Федерализм. 1997. № 1 (5). С. 3.
8. Некрасов С.И. Конституционные основы статуса субъектов Российской Федерации (проблемы равноправия и равенства) // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 62-63.
9. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994.
10. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
11. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 21-32.
12. Толстик В.А. Техничко-юридические приемы выявления, устранения и преодоления формально-логических противоречий // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 110-113.
13. Умнова И.А. Современная конституционная модель российского федерализма: проблемы совершенствования и тенденции эволюции // Государство и право. 1999. № 11. С. 7-10.
14. Федеральное законодательство и законодательство субъектов Федерации: проблемы соответствия // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 143.
15. Худойкина Н.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение. М., 1996.
16. Юридический конфликт: процедуры разрешения. Ч. 2 / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1994.
17. Юридический конфликт: сферы и механизмы Ч. 3 / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995.

Некоторые вопросы истории использования оценочных понятий как приема законодательной техники в уголовном праве

О.С. Степанюк, заведующая кафедрой Белгородского государственного национального исследовательского университета кандидат юридических наук, доцент

Законодатель в ходе правотворчества прибегает к различным приемам конструирования правовых норм, в том числе и уголовных. Довольно распространенными являются такие приемы законодательной (юридической) техники, как использование юридических конструкций, правовых принципов, правовых фикций, оценочных понятий и другие¹. В этом ряду наше внимание привлекает такой прием, как использование оценочных понятий.

Использование оценочных понятий как прием законодательной техники известен отечественному законодательству на протяжении всей его многовековой истории. Это становится очевидным уже при обращении к самым ранним памятникам русского права. Например, Русская Правда не знала определения понятия уголовно наказуемого деяния. Преступление рассматривалось как обида – причинение любого вида физического, материального или морального ущерба определенному лицу, т.е. понятие «обида» являлось оценочным.

¹ Шугрина Е.С. Техника юридического письма: учеб.-практ. пособие. М., 2001. С. 27-28.

Русская Правда, как известно, оказала заметное влияние на более поздние источники русского права, в том числе и уголовного, такие, как Новгородская и Псковская судные грамоты XV в., Судебники 1497 и 1550 гг. В них широко применялись оценочные понятия. При этом, если Русская Правда определяла преступление как обиду, то в Судебнике 1497 г. под преступлением понималось «лихое дело», причинившее ущерб государству или частному лицу¹.

Объяснение конструирования законодательства преимущественно на основе оценочных понятий следует искать в том, что как общий уровень общественного развития, так и уровень развития правовых взглядов не позволяли конкретизировать законодательство.

На смену источникам, сформировавшимся под воздействием Русской Правды, пришел один из важнейших памятников русского права – Соборное уложение 1649 г. Это был первый печатный кодекс России, который в немалой степени определил развитие отечественной правовой системы на многие последующие десятилетия.

Следует отметить, что законоположения Соборного уложения, посвященные отдельным составам преступлений, включали в себя значительное число оценочных понятий: «...кто кого из них обесчестит *непригожим словом*...; а буде кто сын или дочь, не помня закона христианского, учнет отцу или матери *грубые речи* говорить...; ...а будет кто не бояся бога, и не опасаяся государская опалы и казни, учинит над кем нибудь *мучительное надругательство*...; ...учнуть делати свады жонкам и девкам на *блудное дело*...»², однако никаких критериев (ориентиров) для уяснения их содержания в названном акте не содержится.

Бурное развитие всех сторон общественной жизни России, вызванное реформаторской деятельностью Петра I, обусловило необходимость перестройки существовавшей правовой системы, что выразилось в принятии ряда важнейших законодательных актов. В их числе следует назвать Артикул воинский 1715 г., в котором нормы уголовного права получили дальнейшую систематизацию и развитие.

В Артикуле воинском содержится также большое количество оценочных понятий: «чародей» (арт. 1), «умеренная жизнь» (арт. 14), «всякое должное почтение, непристойные и насмешливые слова» (арт. 21), «непристойные подозрительные сходбища» (арт. 133) и др.³.

По нашему мнению, в качестве неоспоримого достижения законодательной техники той эпохи следует отметить, что отдельные статьи Артикула воинского имеют специальные толкования, которые обладают силой закона и касаются весьма важных вопросов, здесь разъясняется смысл закона, в том числе и отдельных оценочных понятий. Так, например, в тексте арт. 199, устанавливающего ответственность за фальшивомонетничество, содержится пояснение относительно того, что следует понимать под «фальшивой монетой»: «монета трояким образом фальшиво делается, (1) когда кто воровски чужим чеканом напечатует, (2) когда не прямую руду (металл) примешает, (3) когда кто у монеты надлежащей вес отъимет»⁴.

В результате активной правотворческой деятельности российских самодержцев в XVIII – начале XIX вв. стала очевидной необходимость кодификации права в России. Итогом сбора и систематизации правовых актов стало составле-

¹ Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 54.

² Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 112-113, 248, 250.

³ Российское законодательство X-XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 328, 330, 332, 352.

⁴ Там же. С. 363.

ние свода законов Российской империи, который был опубликован и введен в действие в 1835 г. Свод законов отменил Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г., позаимствовав из названных актов значительную часть нормативного материала, в результате чего существовавшие оценочные понятия были сохранены.

Следующим этапом развития уголовного законодательства явилось принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое было введено в действие с 1 мая 1846 г. и, претерпев определенные изменения, особенно в 1885 г., почти целиком действовало до Октябрьской революции 1917 г. Следует подчеркнуть, что в указанном правовом акте число оценочных понятий было значительным (например, «всякое злоумышление», «действительное преступление», «личные качества государя», «злоумышление», «дерзкие и оскорбительные слова», «дерзкие слова или поступки», «иные вредные последствия»)¹.

Таким образом, в процессе совершенствования российской правовой системы увеличивается количество оценочных понятий, применяемых в тексте уголовно-правовых норм. В качестве позитивного момента следует отметить то обстоятельство, что в некоторых нормативных актах появились законоположения, направленные на единообразное толкование отдельных оценочных понятий.

Как известно, вторая половина XIX в. в истории Российского государства была ознаменована целым рядом реформ, в том числе и судебной реформой 1864 г. В конце XIX – начале XX в. российские ученые-криминалисты² начинают обсуждать вопросы, связанные со свободой судейского усмотрения в процессе применения отдельных уголовно-правовых норм, вызывающих затруднения в силу многозначности или широты толкования. И хотя в указанный период термин «оценочные понятия» еще не сформировался, изучение источников свидетельствует, что речь в них идет именно об этом.

Так, А.Ф. Кистяковский отмечал: «Относительно объема власти судьи при толковании уголовного закона и свойств самого толкования известны следующие три положения: а) судья пользуется не только безграничной властью логического толкования закона, но и правом дополнять и видоизменять его смысл, делать при толковании натяжки и отступления от закона; б) судья в толковании закона должен быть строго ограничен его грамматическим смыслом; в) судья, не пользуясь безграничной властью, принужден исключительно сосредотачиваться на букве закона, имеет право толковать по логическому его смыслу, не суживая и не расширяя его значение и смысл»³.

А.Ф. Кистяковский в своей работе рассуждает о вопросе судебного толкования уголовного закона, который тесно связан с проблемой так называемого судейского усмотрения и судейского правотворчества. Представляется, что вопрос о возможности судебного усмотрения при разрешении уголовных дел обусловлен именно наличием оценочных понятий. И в связи с этим следует признать, что А.Ф. Кистяковский является одним из первых авторов, затронувших, хотя и косвенно, вопрос об оценочных понятиях в уголовном праве и о проблемах, связанных с их применением.

Далее обратимся к мнению Н.С. Таганцева, который, характеризуя структуру уголовного закона, указывал на то, что закон всегда содержит в себе две части: описание того посягательства, которое запрещается под страхом наказания, –

¹ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В.А. Томсинов. М., 2001. С. 234-238.

² Криминалистами в указанное время назывались специалисты, занимающиеся вопросами преступления и наказания.

³ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского законодательства. Часть Общая. Киев, 1882. С. 232-233.

часть определительная (диспозиция) и указание на саму ответственность – часть карательная (санкция). Часть определительная должна указывать признаки, характеризующие преступное деяние. При этом преобладающей формой диспозиции в кодексах, по мнению Н.С. Таганцева, является такая форма, когда закон определяет все существенные признаки состава. При такой форме построения диспозиции вся задача законодательной техники состоит в том, чтобы при определении состава не опустить действительно существенных его элементов или, наоборот, не ввести в закон случайные казуистические подробности, а равно, чтобы выразить эти существенные условия состава словами и понятиями, которые действительно соответствовали бы целям и представлениям законодателя. «Не надо забывать, – пишет Н.С. Таганцев, – что если излишне обобщенный закон дает слишком много простора судейскому усмотрению, то излишняя его казуистичность также всегда является причиной неполноты закона и крайней сбивчивости практики»¹.

Развитие общественной жизни, правоприменительной практики диктовали свои потребности специалистам, которые понимали, что ошибки и трудности во многом проистекают из неясности закона. Поэтому предпринимались определенные шаги к уточнению воли законодателя. Н.С. Таганцев впервые обращает внимание на важность и значимость для правильного понимания и применения уголовного закона употребляемого законодателем юридического языка, а также указывает на необходимость применения научных приемов толкования законов, большое значение придавая логическому развитию содержания понятий, содержащихся в тексте закона.

В связи со сказанным заслуживает внимания изданный в Одессе в 1885-1886 гг. Я. Гурляндом многотомный словарь «Юридический лексикон, объясняющий термины и институты всех прав судопроизводства, судоустройства и нотариата». И хотя этот словарь в значительной мере был посвящен разъяснению процессуальных понятий, тем не менее, в нем получили свое доктринальное толкование и некоторые оценочные понятия уголовного законодательства, например такие, как «злонамеренность», «злой умысел».

Изменение в 1917 г. государственного строя в России с неизбежностью поставило вопрос о формировании новых основ правовой системы. Процесс создания нового уголовного законодательства начался, что было вполне естественно, не с создания каких-либо крупных кодифицированных актов, а с принятия отдельных документов, устанавливавших уголовную ответственность за наиболее опасные для нового строя нарушения. Создание новых уголовно-правовых актов в первые годы существования советской власти шло настолько интенсивно, что вскоре возникла необходимость в их систематизации и кодификации. Первым кодифицированным актом были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. Несмотря на незначительный объем – всего 27 статей, которые содержали только нормы Общей части уголовного права, Руководящие начала включали в себя целый ряд понятий оценочного характера. Например: «мучительство» и «бесполезные и лишние страдания» (ст.10); «обнаружены ли совершающим деяние *заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость* или деяние совершено в *состоянии запальчивости, по легкомыслию или небрежности*» (ст.12); «лица, *действующие без разумения*» (ст.13); «действовал в *состоянии душевного равновесия*» (ст.14)² (выделено нами – О.С.). Однако при этом

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 79.

² Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997. С. 64-67.

никаких пояснений по поводу конкретизации приведенных и других оценочных понятий в Руководящих началах не содержалось.

На смену Руководящим началам по уголовному праву РСФСР пришел УК РСФСР 1922 г. Однако действовал он непродолжительное время. Новый УК РСФСР был принят 22 ноября 1926 г. и введен в действие с января 1927 г.

УК РСФСР 1926 г. действовал в один из самых тяжелых и драматичных периодов истории России – период политических репрессий и кровавого геноцида советских властей против собственного народа. С сожалением нам приходится констатировать тот факт, что рассматриваемый нами прием законодательной техники, заключающийся в использовании в тексте правовых актов оценочных понятий, непосредственным образом содействовал этому процессу. Именно на основе оценочных понятий нередко конструировались составы преступлений, по обвинению в совершении которых невинные граждане приговаривались к смертной казни, длительному лишению свободы в нечеловеческих условиях лагерей ГУЛАГа или лишению гражданства и изгнанию из пределов СССР навсегда.

Одним из наиболее значимых в контексте сказанного является такое оценочное понятие, как «контрреволюционная цель», которой характеризовались только наиболее опасные для государства – контрреволюционные преступления. Обвинение в совершении деяния с указанной целью влекло расстрел, лишение гражданства с изгнанием из пределов СССР (например, ст.58² – вооруженное восстание, ст.58³ – сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством, ст.58⁷ – подрыв государственной промышленности). При этом разъяснения, в чем указанная цель заключается, ни в УК РСФСР, ни в постановлениях Верховного Суда РСФСР не давались, и, следовательно, правоприменители определяли наличие контрреволюционной цели и ее содержание по своему усмотрению.

Как особо опасное преступление рассматривалось нарушение трудовой дисциплины *явно злого характера* работником транспорта (п. 2 ст. 59^{3В} УК РСФСР 1926 г.). Включение в норму указанного оценочного понятия допускало чрезвычайно вольное его толкование. При этом за совершение названного преступления предусматривалось наказание в виде смертной казни.

Кроме приведенных, УК РСФСР 1926 г. содержал значительное число и других оценочных понятий, например, «принуждение к совершению *явно незаконного действия*» (ст. 73); «*тяжкие последствия*» (ст. 75⁴); «*тяжкий ущерб*» (ст. 79); «*хищнический убой*» (ст. 79¹); «*крупный ущерб*» (ст. 79²); «*тяжкие последствия*» (ст. 108) и др. При этом никаких пояснений относительно содержания названных оценочных понятий в УК РСФСР 1926 г. не содержалось, что способствовало широкой практике фабрикования надуманных обвинений.

Следующим этапом развития советского уголовного законодательства явилось принятие УК РСФСР 1960 г. Этот уголовный закон разрабатывался и был принят в совершенно иных условиях, нежели предыдущий. Перед органами государственной власти не стояла задача борьбы с контрреволюционными проявлениями и внутренней оппозицией, страна оправлялась от последствий войны с фашизмом, прекратилась практика широкомасштабных политических репрессий, «хрущевская оттепель» обусловила некоторые либеральные изменения в общественной жизни, то есть экономическая и общественно-политическая ситуация в Советской России характеризовалась относительной стабильностью. Эти обстоятельства не могли не получить отражения в процессе разработки нового уголовного закона.

Сравнительный анализ использования оценочных понятий в УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. обнаружил тенденцию к снижению использования оценочных понятий в УК РСФСР 1960 г.

Так, в УК РСФСР 1926 г. в 299 статьях насчитывалось 210 оценочных понятий, т.е. доля использования оценочных понятий составляла 70 %. В УК РСФСР 1960 г. в 340 статьях насчитывалось 200 оценочных понятий, а доля их использования составляла 58 %. Следовательно, сфера использования оценочных понятий в законе 1960 г. сократилась на 12 %.

Следует отметить, что некоторые оценочные понятия УК РСФСР 1926 г. («контрреволюционная цель», «массовые волнения» и др.) устарели и не были использованы в УК РСФСР 1960 г. В то же время появились и новые – «особая жестокость», «злостное уклонение» и др.

Выявленные тенденции, по нашему мнению, можно объяснить процессом стабилизации общественной жизни в Советском государстве и возникшей в связи с этим необходимостью создания максимальных гарантий соблюдения законности при осуществлении правоприменительной деятельности. В ходе очередной кодификации законодатель отказывался от тех оценочных понятий, использование которых могло бы создать у правоприменителей ощущение возврата к политике тотальных репрессий.

Очевидно, что законодатель может более или менее активно использовать оценочные понятия как прием законодательной техники, но он не может анализировать их особенностей, исследовать практику их применения. Это задача науки. Поэтому, изучая оценочные понятия в уголовном законодательстве, нам необходимо обратиться и к научным воззрениям на данную проблему, без чего невозможно постичь суть исследуемого вопроса.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что тема существования и применения оценочных понятий в уголовном законе учеными-правоведами до начала 1950-х гг. не затрагивалась. Появлением термина «оценочные понятия» юридическая наука обязана С.И. Вильнянскому, который в 1956 г. в одной из своих работ, посвященной проблемам общей теории права, использовал формулировку «оценочные понятия в праве». Этим термином он обозначил те понятия правовых норм, которые «дают суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона»¹. В дальнейшем, в 1970-е гг., такие понятия получили еще несколько наименований. Так, например, А.Ф. Черданцев называет их ситуационными понятиями², К.И. Комиссаров – ситуационными терминами³. К последнему названию склоняется и В.Е. Жеребкин, хотя и отмечает, что термин «оценочные понятия» оказался наиболее установившимся⁴.

Термин «оценочные понятия» является достижением науки общей теории права, что, в общем, представляется нам закономерным. Однако в настоящее время он является устоявшимся и используется в науке большинства отраслей современного российского права. Обращаясь же к доктрине уголовного права, необходимо отметить, что в советский период вопрос об оценочных понятиях в уголовном законе поднимался в работах таких известных правоведов, как А.Н. Трайнин, В.Н. Кудрявцев, Я.М. Брайнин, А.В. Наумов.

Однако следует отметить, что, несмотря на предпринятые попытки сформировать определение оценочного понятия, исследователям удалось лишь выделить его наиболее общие характерные признаки.

¹ Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956. С. 3.

² Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1979. С. 173.

³ Комиссаров К.И. Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 74-75.

⁴ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 126.

Вопрос об оценочных понятиях являлся актуальным не только для уголовного права, но и для других отраслей законодательства и юридических наук. К этой проблеме в области трудового права, например, обращались Е.И. Астрахан и М.И. Бару, которые отмечали следующие существенные особенности оценочных понятий трудового законодательства: они не конкретизируются законодателем или иным компетентным органом; они уточняются и конкретизируются в процессе правоприменения; они дают возможность свободного усмотрения свободной оценки фактов¹.

Значительная роль в разработке проблематики оценочных понятий принадлежит Т.В. Кашаниной. Проводя исследование в области общей теории права, она впервые предложила определение оценочного понятия. По ее мнению, оценочное понятие представляет собой «выраженное в нормах права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемых законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволило осуществлять индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений»².

Несмотря на то, что проведенное Т.В. Кашаниной исследование оценочных понятий относилось лишь к области общей теории права, нельзя не признать принципиального значения ее вклада в изучение проблемы оценочных понятий в теории уголовного права. Здесь глубокое исследование проблемы оценочных понятий было предпринято В.В. Питецким³. Автор попытался сформулировать дефиницию оценочного понятия именно в уголовном праве. По мнению В.В. Питецкого, «оценочными понятиями являются понятия, содержание которых непосредственно раскрывается лишь в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности, путем оценки конкретных обстоятельств каждого случая, на основе правосознания субъекта, применяющего закон»⁴.

В.В. Питецкий обратил внимание на то, что законодатель при конструировании уголовно-правовых норм вынужден использовать оценочные понятия в силу причин объективного и субъективного характера. Очевидно, что В.В. Питецким были восприняты выводы относительно причин существования в праве оценочных понятий, установленные Т.В. Кашаниной, и трансформированы (адаптированы) применительно к оценочным понятиям уголовного закона. Кроме того, в числе *объективных предпосылок* В.В. Питецкий выделяет необходимость компактного изложения в уголовном законе большого количества явлений и ситуаций, имеющих уголовно-правовое значение. В уголовном законе должны содержаться исчерпывающие указания относительно оснований уголовной ответствен-

¹ Астрахан Е.И. Оценочные понятия в советском законодательстве о труде и социальном обеспечении // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 30. М., 1974. С. 39; Бару М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство право. 1970. № 7. С. 104.

² Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 6-7.

³ Питецкий В.В. Позитивные и негативные свойства оценочных понятий // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 54. Свердловск, 1977. С. 104-111; Его же. К вопросу о сущности оценочного понятия в праве // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 61. Свердловск, 1977. С. 89-94; Его же. К вопросу о функциях оценочных понятий в уголовном праве // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 63. Свердловск, 1978. С. 90-94; Его же. О гарантиях правильного применения закона // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 66. Свердловск, 1978. С. 74-87.

⁴ Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 44.

ности, условий и меры ответственности, освобождения от уголовной ответственности, правовых последствий, связанных с совершенным преступлением и т.п.

К объективным предпосылкам существования оценочных понятий в уголовном законе автор относит необходимость регулирования уголовно-правовым методом отношений морального, этического, нравственного характера. Особенностью нравственной материи является то, что она характеризуется главным образом постоянством движения, подвижностью и относительной непрерывностью. Право же, как отметил автор, развивается в основном скачкообразно, прерывисто и обладает, по сравнению с моралью, большей жесткостью и консерватизмом. Для того чтобы примирить консерватизм, относительную устойчивость уголовно-правовых предписаний и подвижность моральных норм, используются оценочные понятия, которые характеризуются определенной подвижностью, изменчивостью содержания, позволяют учитывать конкретные обстоятельства дела. Уголовно-правовые предписания, выраженные оценочными понятиями, дают возможность в рамках правовой стабильности и жесткости правовых предписаний учитывать подвижный характер норм морали.

К *субъективным предпосылкам* существования оценочных понятий в уголовном законодательстве В.В. Питецкий отнес, во-первых, ограниченную способность человека предвидеть развитие общественных отношений, в том числе и имеющих уголовно-правовое значение. Сложность общественных явлений, взаимодействие самых разнообразных факторов социальной жизни, порождающих различные вариации преступного поведения, затрудняют предвидение отдельных событий уголовно-правового характера, в особенности касающихся частных вопросов уголовного права: способы совершения преступления, преступные последствия, масштабы преступной деятельности, мотивы и цели преступлений и т.д. Использование в уголовном законодательстве оценочных понятий позволяет в известной степени смягчить противоречие между развивающимися общественными отношениями и ограниченной возможностью предвидеть их развитие. Во-вторых, существование определенных традиций, устоявшихся приемов законодательной техники, заимствование понятийного аппарата из ранее действовавшего законодательства и т.д.¹ Наше исследование подтверждает этот вывод, поскольку ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства свидетельствует, что использование оценочных понятий традиционно и неизбежно для него.

Исследование В.В. Питецкого является, пожалуй, первой работой в теории уголовного права, посвященной оценочным понятиям, и именно в этом заключается ее главное значение.

Известный интерес для нашего исследования представляет работа С.Д. Шапченко, посвященная изучению оценочных признаков в составах конкретных преступлений. В указанной работе оценочное понятие рассматривается, как понятие – общее представление, используемое законодателем для непосредственного выражения социальной значимости объектов в праве и вносящее тем самым в правовые нормы оценочный момент, в результате чего применение этих норм предполагает возможность самостоятельной оценки конкретного случая со стороны правоприменителей и осуществления на ее основе индивидуального поднормативного регулирования общественных отношений².

Здесь следует заметить, что ученые, рассматривавшие проблему оценочных понятий в общей теории права и в уголовном праве, фактически изучали оценоч-

¹ Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. С.79.

² Шапченко С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 63.

ные понятия, содержащиеся в законодательстве, и не акцентировали понятия, выделенные ими в доктрине права. Таким образом, предметом научных исследований в действительности являлись оценочные понятия закона, а не оценочные понятия права¹.

Помимо специальных исследований, посвященных оценочным понятиям, в уголовном законе данный вопрос частично затрагивался и в некоторых других трудах, что свидетельствует, как представляется, и об актуальности, и о неоднозначности проблемы. Так, в работе о соотношении судебной практики и уголовного закона Г.Т. Ткешелиадзе затрагивает вопрос о значении судебной практики для конкретизации признаков состава преступления, в том числе и оценочных признаков². Автор считал целесообразным доведение до минимума оценочных признаков в уголовном законе. По мнению Г.Т. Ткешелиадзе, оценочные признаки допустимы лишь тогда, когда они не противоречат гарантийной функции состава преступления. Это предложение является привлекательным, но, по нашему мнению, трудновыполнимым, так как довольно сложно конкретизировать многие понятия, хотя, безусловно, некоторые шаги в этом направлении можно предпринять.

В связи с этим нам представляется необходимым затронуть немаловажный вопрос терминологического характера, который в литературе не имеет однозначного решения: использование терминов «оценочные понятия» и «оценочные признаки». Так, ряд исследователей, например, В.Е. Жеребкин, Т.В. Кашанина, А.В. Наумов, В.В. Питецкий, А.И. Свинкин, Е.А. Фролов преимущественно употребляют термин «оценочные понятия», а А.С. Горелик, Г.Т. Ткешелиадзе, С.Д. Шапченко оперируют термином «оценочные признаки». При внешней схожести эти термины несут все-таки различную смысловую нагрузку. Если оценочные признаки – это отличительные характеристики, показатели, свойства, хотя и относительно-определенные, то оценочные понятия – это слова, термины, посредством которых выражаются эти характеристики. Таким образом, понятие представляет собой словесную форму выражения признака, то есть это тот аппарат, через который данный признак выражается. Следовательно, по нашему мнению, использование в качестве равнозначных терминов «оценочные понятия» и «оценочные признаки» является неверным. Для обозначения формально-неопределенных понятий уголовного закона правильнее использовать термин «оценочные понятия уголовного закона».

Таким образом, использование оценочных понятий как прием законодательной техники известно отечественному праву с самых ранних этапов его развития. Оценочные понятия содержались в большинстве актов уголовного законодательства. Обращение дореволюционных правоведов к вопросу о свободе судейского усмотрения явилось первым шагом на пути к обозначению проблемы оценочных понятий и их использования и первым вкладом науки уголовного права в ее изучение.

Наиболее последовательно оценочные понятия изучались советскими учеными в 50-60-е гг. XX в., т.е. на рубеже между второй и третьей кодификацией советского уголовного законодательства. На этом этапе был введен термин «оценочное понятие», предприняты попытки сформулировать определение и выделить общие признаки. Главный результат этого периода исследований состоит в том, что вопрос оценочных понятий приобрел характер научной проблемы.

¹ Кашанина Т.В. Указ. соч.; Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.

² Ткешелиадзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. С. 28.

В 70-80-х гг. XX в. увидели свет работы, посвященные оценочным понятиям, как в общей теории права, так и в уголовном праве. На этом этапе исследователями было сформулировано развернутое определение оценочного понятия в уголовном праве, предложена их классификация, выделены объективные и субъективные причины их появления в уголовном законе.

Литература

1. Астрахан Е.И. Оценочные понятия в советском законодательстве о труде и социальном обеспечении // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 30. М., 1974. С. 39.
2. Бару М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство право. 1970. № 7. С. 104.
3. Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956. С. 3.
4. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
5. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
6. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского законодательства. Часть Общая. Киев, 1882.
7. Комиссаров К.И. Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 74-75.
8. Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.
9. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985.
10. Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
11. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
13. Ткешелиадзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981.
14. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Сост. В.А. Томсинов. М., 2001.
15. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1979.
16. Шапченко С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988.
17. Шугрина Е.С. Техника юридического письма: Учебно-практическое пособие. М., 2001.

Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы их конкретизации

*К.А. Волков, доцент кафедры
Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент;
А.В. Нем, аспирант Хабаровской
государственной академии экономики и права*

Проблема сложности понимания уголовного закона объективна по своей юридической природе, поскольку любой закон содержит разного рода общие конструкции, принципы, абстрактные категории, оценочные понятия и прочее. Содержание таковых определяется правосознанием лица, которое применяет соответствующую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела. Реализуя право-

вые предписания уголовного закона, правоприменитель сталкивается с тем, что общественные отношения окончательно не урегулированы нормами закона. Принимая во внимание, что уровень правосознания и профессиональной подготовленности практических работников неодинаков, неизбежно разноречивое толкование одних и тех же признаков как в теории уголовного права, так и судебно-следственной практике. Н. Иванов призывает к сведению к минимуму, а в перспективе и полному исключению правоприменительных ошибок, связанных с неадекватным пониманием уголовно-правовых признаков. Во избежание разного рода правоприменительных ошибок он предлагает воспользоваться методом сокращения в законодательстве оценочных признаков, используемых для описания составов преступлений¹.

Конечно, проще установить конкретные, строгие, не предусматривающие отклонений или выбора одного из нескольких вариантов правила. Однако на многие общественные отношения нельзя воздействовать таким путем, они требуют более гибких подходов. Постепенно такие подходы сложились под воздействием объективных требований практики правового регулирования. Исторически законодательство развивалось от казуистических приемов к абстрактному, обобщенному описанию уголовно-правовых норм. Вводя в норму уголовного права абстрактное содержание, законодатель стремился с возможной полнотой охватить всю сферу регулируемых им отношений для того, чтобы в конкретном случае правоприменения максимально учесть фактические обстоятельства уголовного дела. Такой законодательный маневр был вполне оправдан, и в настоящее время его следует признать весьма актуальным применительно к уголовно-правовым предписаниям, содержание которых зависит от перманентного изменения условий социальной жизни общества.

Наиболее сложной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель в процессе реализации норм уголовного закона, содержащих общие предписания, является проблема понимания и применения оценочных понятий уголовного закона.

При конструировании уголовно-правовых норм законодатель достаточно часто использует инструментарий оценочных понятий уголовного права (например, «крупный ущерб», «крупный размер», «значительный ущерб», «тяжкие последствия», «существенный вред правам и законным интересам», «неизгладимое обезображивание лица», «тяжкое оскорбление», «жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего» и т.д.). Таким образом, применяя уголовно-правовые предписания, содержащие оценочные понятия, правоприменитель сталкивается с достаточно сложной практической ситуацией. С одной стороны, любое итоговое решение по факту применения норм уголовного закона должно быть ясное, четкое и понятное; с другой стороны, достижение этого результата в большей или меньшей степени условно, поскольку данные нормы уголовного закона сами по себе являются неточными, содержат обобщенные формулировки, которые не находят законодательного разъяснения.

К сожалению, не проясняет ситуацию по вопросу правильного применения оценочных понятий уголовного закона разъяснение Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (с изм. от 6 февраля 2007 г.) «О судебном приговоре»², в котором сказано: «Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (тяжкие или особо тяжкие последствия, крупный или значительный ущерб, существенный вред, ответственное должностное положение подсудимого и другие), суд не должен ограничивать-

¹ Иванов Н. Об унификации оценочных признаков уголовного закона // Российская юстиция. 1996. № 4. С. 17.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 2

ся ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака».

Таким образом, в каждом случае применения оценочных понятий уголовно-го закона правоприменитель должен произвести дополнительные действия, направленные на поиск правильной модели употребления оценочного понятия. В связи с этим важным представляется определение правовой сущности оценочных понятий в уголовном праве.

Проблеме оценочных понятий в современной юридической доктрине если и уделяется определенное внимание, то явно недостаточное. Действительно, в юридической науке термин «оценочные понятия» был употреблен еще в 1963 г. профессором В.Н. Кудрявцевым в известной монографии «Теоретические основы квалификации преступлений». Однако сегодня, как показывает анализ юридической литературы, дефиниция «оценочное понятие» трактуется по-разному. Отсюда известная противоречивость, дискуссионность, плюрализм воззрений на природу рассматриваемого явления и множественность подходов к его изучению.

Компилятивное изложение всех точек зрения, имеющих в литературе на такое средство юридической техники уголовного права, как оценочное понятие, является совершенно излишним, так как оно уже прекрасно выполнено в диссертационной работе О.С. Шумиловой «Оценочные понятия в УК РФ и их использование в правоприменительной деятельности»¹. Поэтому ограничимся обобщенным представлением о нем.

Под оценочными понятиями, как правило, понимаются относительно определенные понятия, содержание которых устанавливается только с учетом конкретной ситуации, обстоятельств рассматриваемого дела. Безусловно, сталкиваясь с такими явлениями при подготовке законопроектов, законодатель должен учитывать, что мышление и язык при всем их могуществе и универсальности не всегда в состоянии с абсолютной точностью отразить разнообразие, оттенки того или иного явления и объекта. Одновременно, интеллектуально-речевая практика, ее прагматические начала не всегда требуют повышенной точности мышления и языка. Так, думается, и в случае с правом. Оценочные понятия в правовом регулировании объективно необходимы и при соответствующих условиях задают определенную степень стабильности и регулятивной прочности, они как бы являются мостиком, естественной связкой нормативно-правового формализма и практической жизни. Дело в том, что оценочные понятия обобщают в себе лишь типичные признаки правозначимых явлений с расчетом на то, что правоприменитель детализирует их самостоятельно в рамках конкретного правоотношения. Это важнейшее юридическое средство, с помощью которого правовому регулированию придается гибкость, эластичность.

Между тем чрезмерное и неоправданное включение оценочных понятий в нормативные правовые акты усложняет толкование и применение правовых норм и таит опасность проявления субъективизма. Однако стремиться исключить оценочные понятия из правового регулирования, как это иногда предлагается в юридической литературе, невозможно и нецелесообразно. Это лишит право гибкости действия. Для того, чтобы оценочные понятия в полной мере выполняли свои функции в правовом регулировании и максимально исключить субъективизм в их применении, необходима систематическая деятельность судебного прецедента в выработке целей конкретизации.

¹ Шумилова О.С. Оценочные понятия в УК РФ и их использование в правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Так, содержание признака «существенный вред», относящегося к преступлению, предусмотренному ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», зависит от многих факторов: изменения обстановки в стране; принадлежности предприятия, которому нанесен ущерб в результате совершения этого преступления (государственная, кооперативная, личная, совместная собственность), и т.п. В связи с этим признак «существенный вред» должен относиться к категории оценочных, поскольку его строгая фиксация может войти в противоречие с быстро меняющейся социальной обстановкой. В свою очередь, постоянное изменение уголовного закона нарушает принцип стабильности, весьма важный с точки зрения политики и превенции.

В.В. Питецкий считает, что анализ одной лишь уголовно-правовой нормы, в составе которой толкуется оценочное понятие, недостаточно для формирования представления о ее стандарте. Поэтому очень важным ориентиром в практике применения норм с оценочными признаками, по мнению автора, всегда являлись официальные судебные толкования вышестоящих судебных инстанций, опубликованные в соответствующих «Бюллетенях»¹. Аналогичной позиции придерживается А.В. Наумов, который в своих рассуждениях идет дальше, утверждая, что ответить на вопрос о том, каково конкретное содержание оценочного понятия, употребляемого при конструировании уголовно-правовой нормы, может дать судебный прецедент².

В судебной практике встречаются случаи, когда для раскрытия оценочного признака состава преступления определенное значение имеет судебный прецедент по применению нормы другой статьи уголовного закона. Проиллюстрируем сказанное на примере.

В действующем Уголовном кодексе РФ закреплены две формы организованной преступной деятельности, образующие сложное соисполнительство или соучастие особого рода: организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). В совокупности указанные разновидности совместной преступной деятельности образуют родовое понятие организованной преступности, так и не нашедшее отражения в отечественном уголовном законе³.

Для анализа разграничительных признаков названных форм организованной преступности обратимся к их содержанию. В соответствии с п. 3 ст. 35 УК РФ под организованной группой понимают устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Преступное сообщество (преступная организация), согласно п. 4 ст. 35 УК РФ, это структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Несомненно, отражение в Общей части УК РФ анализируемых форм совместной преступной деятельности является важным шагом с точки зрения дифференциации уголовной ответственности лидеров и активных участников организованных преступных формирований. Но одновременно правоприменитель сталкивается с проблемой разграничения организованной группы и преступного сооб-

¹ Питецкий В.В. Применение оценочных признаков уголовного закона: учеб. пособие. Красноярск, 1995. С. 19.

² Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1994. С. 10.

³ В проекте закона «О борьбе с организованной преступностью» 1995 г. предлагалось следующее понятие организованной преступности: это совокупность противоправных деяний организованных преступных групп, преступных организаций и преступных сообществ.

щества (преступной организации). Отсутствие конкретных критериев разграничения названных форм организованной преступности на практике ведет к тому, что «преступное сообщество» как особую форму соучастия трудно доказать.

Возникшая ситуация не является неожиданностью, она прогнозировалась еще в период уголовно-правовой реформы. В частности, В.Д. Филимонов при обсуждении проекта нового уголовного законодательства России ставил вопрос: как отграничить организованную группу от преступного сообщества? В Общей части даны указания, что преступное сообщество отличается от организованной группы тем, что это сплоченная и управляемая организация. Но где вы видели организованную группу, не обладающую какой-либо долей сплоченности и управляемости?¹.

Действительно, исходя из законодательной дефиниции, отличительными признаками организованной группы является устойчивость, цель совершения одного или нескольких преступлений, признаками организованного сообщества (преступной организации) – структурированность и наличие преступной цели – совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Построенная на основе перечисленных признаков правовая норма об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) работает с трудом, так как основана на оценочных понятиях «устойчивость», «объединенность», «структурированность».

Основной признак организованной группы «устойчивость» не раскрывается в уголовном законодательстве. Его толкует Пленум Верховного Суда через криминологические признаки. Так, согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 г. № 3 (в ред. от 25 октября 1996 г.) «О судебной практике по делам о вымогательстве», под организованной группой следует понимать устойчивую группу из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений; как правило, такая группа тщательно готовит и планирует преступление, распределяет роли между соучастниками, оснащается технически и т.д.².

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» «организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей)»³.

Об устойчивости банды, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», могут свидетельствовать такие признаки,

¹ Филимонов В.Д. Проект страдает серьезными изъянами // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994. С. 91.

² Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В.И. Радченко. М.: Бек, 1999. С. 323-327.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

как стабильность ее состава, связь между ее членами, согласованность их действий, форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений¹.

Если обратиться к анализу другого качественного признака преступного сообщества (преступной организации) – «структурированности», то выясняется, что оно также раскрывается в судебной практике Верховного Суда РФ.

В соответствии с абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» «под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе кроме единого руководства присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации)»².

Таким образом, используя при создании уголовно-правовых понятий организованных форм преступной деятельности оценочные признаки, законодатель тем самым предоставляет правоприменителю право самостоятельно определить их содержание. Одновременно создается опасность допущения ошибок при квалификации, однако избежать их позволяет официальное толкование оценочных признаков в прецедентной практике Верховного Суда РФ.

Проведенный анализ проблемы оценочных понятий в уголовном праве позволяет нам прийти к следующим выводам. Для обеспечения гибкости уголовно-правового регулирования законодатель вынужден прибегнуть к широкому использованию в уголовном законе оценочных понятий. Употребление оценочных понятий дает возможность правоприменителю реагировать на соответствующие социально значимые изменения, происходящие в явлениях, описанных с их помощью, учитывать особенности соответствующих правовых конструкций как в целом, так и в конкретной ситуации в отдельности. Наличие оценочных понятий в уголовном праве создает серьезные трудности в их применении, поскольку в уголовном законе отсутствуют законодательно закрепленные показатели, определяющие их содержание. Для стабилизации применения норм, содержащих оценочные признаки уголовного закона, большое уголовно-правовое значение имеет конкретизирующая практика Верховного Суда РФ. При этом необходимо принимать во внимание как интерпретацию оценочных признаков уголовно-правовой нормы, так и возможные толкования аналогичных признаков по другим нормам уголовного закона.

Литература

1. Иванов Н. Об унификации оценочных признаков уголовного закона // Российская юстиция. 1996. № 4. С. 17.
2. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.
3. Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1994. С. 10.
4. Питецкий В.В. Применение оценочных признаков уголовного закона: Учебное пособие. Красноярск, 1995.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

5. Филимонов В.Д. Проект страдает серьезными изъянами // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994. С. 91.

6. Шумилина О.С. Оценочные понятия в УК РФ и их использование в правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 295 с.

К вопросу о законодательном экстремизме юридических дефиниций

***В.В. Кулыгин**, директор Дальневосточного филиала
Российской правовой академии Минюста России
доктор юридических наук, профессор;
Н.В. Горбунова, аспирант*

Ни для кого не секрет, что Уголовный кодекс России в последние несколько лет превратился в полигон для законодательных экспериментов, научная обоснованность которых является по большей части, мягко говоря, сомнительной. Иронически звучат сейчас слова о том, что «для нас возможность творить уголовный закон методом проб и ошибок безвозвратно ушла в прошлое»¹. Аргументация, основанная на анализе подвергающихся бесконечной «вивисекции» статей уголовного закона, будет приведена ниже. Здесь же хотелось бы вспомнить незаслуженно забытую коллективную монографию «Основания уголовно-правового запрета», изданную почти 30 лет назад, но актуальности своей не утратившую. Авторы монографии, формулируя уголовно-правовые системные принципы криминализации, отнесли к их числу, наряду с прочими, принцип беспробельности закона и неизбыточности запрета и принцип определенности и единства терминологии.

Применение первого из этих принципов на практике требует достаточно сложного и разностороннего теоретического обоснования уместности криминализации или декриминализации того или иного деяния. Действительно, «в результате единственного законодательного решения, относящегося к Особенной части, в Уголовном кодексе могут произойти следующие изменения: возникнет или исчезнет основной состав преступления; образуются либо уничтожатся квалифицированные либо привилегированные составы; создадутся специальные составы»². Однако, объясняя всю сложность системного значения любого изменения Особенной части уголовного законодательства, Г.А.Злобин замечает, что существует единственный и достаточно элементарный критерий оценки таких новаций: «*Изменилась ли в результате новеллы мера ответственности преступника за какое-либо из возможных деяний?*»³ (курсив наш – В.К., Н.Г.).

Следующий принцип – определенности и единства терминологии – напрямую связан с таким понятием, как юридическая или, в нашем случае, законодательная техника. Вопросу этому посвящен обширнейший пласт исследований и в общей теории права, и в отраслевой юридической науке. В большинстве юридических вузов страны разработаны и преподаются соответствующие курсы и спецкурсы. Однако остается только удивляться тому, с каким упорством, достойным, как известно, лучшего применения, нынешний отечественный Законодатель игнорирует большую часть правил законодательной техники, включая требования к

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 190.

² Там же. С. 236.

³ Там же.

языку закона. Было бы неверным думать, что значение законодательной техники заключается только в унификации способов описания и систематизации нормативного материала, что, безусловно, важно само по себе. На деле от ее качества во многом зависит эффективность правового регулирования, и прав А.В. Наумов, когда говорит о том, что «степень совершенства внутренней формы уголовного закона, несомненно, оказывает влияние на эффективность охраны прав граждан в сфере уголовной юстиции»¹.

Возьмем последний тезис за исходную точку и попробуем проверить, насколько чисто, с технической точки зрения, соответствуют действующие статьи уголовного закона, устанавливающие ответственность и наказание за экстремистскую деятельность, специальным принципам криминализации и правилам юридической техники. Вопрос о социальной обусловленности данных уголовно-правовых запретов остается при этом не более чем навязчивым фоном, задним планом, если угодно. Навязчивым же по той причине, что в истории нашего государства неоднократно и с большим успехом предпринимались попытки решать политические проблемы за счет уголовной репрессии, совершенно не заботясь о соблюдении принципа положительных и отрицательных последствий криминализации.

Итак, очевидно, что возможность уголовного преследования за экстремистскую деятельность напрямую зависит от качества законодательного ее определения. В уголовно-правовой литературе критика дефектов юридической техники в нормах уголовного закона, описывающих преступления экстремистской направленности, варьируется в широком диапазоне – от непримиримо жесткой (Н.Ф. Кузнецова, А.И. Бойко) до умеренной (А.Я. Гуськов, А.Г. Хлебушкин). Не требуется глубокого юридического анализа, чтобы заметить, что включение в число видов экстремистской деятельности совершенно разнообъектных преступлений, предусмотренных ст. 278, 279, 280, 282, 208, 205, 212, 213, 214 УК РФ наряду с действиями, которые не являются преступными (например, пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения), размывают законодательное понятие экстремизма до чрезвычайно опасных пределов. Следуя логике авторов Закона «О противодействии экстремистской деятельности», можно привлечь к уголовной ответственности, например, автора одного фундаментального научного исследования за пропаганду нацистской символики (вероятно, до степени смешения)². Ничем иным, как официальным «освящением» применения уголовного закона по аналогии, такое законотворчество быть не может.

Несколько успокаивает в этом контексте позиция Верховного Суда РФ, нашедшая отражение в Постановлении Пленума «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г.³, а именно положения, сформулированные в п. 8 названного Постановления.

Невзирая на обоснованную критику, отечественный законодатель, как известно, отнес к числу экстремистских деяния, посягающие на избирательные права и на порядок управления, окончательно превратив экстремизм в «некое аморфное явление с чрезмерно размытыми юридическими границами»⁴.

Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 112 в Уголовный кодекс были введены ст. 282¹ и 282², предусматривающие ответственность за организацию

¹ Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 20.

² Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб., 2008.

³ Российская газета. 2011. 4 июля.

⁴ Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007. С. 13-14.

экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации. К слову заметим, что оборот «организация деятельности организации» в очередной раз свидетельствует о необходимости лингвистической экспертизы всех законопроектов, но основной упрек следует адресовать норме ст. 282¹ УК РФ. Во-первых, формулировка «экстремистского сообщества, то есть организованной группой лиц» фактически уравнивает две формы групповой преступной деятельности, которые в ст. 35 УК РФ отделены друг от друга через признак структурированности, который в ст. 282¹ УК РФ включить, вероятно, опять забыли.

Очевидно, что термин «сообщество» в данном случае используется не в строго уголовно-правовом, а, скорее, социологическом значении, поскольку по замыслу законодателя, выраженному в приведенной расшифровке экстремистского сообщества и подтвержденному в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (п. 12, 17), речь идет именно об организованной группе.

В противном случае под квалификацию ст. 282¹ УК РФ не подпадала бы организованная экстремистская деятельность в тех ситуациях, когда группа не характеризуется структурированностью, а также случаи создания организованной группы в целях совместного совершения преступлений экстремистской направленности небольшой и средней тяжести. Более того, мотив национальной ненависти или вражды, выступающий одним из признаков преступлений экстремистской направленности, хотя и не исключает, но все же в большинстве случаев не предполагает корыстной заинтересованности в виде финансовой или иной материальной выгоды, характерной для преступного сообщества.

Во-вторых, если экстремистское сообщество – это все же разновидность преступного сообщества (а каким оно еще может быть, если создается для совершения преступлений экстремистской направленности?), то совершенно непонятно, почему организаторам и участникам такого сообщества выдана законодательная индульгенция в виде санкции в 4 и 2 года лишения свободы соответственно, в то время как организаторам и участникам «общеуголовного» преступного сообщества угрожает наказание в виде лишения свободы на срок до 20 и 10 лет соответственно?¹ Очевидно, что и в данном случае мы имеем дело с явной неграмотностью законодаторов в области знания основ законодательной техники вообще и правил конструирования общей и специальных норм в частности.

Вызывает также вопросы целесообразность включения в ст. 282¹ и 282² УК РФ примечаний, содержащих идентичные основания освобождения лица от уголовной ответственности.

Во-первых, часть 1 примечания к ст. 282¹ никак не соотносится с диспозициями составов преступлений, предусмотренных данной статьей, иначе квалификация по ст. 282¹ была бы возможной только после того, как суд признает, что соответствующее объединение осуществляет экстремистскую деятельность, и вступит в законную силу принятое им решение о ликвидации или запрете деятельности такого объединения, а оно продолжает запрещенную деятельность². Как подчеркнуто в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11, для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности (абз. 2 п. 12).

Во-вторых, основания освобождения от уголовной ответственности, указанные в рассматриваемых примечаниях, являются частным случаем деятельного

¹ Санкция ст. 210 УК РФ в ред. Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ.

² Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учеб. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 206.

раскаяния, при этом в отличие, скажем, от содержания Примечания к ст. 210 УК РФ, требующего не только прекращения участия в преступном сообществе (преступной организации), но и активного содействия раскрытию или пресечению преступлений, примечание к ст. 282² УК РФ предусматривает освобождение от ответственности уже на основании одного добровольного прекращения участия в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Соответственно возникает вопрос: либо это сознательное решение законодателя, упростившее для членов экстремистской организации процесс освобождения от уголовной ответственности, либо очередное законодательное упущение, и в этом случае целесообразность включения текста примечания в ст. 282² неочевидна, так как в конкретных случаях можно применить общую норму о деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Изложенное выше позволяет сделать достаточно пессимистичный вывод о качественном состоянии российской уголовно-правовой политики, если иметь в виду, что уголовный закон является ее главным инструментом. Очевидно, что пренебрежение наработанными за долгие десятилетия правилами законодательной техники авторитет и силу уголовного закона только умаляет, следовательно, и эффективность уголовно-правового регулирования определенных общественных отношений понижается до опасного предела.

Литература

1. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: Учебное пособие. М.: Волтерс Клувер, 2011.
2. Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб., 2008.
3. Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 20.
4. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
5. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007.

О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России

*А.В. Козлов, доцент кафедры Нижегородского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», судья третейского суда
кандидат юридических наук, доцент*

Административно-правовая преюдиция представляет собой такой прием юридической техники, при котором повторно совершенное административное правонарушение, в случае, если лицо ранее привлекалось за аналогичное административное правонарушение к административной ответственности, рассматривается как преступление и влечет уголовную ответственность.

Напомним, что административно-правовая преюдиция использовалась в советский период отечественной истории, но в 1996 г., когда был принят действующий Уголовный кодекс РФ, законодатель согласился с позицией противников административно-правовой преюдиции и отказался от данного приема юридической

техники в уголовном законодательстве. Затем Федеральным законом от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ административно-правовая преюдиция была предусмотрена в ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» УК РФ и тем самым возвращена в отечественное уголовное законодательство. Позднее Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ в УК РФ была введена статья 151¹ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», которая также предусматривала административно-правовую преюдицию.

В 2010 г. в своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию РФ Президент РФ Д.А. Медведев призвал активнее использовать административно-правовую преюдицию в уголовном законодательстве России, тем самым дав понять, что административно-правовая преюдиция должна быть не разовым, а обычным явлением в уголовно-правовой сфере. Следует отметить, что Президент РФ был услышан, и уже сейчас в Государственной Думе РФ находятся законопроекты, предусматривающие административную преюдицию еще в 12 статьях УК РФ.

В связи с возвращением административно-правовой преюдиции в уголовное законодательство научная дискуссия относительно данного института уголовного права и законодательства, которая после 1996 г. практически утихла, разгорелась с новой силой. И дискуссия эта ведется относительно таких вопросов, как:

- допустимость административно-правовой преюдиции (можно ли использовать такой прием юридической техники, как административно-правовая преюдиция в уголовном законодательстве?);
- целесообразность административно-правовой преюдиции (нужен ли такой прием, как административно-правовая преюдиция, в том числе выполняет ли он функцию предупреждения правонарушений?);
- уголовная политика использования административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве (в отношении каких административных правонарушений возможно использование административно-правовой преюдиции?);
- юридическая техника изложения уголовно-правовых норм, содержащих такой прием, как административно-правовая преюдиция;
- иные вопросы.

Причем, несмотря на то, что административно-правовая преюдиция в уголовном законодательстве является данностью, а вопрос о ее последующей «экспансии» в уголовном законодательстве решен, или практически решен, наиболее ожесточенные споры ведутся не по поводу целесообразности использования административно-правовой преюдиции и не по поводу уголовной политики и юридической техники ее закрепления в УК РФ, а по поводу допустимости использования административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве.

В уголовно-правовой сфере трудно найти более неблагоприятное дело, чем «вклиниться» в спор о допустимости использования административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве. Очевидно, что по многим вопросам существуют различные (иногда полярные) точки зрения. Но по вопросу о допустимости использования в уголовном законодательстве такого приема юридической техники, как административно-правовая преюдиция, с определенной долей условности можно сказать, что сформировались два воинственно настроенных друг по отношению к другу лагеря. И принятие позиции одного из лагерей неизбежно встретит неодобрение (и это в лучшем случае) другого.

Представители каждого из лагерей не могут или не хотят услышать доводы противников из другого лагеря. В таких условиях найти истину в вопросе о допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве непросто. Не случайно И.А. Володько отмечает, что «проблема административной преюдиции уже начинает приобретать характерные черты так называемого

методологического тупика, свойственного, скажем, проблеме смертной казни в РФ»¹.

Автор настоящей статьи не является ни ярким сторонником, ни ярким противником административно-правовой преюдиции. Но, действуя вопреки собственным же предостережениям и рискуя вызвать «праведный» гнев противников административно-правовой преюдиции, попробуем опровергнуть их доводы о недопустимости использования административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве и сделаем это по одной основной причине. В условиях, когда административно-правовая преюдиция активно проникает в УК РФ, нужно разработать (и желательно в небольшие сроки) научные основы (уголовную политику и юридическую технику) ее использования в уголовном законодательстве России, чтобы предотвратить ошибки законодателя. Но противники административно-правовой преюдиции, как правило, останавливаются на доводах о ее недопустимости и выключаются из процесса разработки таких научных основ, что в конечном счете негативно сказывается на качестве уголовного законодательства. Более того, и некоторые (как правило, пока еще не очень маститые) сторонники административно-правовой преюдиции избегают разработки научных основ ее применения в уголовном законодательстве, опасаясь немилости со стороны влиятельных противников административно-правовой преюдиции.

Итак, приступим. В первую очередь отметим, что предпосылкой допустимости административно-правовой преюдиции является утверждение о том, что общественно опасно любое правонарушение, а не только преступление. Некоторые авторы утверждают, что общественная опасность свойственна только преступлениям. Иные правонарушения (проступки) общественной опасностью не обладают. Так, например, Д.Н. Бахрах пишет, что «преступления качественно отличаются от проступков, так как являются общественно опасными деяниями... Проступки не обладают общественной опасностью. Это общественно вредные, антиобщественные деяния»².

Но большинство ученых полагают, что общественная опасность свойственна любому правонарушению. Так, В.К. Бабаев отмечает, что «в отечественной литературе до сих пор не прекращаются споры о том, являются ли проступки общественно опасными или таковы лишь преступления как наиболее тяжкий вид правонарушений. Полагаю, что абсолютно все правонарушения общественно опасны, иначе чем объяснить меры наказания, устанавливаемые законодательством за каждое правонарушение?»³.

В этом же ключе рассуждает И.В. Тимошенко, указывая, что «общественная опасность, хотя и не упомянута законодателем в числе обязательных признаков административного правонарушения, все же является таковым, несмотря на то, что в юридической литературе бытует мнение о том, что общественно опасны только преступления, тогда как административные правонарушения только вредны, но не опасны. Представляется все же, что это не так. Административным правонарушениям присущ именно признак их общественной опасности, а не просто вредности. И именно по ней (точнее, по ее степени) можно зачастую разграничить административные проступки и смежные с ними преступления. И ведь нельзя же говорить об отсутствии общественной опасности в таких административных правонарушениях, которые посягают на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, на безопасность дорожного движения, на пожарную

¹ Володько И.А. Административная преюдиция в УК РФ: возвращение. URL: www.crimpravo.ru/blog/1035.html

² Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 30, 32.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2004. С. 485.

безопасность и т.п., в результате чего ежегодно гибнут десятки тысяч людей. А о степени такой опасности, отграничивающей их от преступлений, можно (и нужно)»¹.

Д.М. Овсянко отмечает, что «от смежных с ними преступлений административные правонарушения отличаются лишь меньшей степенью своей общественной опасности»². Об этом же говорят Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев и С.В. Тихомиров³. И именно степень общественной опасности (а не ее наличие или отсутствие) указывается в учебной литературе по теории государства и права как критерий разграничения преступлений и проступков⁴.

Если мысленно представить себе ось абсцисс (или ординат) как способ отображения общественной опасности правонарушений, то точка у ее основания – наименее общественно опасное правонарушение (допустим, безбилетный проезд). По мере удаления от основания оси степень общественной опасности возрастает, и наиболее удаленная от основания оси точка в районе стрелки – наиболее общественно опасное правонарушение (допустим, геноцид). А жирная черта где-нибудь по центру оси – степень общественной опасности, отличающая преступление от иных проступков. М.Д. Шаргородский указывал, что «между различными категориями правонарушений объективно имеется лишь количественное различие в степени общественной опасности, а качественное различие придается законодателем»⁵. Вот эта жирная черта на оси и будет тем «качественным различием». Или не очень жирная, потому что, по справедливому, на наш взгляд, утверждению П.Д. Фризен, «границы между преступлениями и иными правонарушениями очень подвижны, нередко формальны и даже условны»⁶.

Определившись с тем (убедив самого себя в том), что общественная опасность характерна для любого правонарушения, приступим к осмыслению доводов о недопустимости административно-правовой преюдиции.

Один из основных доводов о недопустимости административно-правовой преюдиции заключается в том, что сколько бы ни было административных правонарушений, они не могут перерасти в преступление. Уже крылатым стало выражение Н.Ф. Кузнецовой о том, что «количество непроступных правонарушений не может перерасти в преступное качество, как сто кошек не могут приобрести качество тигра»⁷.

А между тем, если даже не брать в расчет ранее упомянутые ст. 151¹ и 178 УК РФ, в которых предусмотрена административно-правовая преюдиция, в Уголовном кодексе РФ содержится целый ряд примеров, когда в качестве преступления рассматривается два и более проступка, каждый из которых в отдельности преступлением не является.

¹ Тимошенко И.В. Административная ответственность: учеб. пособие. М.: МарТ, 2004. С. 38.

² Овсянко Д.М. Административное право: учеб. пособие / под ред. проф. Г.А. Туманова. М.: Юристъ, 1997. С. 131–132.

³ Административное право России: учеб. / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров; отв. ред. Л.Л. Попов. М.: Велби, Проспект, 2006. С. 290.

⁴ См., например: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 589-590; Хропанюк В.Н. Теория государства и права / под ред. В.Г. Стрекозова. 2-е изд., доп. и испр. М., 2001. С. 333.

⁵ Бахрах Д.Н. Указ. соч. С. 30.

⁶ Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. С. 13.

⁷ Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 83.

Так, например, согласно ст. 241 УК РФ, уголовная ответственность предусмотрена в том числе за систематическое предоставление помещений для занятия проституцией. «Систематическое» означает три и более раза. Общественная опасность однократного или двукратного предоставления помещений для занятия проституцией не достигает, если верить законодателю, степени общественной опасности преступления. А третий факт предоставления помещений для занятия проституцией является той каплей, которая, упав на весы, переводит стрелку в зону преступления. Если возвратиться к нашей оси абсцисс, то можно сказать, что каждый факт предоставления помещений для занятия проституцией представляет собой точку, расположенную перед чертой, отграничивающей на ней проступки от преступлений. Но три факта предоставления помещений для занятия проституцией в совокупности (в системе) образуют одну точку за этой чертой.

И таких примеров, как уже было сказано, в Уголовном кодексе РФ немало. Так, статья 110 УК РФ предусматривает уголовную ответственность, в том числе, за систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, статья 117 – за систематическое нанесение побоев, статья 151 – за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ, статья 154 – за неоднократные действия по незаконному усыновлению, часть 1 ст. 180 – за неоднократное незаконное использование чужого товарного знака, часть 2 ст. 180 – за неоднократное незаконное использование предупредительной маркировки; статья 157 – за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или родителей, статья 177 – за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг, статья 185¹ – за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации о ценных бумагах, статья 314 – злостное уклонение осужденного от отбывания наказания и т.д.

Причем некоторые из приведенных выше деяний по отдельности не являются даже административными правонарушениями, например: однократный (или даже двукратный) факт предоставления помещения для занятия проституцией или однократное незаконное использование предупредительной маркировки.

За счет чего же несколько правонарушений, каждое из которых не является по отдельности преступлением, в совокупности могут дать качество (степень общественной опасности) преступления? Ответ на этот вопрос дает В.К. Бабаев, который отмечает, что «проступки, в отличие от преступлений, не выражают общественной опасности самой личности. Но личность, неоднократно нарушающая юридические нормы, становится общественно опасной, и ее последующие правонарушения расцениваются уже не как проступки, а как преступления. Так, разовые уклонения родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, – это гражданско-правовые проступки. Злостное же уклонение родителя от уплаты таких сумм признается законом преступлением и влечет уголовную ответственность»¹.

Конечно, приведенные нами примеры из Уголовного кодекса РФ могут показаться не совсем корректными. Они хоть и подтверждают в той или иной мере возможность перерастания проступков в преступление, но во всех этих примерах как преступление рассматриваются *несколько* проступков в совокупности. То есть общественная опасность преступления достигается путем суммирования общественной опасности всех входящих в него проступков. Но обоснование допустимости административно-правовой преюдиции – это, по сути, обоснование того, что *одно* административное правонарушение достигает качества (степени обществен-

¹ Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2004. С. 488.

ной опасности) преступления при условии, что оно совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности. А для этого в первую очередь нужно обосновать то, что любое повторно совершенное лицом правонарушение более общественно опасно, чем первое, при условии, если за это первое правонарушение данное лицо привлекалось к юридической ответственности.

В отечественном «неуголовном» законодательстве можно найти немало примеров, когда закон предусматривает за второе совершенное правонарушение более строгую меру юридической ответственности, чем за первое, если за первое лицо ранее привлекалось к юридической ответственности.

Так, например, согласно ст. 81. Трудового кодекса РФ работник может быть уволен в случае неоднократного неисполнения без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, обстоятельством, отягчающими административную ответственность, признается повторное совершение однородного административного правонарушения, если за совершение первого административного правонарушения лицо уже подвергалось административному наказанию. Помимо этого в так называемой (если говорить языком Уголовного кодекса) Особенной части КоАП РФ содержится 11 статей, в которых предусмотрена повышенная административная ответственность за повторное совершение административного правонарушения. Так, например, в соответствии с ч. 1, 2 ст. 12.8 КоАП РФ управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, либо передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, влечет лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет. А в соответствии с ч. 4 этой статьи повторное совершение указанных административных правонарушений влечет лишение права управления транспортными средствами на срок три года.

В уголовном законодательстве целого ряда зарубежных государств можно найти множество примеров, когда более строгое наказание предусмотрено в случае совершения преступления лицом, ранее привлеченным к уголовной ответственности.

Так, например, в соответствии со ст. 48 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран «если лицо, осужденное за преступление, после отбытия наказания вновь совершит преступление, суд при необходимости вправе назначить осужденному более строгое наказание»¹.

В соответствии со ст. 56 УК Японии «повторным совершением преступления считается, если лицо, приговоренное к лишению свободы с принудительным трудом, в течение 5 лет со дня окончания исполнения наказания или дня освобождения от его исполнения опять совершит преступление, за которое должно быть назначено срочное лишение свободы с принудительным трудом»². При этом в соответствии со ст. 57 УК Японии «наказание за повторно совершенное преступление назначается не свыше удвоенного максимального срока лишения свободы с принудительным трудом, установленного за данное преступление»³.

В соответствии с ч. 1 ст. 54 УК Бельгии «тот, кто после осуждения к уголовному наказанию совершит преступление, наказываемое тюремным заключением от 5 до 10 лет, может быть осужден к тюремному заключению на срок от 10 до 15 лет»⁴. Согласно ч. 2 этой статьи, «если преступление влечет наказание в виде тю-

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / пер. с перс. М.С. Полевина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 63.

² Уголовный кодекс Японии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 58.

³ Там же. С. 59–60.

⁴ Уголовный кодекс Бельгии / пер. с франц. Г.И. Мачковского. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 64.

ремного заключения от 10 до 15 лет, виновный может быть осужден к тюремному заключению на срок от 15 до 20 лет».

В соответствии со ст. 91 УК Республики Сан-Марино «рецидивистом считается лицо, ранее судимое за умышленное преступление. Если рецидив повторяется и новое преступление носит тот же самый характер, наказание может быть увеличено на одну ступень»¹.

По УК Аргентины (ст. 50) «всегда признается рецидивом совершение преступления лицом, отбывшим полностью или частично назначенное судом наказание в виде лишения свободы, если новое преступление подлежит тому же наказанию»; «в случае многократности рецидива в качестве дополнения к последнему наказанию назначаются каторжные работы на неопределенный срок, если предыдущее наказание было следующим: 1) четырехкратное лишение свободы, одно из которых на срок свыше 3 лет; 2) пятикратное лишение свободы на срок менее 3 лет» (ст. 52)².

На самом деле в зарубежном уголовном законодательстве подобных примеров намного больше. Но и приведенных – более чем достаточно. Главное, что мы подбирали государства, которые трудно «обвинить» в принадлежности к одной правовой семье, одному географическому району, схожести в вопросах религии и т.д.

Хотя в Уголовном кодексе РФ законодатель отказался от неоднократности преступлений, в том числе исключил неоднократность преступлений из числа обстоятельств, отягчающих наказание, и из перечня квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ, рецидив преступлений все еще остается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), влечет более строгое наказание (ч. 5 ст. 18, ч. 2 ст. 68 УК РФ), влияет на выбор вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ). Таким образом, и УК РФ предусматривает возможность повышенной уголовной ответственности за второе преступление, если за первое лицо привлекалось к уголовной ответственности.

Так за счет чего же повторно совершенное правонарушение более общественно опасно, чем первое, при условии, что за первое правонарушение лицо привлекалось к юридической ответственности? Ответ: за счет личности правонарушителя.

Если перефразировать В.К. Бабаева и взять проступки (в том числе административные правонарушения), то первый из совершенных проступков выражает общественную опасность деяния, но не выражает общественной опасности личности правонарушителя. Повторно совершенный проступок выражает уже общественную опасность не только деяния, но и личности правонарушителя. За счет этого повторно совершенный проступок и более общественно опасен, чем первый.

Именно о личности правонарушителя говорит П.Д. Фризен, когда отмечает, что «трансформация административно-правовых отношений в уголовно-правовые происходит, условно говоря, через субъекта правонарушения. При административной преюдиции следует вести речь не о переходе количества деликтов в иное качество, а о приобретении нового качества (статуса) лицом, совершившим преступление (правонарушение)»³.

Интересно, что на основании ч. 2 ст. 74 УК РФ суд может продлить условное осуждение не более чем на 1 год, если условно осужденный совершил нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / пер. с итал. В.Г. Максимова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 83-84.

² Уголовный кодекс Аргентины / пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 63–64.

³ Фризен П.Д. Указ. соч. С. 13.

ответственности, а если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, суд может на основании ч. 3 ст. 74 УК РФ отменить условное осуждение. Во-первых, это свидетельствует о том, что административные правонарушения имеют уголовно-правовое значение не только в разрезе административно-правовой преюдиции. Во-вторых, УК РФ, по сути, признает влияние административного правонарушения на повышение общественной опасности личности преступника.

В отличие от первого проступка, первое преступление уже выражает общественную опасность самой личности. Повторное преступление повышает общественную опасность личности, а следовательно, и повторно совершенного преступления по отношению к первому преступлению в целом. Именно трансформация личности правонарушителя и позволяет за повторно совершенное правонарушение (преступление или проступок) предусматривать более строгую меру юридической ответственности.

Если нам удалось убедить читателя в том, что повторно совершенный проступок более общественно опасен, чем первый, то дальше все проще. Есть административные правонарушения, которые немного «не дотягивают» до степени общественной опасности преступления. В случае повторного совершения таких правонарушений, их степень повышается и может достигнуть степени общественной опасности (качества) преступления.

Противники административно-правовой преюдиции любят приводить пример с уголовной ответственностью за повторный безбилетный проезд. Понятно, что в этом примере есть доля иронии. И речь об административно-правовой преюдиции можно вести только за наиболее общественно опасные административные правонарушения. Правда, ученым нужно договориться, какие административные правонарушения являются наиболее общественно опасными в условиях отсутствия в КоАП (по аналогии с УК) выделения категорий административных правонарушений и четкой иерархии административных наказаний.

Один из доводов против административно-правовой преюдиции заключается в том, что она противоречит принципу международного и российского права, согласно которому «никто не может нести юридическую ответственность дважды за одно и то же правонарушение». Но если мы говорим, что повторное административное правонарушение более общественно опасно в силу того, что общественно опасной становится личность правонарушителя, то наказание и должно быть более строгим.

Противники административно-правовой преюдиции говорят о том, что преюдиционное преступление не вписывается в существующую классификацию преступлений. Но биологическая и социальная эволюция идет по пути появления новых видов, формирования новых и уточнения существующих классификаций.

Существуют и иные доводы против административно-правовой преюдиции, в том числе юридико-технического характера. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть их все и в полном объеме. Еще раз отметим, что в современных условиях проблема административно-правовой преюдиции не должна сводиться к дискуссиям о ее допустимости. Как уже было сказано нами ранее, в условиях, когда административно-правовая преюдиция обосновалась в уголовном законодательстве и законодатель вынашивает планы по расширению ее присутствия в УК РФ, нужно задуматься о разработке научных основ (уголовная политика и юридическая техника) ее использования в уголовном законодательстве России.

Литература

1. Административное право России: Учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров; отв. ред. Л.Л. Попов. М.: Велби, Проспект, 2006.
2. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: Учебное пособие. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.
3. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 83.
4. Овсянко Д.М. Административное право: Учебное пособие / Под ред. проф. Г.А. Туманова. М.: Юристъ, 1997.
5. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
6. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2004.
7. Тимошенко И.В. Административная ответственность: Учебное пособие. М.: МарТ, 2004.
8. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В.Г. Стрекозова. 2-е изд., доп. и испр. М., 2001.

Юридическая техника как одно из средств преодоления ошибок в правоприменительной деятельности

Р.М. Кашипов, начальник кафедры

*Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент*

«Сократ: Как ты скажешь,
Гиппий, вред или польза для государства закон?
Гиппий: Устанавливается закон, я думаю, ради пользы.
Иногда же он приносит и вред, когда его плохо установили»¹.

Методологические основы законодательной техники были заложены еще в трудах Платона, Аристотеля, Цицерона и других знаменитых античных юристов, а в более позднее время – в работах Ф. Бэкона, И. Бентама, Ш. Монтескье, Р. фон Иеринга и других видных представителей философской и правовой науки Европы. Так, Монтескье и Иеринг сформулировали важнейшие принципы составления законов и правил законодательной техники, которые и сегодня не потеряли своей актуальности².

Законодательная техника служит важнейшим фактором внутреннего развития правовых актов и обретения ими официально признанных свойств. Значение ее постоянно возрастает в условиях стремительного правотворчества, масштабного обновления и развития отечественного законодательства. Так, Ю.Л. Тихомиров выделяет четыре основных направления комплексного применения законодательной техники: 1) систематическое и планомерное воздействие на законодательную деятельность, когда с ее помощью удается тщательно и юридически корректно формировать нормативную ткань будущего закона, проводить юридическую экспертизу с точки зрения соблюдения правил законодательной техники, не допус-

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 390.

² Монтескье Ш. О духе законов. Гл. XVI «Что именно следует иметь в виду при составлении законов» // Избранные произведения / пер. с франц. М., 1955. С. 651-654; Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1906.

кать и исправлять законодательные ошибки; 2) законодательная техника оказывает влияние на правоприменительную деятельность, способствуя правильному пониманию смысла законов и содержания правовых норм, верному применению их как основания для издания подзаконных актов, осуществления юридических действий, использования механизма правовой защиты граждан и юридических лиц; 3) законодательная техника выступает в качестве средства международного обмена правовой информацией, как способ сближения национальных законодательств и введения общих и согласованных юридических режимов; 4) законодательная техника служит средством обучения основам правотворчества и правоприменения¹.

Различают объективные и субъективные причины законотворческих ошибок. К объективным относят коренные изменения, происшедшие за последние годы в российской правовой системе, и связанные с ними пробелы в отечественной теории государства и права; необходимость в короткие сроки заново создавать или обновлять практически все отечественное законодательство; недостаточную правовую культуру населения в целом и многих участников законодательного процесса на федеральном уровне; несовершенство законодательной процедуры, установленной Регламентом Государственной Думы.

Среди субъективных причин отмечают поспешность в рассмотрении и принятии законов, нарушение технологии и недостаточно четкую регламентацию законодательного процесса, незнание многими субъектами и участниками законопроектной деятельности действующего законодательства, методологии, методики законотворчества, правил законодательной техники и современного русского литературного языка; несоблюдение или игнорирование отдельными участниками законодательного процесса установленных или выработанных на практике процедур создания законов, волюнтаризм отдельных руководителей, проявляющийся во внесении в Государственную Думу популистских, не обоснованных потребностями практики законопроектов².

По образному выражению Ю.А. Тихомирова, последние 15 лет страна обуреана жадой законотворчества. Пишут все, и фраза «писать закон» стала классической формулой³. По оценкам экспертов, каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки. В итоге у нас тысячи законов. Ни одна страна столько не принимает⁴.

Таким образом, проблемы законодательной техники приобретают актуальное значение в условиях роста законотворчества и сложного процесса правоприменения.

На одной межвузовской конференции о проблемах юридической техники профессор Н.М. Кропачев, отмечая актуальность темы конференции и ее новые ракурсы, отметил, что если ранее в первую очередь говорили о законодательной технике, то теперь не менее серьезное внимание уделяется технике правоприменения. Данная тенденция связана прежде всего с возрастающим значением деятельности Конституционного Суда России и уставных судов субъектов Российской Федерации, решения которых можно квалифицировать, при всей дискуссионности этого вопроса, в качестве судебных прецедентов, т.е. они тоже становятся источниками права⁵.

Задачи демократизации российского общества, становления рыночных отношений, формирования правового государства предполагают интенсивную работу, связанную с совершенствованием законодательства, преобразованием дея-

¹ Тихомиров Ю.А. Законодательная техника: науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 8-9.

² Надеев Р. Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 20-22.

³ Ямшанов Б. Ошибка в законе // Российская газета. 2007. 28 ноября.

⁴ Там же.

⁵ Волкова СВ., Малышева Н.И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 183.

тельности правоохранительных и других государственных органов, переходом к качественно новому состоянию правоприменительной деятельности. В последние годы юридической наукой уделяется самое пристальное внимание исследованию проблем эффективности правового регулирования, в частности, эффективности правоприменительной деятельности. Проводимые реформы требуют совершенствования правовой системы в целом и, в частности, механизма правоприменения. Эффективность осуществляемых преобразований находится в прямой зависимости от качества применения нормативно-правовых предписаний. Поэтому проблемы применения норм права, одной из которых является преодоление правоприменительных ошибок, выдвигаются на первый план, привлекают к себе пристальное внимание юридической науки и практики.

Правовые средства по степени решаемых задач в процессе правового регулирования подразделяются на общие и специальные. Общие правовые средства призваны решать универсальные задачи правового регулирования. Названные средства занимают ведущее место в механизме правового регулирования. Специальные правовые средства решают особые социальные задачи в процессе правового регулирования, разновидностью которых и являются технико-юридические средства преодоления правоприменительных ошибок. Они формируются в своеобразную систему однородных по характеру правовых средств, образующих правовые механизмы реализации отдельных правовых институтов.

Исследование правовых средств тесно взаимосвязано с рассмотрением понятия юридической техники. На наш взгляд, юридическая техника играет очень важную роль в решении проблемы преодоления правоприменительных ошибок, а именно в части своевременного предупреждения ошибок, потому что от уровня совершенства юридической техники зависит качество не только законодательной, но и правоприменительной деятельности субъектов права. Так, Б.В. Чигидин считает, что в отечественной литературе сложились статический и динамический подходы к содержанию понятия юридической техники. Для статического подхода характерно раскрытие содержания понятия юридической техники через перечисление ее элементов – методов, способов, приемов, средств. Динамический же подход рассматривает юридическую технику не только как совокупность названных элементов, но и как деятельность, т.е. совершение определенных действий.

У правоохранительных органов возможность их воздействия на общество многогранна и определяется различными факторами:

- престижем правоохранительных органов в глазах населения;
- степенью общественного интереса к их деятельности;
- уровнем культуры и законности правоохранительной практики;
- степенью ее гласности;
- убедительностью, обоснованностью применяемых решений.

Любые противоречия, пробелы, неточности, возникающие в законе, напрямую отражаются на конкретных людях, избежать их – значит приблизиться к справедливости. Справедливость является важнейшим требованием в социальном контроле. Подлинная ценность права зависит от того, насколько прогрессирует сама юридическая техника, насколько развиты различные формы правоприменительной деятельности. Концептуальная позиция социологической юриспруденции в сжатом виде сводится к следующим положениям:

- право не стоит на месте, оно постоянно развивается и создается судом;
- право представляет собой определенное средство достижения социальных функций;
- общество развивается быстрее, чем существующая в нем правовая система;
- в судебной практике целесообразно существование свободного обращения с правом.

Приводить негибкий закон в соответствие с изменчивыми запросами жизни, индивидуализировать общие начала, подвергать пересмотру устаревшие, «мертвые», утратившие свое социализирующее значение нормы способен именно правоприменитель¹.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что юридическая техника служит важнейшим фактором внутреннего развития правовых актов и обретения ими официально признанных свойств. Ее значение нельзя умалять, напротив, оно возрастает в условиях стремительного правотворчества и правоприменения, развития российского законодательства.

Исходя из этого, можно выделить ряд основных направлений комплексного применения юридической техники. Во-первых, систематическое и планомерное воздействие на законодательную деятельность, когда с ее помощью удастся тщательно и юридически корректно формировать новый законодательный акт с соблюдением правил юридической техники, не допускать, а наоборот, исправлять законодательные ошибки². Во-вторых, юридическая техника оказывает влияние на правоприменительную деятельность, способствует правильному пониманию смысла закона и содержания правовых норм³. В-третьих, юридическая техника выступает как средство международного обмена правовой информацией и как средство обучения основам правотворчества и правоприменения. В-четвертых, юридическая техника является важнейшим условием и средством предупреждения и исправления ошибок. В-пятых, юридическая техника способствует овладению основами правовых знаний, с ее помощью специалист закладывает фундамент своего профессионального мастерства⁴.

Такова общая характеристика юридической техники и ее роли в правотворческой и правоприменительной деятельности. Недооценка юридической техники либо ее игнорирование способствует допущению правотворческих ошибок, порождает коллизии между правовыми нормами, неверное понимание нормативных актов и их применения, в результате чего дестабилизируется российская правовая система и нарушается законность.

Литература

1. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997.
2. Волкова СВ., Малышева Н.И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 183.
3. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1906.
4. Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 28.
5. Монтескье Ш. О духе законов. Гл. XVI «Что именно следует иметь в виду при составлении законов» // Избранные произведения / Пер. с франц. М., 1955. С. 651-654;
6. Надеев Р. Законотворческие ошибки // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 20-22.
7. Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 1.
8. Румянцева В.Г., Мурсалимов Г.Р. Юридическая техника как средство преодоления правоприменительных ошибок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3. С. 16.
9. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М., 2000.

¹ Румянцева В.Г., Мурсалимов Г.Р. Юридическая техника как средство преодоления правоприменительных ошибок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3. С. 16.

² Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 10.

³ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 140.

⁴ Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 28.

Законодательная регламентация преступлений против правосудия: современные проблемы и пути их преодоления

*Ю.И. Кулешов, профессор кафедры Хабаровской государственной академии экономики и права
доктор юридических наук, профессор*

Построение оптимальной модели уголовного закона является одним из необходимых элементов правовой реформы. Не случайно поэтому сразу же после введения в действие нового УК РФ продолжилась работа по подготовке законопроектов, направленных на внесение в него изменений и дополнений. Без сомнений, права С.Г. Келина в том, что одной из полезных форм научного произведения в сфере правопведения является создание модели отдельного закона или крупного кодифицированного акта, то есть разработка развернутых теоретических представлений о том, каким образом (по содержанию и по форме) должны быть решены основные проблемы соответствующей отрасли права на перспективу¹.

В этом плане не является исключением глава УК РФ, предусматривающая правовые нормы об ответственности за посягательства на интересы правосудия. Особенность данных уголовно-правовых норм очевидна. Защищая процессуальный порядок рассмотрения и разрешения конституционных, гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел, законодатель вынужден процессуальные понятия формулировать уголовно-правовыми терминами. Подобный симбиоз не всегда оказывается удачным.

Так, использование в ст. 299 и 300 УК РФ понятий «*привлечение к уголовной ответственности*» и «*освобождение от уголовной ответственности*» вызывает определенные затруднения в практике применения данных правовых норм и споры в теории уголовного права.

Первоначально в науке уголовного права и уголовного процесса «*привлечение к уголовной ответственности*» отождествлялось с понятием «*привлечение лица в качестве обвиняемого*». Высказывалось предложение использовать названные понятия в единой формулировке – «*привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого*»². Однако в дальнейшем в доктрине были высказаны иные точки зрения. Некоторые авторы полагают, что «*привлечение к уголовной ответственности*» – это растянутый во времени процесс, который начинается с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и завершается судебным приговором. Другие считают, что это вынесение обвинительного приговора лицу либо составление обвинительного заключения и т.д.³.

¹ Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука, 1987. С. 4.

² См., например: Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 56; Ефимычев С.П. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого - этап стадии предварительного расследования // Правоведение. 1985. № 5. С. 28-33.

³ Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 50-55; Лифанов Е.Н. О соотношении понятий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» // Проблемы повышения правового регулирования на современном этапе. Томск, 1976. Вып. 1. С. 196-198; Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 70; Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 124-129.

Для унификации терминологии предлагалось в УПК РСФСР изменить название XXI главы – «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого» на «Привлечение к уголовной ответственности»¹.

Действующий в настоящее время УПК РФ не внес ясности в данный вопрос. Используемое в уголовно-процессуальном законе понятие «*уголовное преследование*» по своему содержанию существенно отличается от понятий «*привлечение к уголовной ответственности*», «*привлечение в качестве обвиняемого*», так как включает в себя процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения с целью изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 53 ст. 5 УПК РФ)².

Таким образом, следует признать, что в настоящее время уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не раскрывают содержания понятия «*привлечение к уголовной ответственности*», а в правовой литературе по этому вопросу нет единства взглядов. В то же время от правильного употребления термина часто зависит узнаваемость всей директивы, заключенной в правовой норме. Напротив, присутствие в действующих законах множества различных терминологических единиц, совпадающих по своему значению, вносит сумятицу в правоприменение. Кроме того, невыдержанность юридических наименований непосредственно сказывается на научных исследованиях, рождая схоластические споры. Они проникают и в среду практиков, укореняясь в их лексиконе весьма прочно и надолго, несмотря на последующее уточнение отдельных норм. Следовательно, проблема упорядочения, стандартизации терминов – главная, хотя, разумеется, и не единственная в совершенствовании языка законодательных актов³ 6.

Если исходить из распространенной точки зрения о том, что уголовная ответственность представляет собой обязанность лица, виновного в совершении преступления, подвергнуться за это наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия и что она возникает с момента совершения преступления, то логичен следующий вывод: привлечение к уголовной ответственности – это формулирование в соответствующем процессуальном документе предъявляемого лицу обвинения⁴.

Как уже отмечалось, на практике не всегда именно таким образом толкуется понятие «привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного». Так, Хабаровский краевой суд осудил следователя Н. по ст. 299 УК РФ за то, что она, заведомо зная о невиновности лиц в совершении преступления, допрашивала их в качестве подозреваемых, получала согласие на прекращение дела в связи с актом об амнистии и без предъявления обвинения данные дела прекращала. Свое решение судебная коллегия мотивировала тем, что постановления о прекращении уго-

¹ Громов Н.А. Институт привлечения к уголовной ответственности. Саратов, 1991. С. 19.

² Мартынич Е.Г. УПК Российской Федерации: достижения и нереализованные возможности // Российский судья. 2002. № 4. С. 3-6.

³ Савицкий В.М. Язык процессуального закона // Вопросы терминологии. М., 1987. С. 9-10.

⁴ Данная точка зрения продолжает оставаться наиболее распространенной в юридической литературе. Несколько иначе этот вопрос решается практическими работниками. Так, 46,7 % опрошенных дознавателей, следователей и судей полагают, что понятие «привлечение к уголовной ответственности» включает в себя возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица (ч. 1 п.1 ст. 46 УПК РФ); 41,1 % из числа опрошенных считают, что в данное понятие включается привлечение лица в качестве обвиняемого; 2 % в это понятие вкладывают задержание лица в качестве подозреваемого, а 2,8 % – избрание меры пресечения; 3,7% полагают, что оно характеризует вынесение обвинительного приговора, и такое же число респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

ловного дела по амнистии содержат фактически формулировку обвинения К., Б. и К-ва в преступлениях, возможность их привлечения к уголовной ответственности. Весь ход дознания, проведенного следователем Н. в отношении указанных лиц (содержание протоколов допроса подозреваемых, протоколы осмотра мест происшествия с их участием), свидетельствует о ее намерении, не располагая достоверными доказательствами виновности К., Б. и К-ва, принять по этим делам решение, заведомо ставящее их в положение лиц, виновных в совершении преступления¹.

Оставляя данный приговор в силе, судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что, согласно содержащемуся в деле постановлению, уголовное дело в отношении К., Б. и К-ва прекращено на основании ст. 5 ч.1 п. 4 УПК РСФСР вследствие акта амнистии от 26 мая 2000 г. В описательной части постановления указано, что К., Б. и К-вым совершены преступления, предусмотренные ч.1 ст. 158 УК РФ, с указанием времени, места и иных обстоятельств их совершения. В резолютивной части постановления содержится указание на прекращение уголовного дела в отношении перечисленных лиц, отмену меры пресечения. При таких обстоятельствах судебная коллегия соглашается с выводами суда первой инстанции о том, что в приведенном постановлении содержится формулировка обвинения указанных лиц в конкретных преступлениях².

Представляется, что с такой позицией суда, которая направлена на расширение понятия «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», включение в него процессуальных действий, не связанных с предъявлением обвинения заведомо невиновному лицу, трудно согласиться. Эта позиция противоречит буквальному толкованию ст. 299 УК РФ. В части 2 названной статьи говорится о привлечении к уголовной ответственности, соединенном с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Поскольку речь идет об обвинении, то следует признать преступными не любые процессуальные действия, направленные на возбуждение уголовного дела в отношении заведомо невиновного, его допрос в качестве подозреваемого, задержание или избрание в отношении его меры пресечения, а только предъявление данному лицу необоснованного незаконного обвинения.

Обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

а) вынесено и предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171-172 УПК РФ);

б) вынесен и предъявлен обвинительный акт (ст. 225 УПК РФ).

В связи с этим доминирующей в юридической литературе является точка зрения о том, что моментом окончания привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности следует считать предъявление ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого³.

Из этого же исходит и судебная практика. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении по делу С. указал, что к процессуальным актам привлечения к уголовной ответственности относится предъявление обвинения. Юридический смысл и значение привлечения лица в качестве обвиняемого заклю-

¹ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 2-40/02. 2002.

² Архив Верховного Суда РФ. Дело № 58-002-45. 2002.

³ Высказана и иная точка зрения, согласно которой преступление окончено с момента вынесения самого постановления о привлечении заведомо невиновного в качестве обвиняемого. См.: Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 21; Тепляшин П.В. Преступления против правосудия: учеб. пособие. Красноярск, 2004. С. 19.

чается в том, что на данном этапе предварительного расследования формируется объем грозящей лицу уголовной ответственности¹.

В юридической литературе предлагалось несколько вариантов изменения диспозиции названной статьи. Например, высказывалась точка зрения о том, что наиболее приемлемым будет использование процессуального понятия «заведомо незаконное уголовное преследование»². Представляется, что использование данного процессуального понятия не разрешит существующих проблем. Предлагаемая дефиниция по своему содержанию охватывает очень широкий спектр процессуальной деятельности: возбуждение уголовного дела, проведение всех следственных действий, сопряженных с поиском и закреплением доказательств, задержание лица по подозрению в совершении преступления, избрание меры пресечения, предъявление обвинения и т.д. Подобная замена в диспозиции ст. 299 УК РФ не только не улучшит толкование этой правовой нормы, а породит массу новых спорных проблем, в том числе, например, разграничение данного преступления от составов, предусмотренных ст. 301-303 УК РФ. Не случайно сторонники этой точки зрения признавали тот факт, что понятие «уголовное преследование» – очень широкое³.

В качестве альтернативы более целесообразным представляется использование в ст. 299 УК РФ процессуального понятия «привлечение в качестве обвиняемого».

В связи с вышеуказанными аргументами следует признать не совсем удачным использование только термина «уголовное преследование» в реформировании правовой нормы, предусмотренной ст. 300 УК РФ⁴. Некоторые авторы полагают, что можно оставить существующее понятие «освобождение от уголовной ответственности», только расширить его за счет указания на конкретного субъекта, который осуществляет эту деятельность (прокурор, следователь, лицо, производящее дознание), и указания на «отсутствие оснований и условий, предусмотренных в законе»⁵.

Поскольку в ст. 300 УК РФ речь идет о совершении незаконных действий в отношении определенных участников уголовного процесса – подозреваемого или обвиняемого, то более обоснованным и законодательно выдержанным является использование уголовно-процессуальных терминов «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования».

Прекращение уголовного дела означает окончание расследования прекращением производства по уголовному делу в силу наличия обстоятельств, исключающих возможность дальнейшей процессуальной деятельности в рамках данного дела.

Прекращение уголовного преследования означает прекращение процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления по возбужденному уголовному делу. И тот, и другой процессуальные термины применительно к ст. 300 УК РФ будут строго соответствовать объему и отражать действительное содержание социально-правовых явлений (правовых понятий).

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 4. С. 8.

² Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 65-70; Уголовная ответственность за преступления против правосудия. М., 2003. С. 90-91; Чайка К.Л. Уголовно-правовая охрана безопасности личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 12.

³ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 68-69.

⁴ Уголовная ответственность за преступления против правосудия. М., 2003. С. 100.

⁵ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 94-95; Асликян С.Э. Указ. соч. С. 10-13.

Следует отметить, что до принятия нового УК РФ в 1996 г. уголовное законодательство не выделяло адвоката в качестве субъекта или потерпевшего при посягательствах на интересы правосудия. В настоящее время адвокат как участник процессуальных отношений, наряду с другими участниками процесса, подлежит самостоятельной уголовно-правовой защите. Кроме того, появились отдельные виды преступлений, субъектом которых может быть непосредственно адвокат, незаконно осуществляющий свою профессиональную деятельность.

С включением в главу «Преступления против правосудия» группы посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинство участников процессуальных отношений в научной литературе возникла дискуссия по поводу круга потерпевших, подлежащих самостоятельной уголовно-правовой защите. В настоящее время он исчерпывающий. Это порождает, как минимум, две проблемы. Во-первых, по поводу ограничения круга таких лиц¹. Во-вторых, поскольку уголовное право заимствует термины и понятия иных отраслей права, то такое использование не всегда позволяет в полном объеме обрисовать круг потерпевших от данного преступления. При этом в юридической литературе нередко высказываются диаметрально противоположные предложения.

Так, одни авторы полагают необходимым формулирование исчерпывающего перечня потерпевших². Противоположная позиция – это сокращение круга лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства, жизнь и здоровье которых самостоятельно защищается уголовным законом³. Предлагается предусмотреть ответственность только за посягательство на жизнь и здоровье судьи, присяжного или арбитражного заседателя, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, а равно их близких⁴. С последним предложением трудно согласиться.

Совершенствование рассматриваемых уголовно-правовых норм в этой части, по нашему мнению, может осуществляться в одном из двух направлений. Поскольку центральной фигурой правосудия является суд, то можно ограничиться охраной только тех лиц, которые непосредственно осуществляют правосудие в собственном смысле этого слова: судья, присяжный и арбитражный заседатели. Жизнь, здоровье, честь и достоинство иных участников судопроизводства защищать посредством правовых норм, предусмотренных в УК РФ в разделе «Преступления против личности», внося изменения в соответствующие статьи данного раздела⁵.

Вместе с тем есть не менее перспективный путь, при котором необходимо сформулировать общее понятие потерпевшего в данных преступлениях. Практически во всех процессуальных законах выделяются участники судопроизводства (разд. 2 УПК РФ; гл. 4 ГПК РФ, гл. 5 АПК РФ, гл. 25 КоАП РФ; ст. 52 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). В арбитражном и гражданском судопроизводстве выделяются также представители данных лиц (гл. 6 АПК РФ и гл. 5 ГПК РФ). Таким образом, при формулировании диспозиций ст. 295-298 УК РФ следовало

¹ Например, Л.В. Лобанова не без оснований отмечала необоснованность невключения в перечень свидетелей и потерпевших. См.: Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 214-215.

² Уголовная ответственность за преступления против правосудия. М., 2003. С. 47, 248; Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 62, 347.

³ Попова Л.А. Уголовная ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 7, 150.

⁴ Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 22-23.

⁵ Такой опыт законодательной регламентации имеется в УК Франции. См.: Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 59-68.

бы использовать понятие «лицо, осуществляющее правосудие, иной участник судопроизводства, его представитель, судебный пристав, а равно их близкие».

Избирательное использование процессуальной терминологии при законодательном описании рассматриваемых диспозиций статей о преступлениях против правосудия помогло бы избежать и второго недостатка существующих дефиниций уголовного закона. Например, понятие «защитник» включает в себя лицо, которое в соответствии со ст. 49-53 УПК РФ или ст. 25.5 КоАП РФ было приглашено, назначено или допущено для оказания юридической помощи подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

В качестве *защитника* в уголовном судопроизводстве допускаются адвокаты либо, по определению или постановлению суда, близкие родственники или иные лица, о допуске которых ходатайствует обвиняемый, а в административном судопроизводстве – адвокаты или иные лица.

Буквальное толкование этого понятия исключает возможность применения исследуемых уголовно-правовых норм, когда посягательство осуществляется на лицо, выполняющее функции по оказанию юридической помощи потерпевшим, гражданским истцам, частным обвинителям в уголовном судопроизводстве, потерпевшим в административном судопроизводстве, физическим или юридическим лицам в ходе осуществления гражданского или арбитражного судопроизводства, так как лица, выполняющие вышеуказанную функцию, называются «*представителями*» (ст. 45 УПК, ст. 25.5 КоАП, ст. 48-54 ГПК РФ, ст. 59-63 АПК РФ).

В науке уголовного права справедливо ставился вопрос об ошибочности разделения охраны жизни, здоровья, имущества лиц, непосредственно осуществляющих правосудие, и лиц, оказывающих помощь суду в данной деятельности, по различным частям ст. 296 УК РФ. Существует такое понятие, как «социальная ценность и ее оценка в уголовном праве». С этой точки зрения трудно объяснить подход законодателя к установлению санкции за угрозу насилием, оскорбление и клевету в зависимости от осуществления тех или иных функций в судопроизводстве¹.

Если тенденция в развитии процессуального законодательства необратимо идет по пути процессуального равенства сторон для обеспечения состязательности процесса, то и уголовно-правовое обеспечение защиты интересов сторон должно быть равным. В связи с этим представляет интерес опыт ряда зарубежных стран, которые предусмотрели уголовную ответственность за воспрепятствование деятельности не только стороны обвинения (прокурора, следователя, дознавателя) во всестороннем, полном и объективном расследовании дела, но и защиты в осуществлении ее законных профессиональных функций. Например, согласно ст. 397 УК Украины, совершение в любой форме препятствий к осуществлению правомерной деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи или нарушение установленных законом гарантий их деятельности и профессиональной тайны является уголовно наказуемым деянием².

Справедливо подчеркивается, что по вопросам борьбы с противоправным проявлением в деятельности судей и представителей стороны обвинения в рамках наук криминального цикла проводились глубокие исследования, однако рекомен-

¹ Трахов А. Конструирование диспозиций статей с различными по степени тяжести составами преступлений // Уголовное право. 2002. № 2. С. 61-63.

² Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация и В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиличенко. СПб., 2001.

даций по борьбе с противоправной деятельностью представителей стороны защиты наука пока не предлагала¹.

В юридической литературе предпринимались попытки классификации преступлений, в том числе против правосудия, которые могут быть совершены адвокатами в ходе осуществления своей профессиональной деятельности². Нет сомнений, что практически в любом преступлении, в том числе и против правосудия, адвокат может выступать в качестве соучастника: организатора, подстрекателя или пособника. Однако исполнителем при выполнении своих профессиональных функций он может быть в более узкой группе преступных посягательств (ст. 294, 297, 298, 303, 304, 309, 310 УК РФ).

Законодательное формулирование ряда перечисленных статей УК РФ сегодня требует корректировки или уточнения. Например, высказано сомнение по поводу правомерности признания защитника субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ³. Однако, несмотря на приводимые аргументы, следует признать, что формулировка данной правовой нормы не оставляет сомнений по поводу этого вопроса. Защитника следует признавать субъектом фальсификации доказательств, поскольку он сегодня уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 74, 86 УПК РФ) наделен правом собирать и предоставлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи.

Вместе с тем следует согласиться, что перечень субъектов, данный в ст. 303 УК РФ, является исчерпывающим, а потому не очень удачным⁴. Согласно ст. 86 УПК РФ, возможность представления доказательств по уголовному делу предусмотрена со стороны потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Это происходит путем собирания и представления письменных документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. В связи с этим возникает необходимость расширения субъектного состава лиц, которые могут подлежать уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу.

Литература

1. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970.
2. Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Учебник. М., 2005.
4. Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск, 2004.
5. Громов Н.А. Институт привлечения к уголовной ответственности. Саратов, 1991.
6. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981.
7. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982.

¹ Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск, 2004. С. 5.

² Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: учеб. М., 2005. С. 121-182.

³ Иванов И. Фальсификация доказательств // «Эж-Юрист». 2003. № 7.

⁴ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 139.

И.В. Дворянсков предлагает в новой редакции ст. 303 УК РФ расширить этот перечень, включив туда лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, эксперта, гражданского истца и гражданского ответчика, представителя общественной организации или трудового коллектива. См.: Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск, 2001. С. 116-117; 120.

8. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск, 2001.
9. Ефимычев С.П. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого - этап стадии предварительного расследования // Правоведение. 1985. № 5. С. 28-33.
10. Иванов И. Фальсификация доказательств // «Эж-Юрист». 2003. № 7.
11. Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985.
12. Лифанов Е.Н. О соотношении понятий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» // Проблемы повышения правового регулирования на современном этапе. Томск, 1976. Вып. 1. С. 196-198.
13. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999.
14. Мартынчик Е.Г. УПК Российской Федерации: достижения и нереализованные возможности // Российский судья. 2002. № 4. С. 3-6.
15. Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993.
16. Попова Л.А. Уголовная ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
17. Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М., 2005.
18. Савицкий В.М. Язык процессуального закона // Вопросы терминологии. М., 1987.
19. Тепляшин П.В. Преступления против правосудия: Учебное пособие. Красноярск, 2004.
20. Трахов А. Конструирование диспозиций статей с различными по степени тяжести составами преступлений // Уголовное право. 2002. № 2. С. 61-63.
21. Уголовная ответственность за преступления против правосудия. М., 2003.
22. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука, 1987.
23. Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
24. Чайка К.Л. Уголовно-правовая охрана безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.

Уголовное законодательство и судебная практика: противоречия нормативного характера

*Ф.М. Абубакиров, профессор Дальневосточного
филиала Российской академии правосудия
кандидат юридических наук, доцент*

Уголовное законодательство Российской Федерации, руководствуясь Стратегией национальной безопасности до 2020 г., исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств¹. С учетом перспективности, выдвинутой концепции уголовно-правовой политики государства представляется целесообразным определить отдельные направления законодательной техники и оптимизации уголовного законодательства в сфере унификации оценочных признаков и правил квалификации.

¹ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.

1. Термин «несовершеннолетний» в статьях Уголовного кодекса РФ используется в двух аспектах: по отношению к лицам, совершившим преступление, и по отношению к потерпевшим. Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ, «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». При этом лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е. с нуля часов следующих суток. При установлении судебно-медицинской экспертизой возраста подсудимого днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным числом лет суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица¹.

По отношению к потерпевшим понятие несовершеннолетний в статьях Особенной части уголовного законодательства предусмотрено в качестве признака основного состава преступления (ст. 150, 151, 156 УК РФ), квалифицированного (п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «д» ч. 2 ст. 127, п. «б» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ) либо особо квалифицированного состава преступления (например, п. «а» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 240 УК РФ).

Проблема заключается в толковании содержания понятия несовершеннолетнего как потерпевшего от преступления.

Возрастной критерий, определяющий этот термин в статьях Особенной части УК РФ раскрывается неоднозначно. В одних статьях применяется буквальное толкование «несовершеннолетний». Например, в п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ это лицо от четырнадцати до восемнадцати лет. В других статьях, например, в ст. 126, 150, 151 УК РФ термин «несовершеннолетний» подлежит расширительному толкованию, включая малолетний возраст потерпевшего.

Криминализируя те или иные общественно опасные деяния, законодатель использует два подхода в определении лица, не достигшего совершеннолетия:

- лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста (например, изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, – п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ);

- малолетний (данный признак предусмотрен п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство малолетнего, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в отношении малолетнего, и другими статьями Уголовного кодекса). Под малолетним лицом действующее уголовное законодательство понимает лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Очевидно, что используемые термины равнозначны, следовательно, в статьях уголовного законодательства вполне возможна их унификация. В связи с этим представляется обоснованным нормативно закрепить определение «малолетний» в ст. 20 УК РФ, оставив формулировку «несовершеннолетний», и привести в соответствие с этими дефинициями статьи Особенной части УК РФ. Это необходимо и для разграничения понятий «малолетний» и «лицо, находящееся в беспомощном состоянии». В качестве примера приведем пункт «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в котором указаны оба признака. Следовательно, они должны иметь разграничительные признаки. Вместе с тем, разъясняя понятие беспомощного состояния, Пленум Верховного Суда РФ указывает в качестве примера малолетний возраст как в убийстве, так и при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера.

¹ Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 7 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Кроме того, вместо расширительного толкования предлагается использование более определенного признака – «лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста». Например, пункт «б» ч. 2 ст. 127-2 УК РФ изложить в следующей редакции: в отношении лица, заведомо не достигшего восемнадцатилетнего возраста. При решении данной проблемы, связанной с точностью формулировок, в статьях УК РФ останутся понятия, в которых при буквальном толковании форма будет соответствовать содержанию, например:

- малолетний, т.е. лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ);
- лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста (ч. 3 ст. 134 УК РФ);
- лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 135 УК РФ);
- несовершеннолетний, т.е. лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ);
- лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста (например, ст. 126, 127 УК РФ).

2. В одних статьях Особенной части УК РФ предусматривается *заведомость совершаемого деяния* в отношении несовершеннолетнего (ст. 126, 127¹, 127², 134, 135, 240 УК РФ), в которых под заведомостью понимается достоверная информация о возрасте потерпевшего; в других – она устанавливается путем толкования нормативного характера (например, ст. 150, 151 УК РФ), в которых нет указания на заведомость в отношении вовлекаемого в преступление или совершение антиобщественных действий несовершеннолетнего. Однако необходимость учета названного субъективного критерия при квалификации никем не оспаривается. В разъяснении Пленума ВС РФ обращается внимание правоприменителей на необходимость «устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ»¹.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215 в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», поставили под сомнение принцип субъективного вменения. В указанной главе используется различный подход к пониманию субъективного восприятия виновным возраста потерпевшего. В статьях 131, 132 УК РФ заведомость исключена, в ст. 134 и 135 УК РФ она является обязательным субъективным основанием при квалификации.

Вместе с тем, руководствуясь ст. 126 Конституции РФ, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что ответственность за совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего лица либо не достигшего четырнадцатилетнего возраста наступает лишь в случаях, когда виновное лицо достоверно знало о возрасте потерпевшего, являлось родственником, знакомым, соседом или когда внешний облик потерпевшего лица явно свидетельствовал о его возрасте. Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего лица приближается к 18-летию или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака². Верховный Суд РФ не изменил многолетнюю судебную практику,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 7 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

² Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

касающуюся исследуемого вопроса, и не внес изменений в действующую редакцию Постановления Пленума Верховного Суда № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹.

Таким образом, при конструировании уголовно-правовых норм заведомость либо прямо указывается в статьях, либо она подразумевается, а в отдельных статьях исключена.

Представляется, такой подход законодателя ведет к неоднозначному толкованию и применению норм уголовного права, предусматривающих квалифицирующий признак в виде указания на конкретный возраст потерпевшего. При буквальном толковании внесенных изменений можно констатировать объективное вменение, которое не согласуется с положением ч. 2 ст. 5 УК РФ, не допускающей уголовную ответственность за невиновное причинение вреда. Исходя из принципа субъективного вменения, который никто не отменял, заведомость должна быть обязательным признаком субъективной стороны составов преступлений, в которых речь идет о возрасте потерпевшего (аналогично в статьях УК РФ решен вопрос в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности).

3. В части 1 ст. 127² УК РФ предусмотрена ответственность за использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Представляется, законодатель использовал некорректное словосочетание «использование рабского труда» в названии и диспозиции основного состава преступления ч. 1 ст. 127² УК РФ. Можно констатировать, что действующая редакция уголовно-правовой нормы не охватывает всех форм эксплуатации человека. В диспозиции статьи речь идет лишь об использовании рабского труда. В Уголовном кодексе (ч. 2 прим. к ст. 127¹ УК РФ) сформулировано аутентичное понятие эксплуатации человека, включающей четыре самостоятельные формы: использование занятия проституцией другими лицами; иные формы сексуальной эксплуатации; рабский труд (услуги); подневольное состояние.

Исходя из того, что принуждение к продолжению занятия проституцией охватывается понятием эксплуатация, предлагаем это общественно опасное действие из гл. 25 (ст. 240 УК РФ) «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» исключить, а ответственность предусмотреть в рамках главы «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» в ст. 127² УК РФ. Аналогично, насильственное использование несовершеннолетнего для занятия попрошайничеством также оценивать не по ч. 3 ст. 151 УК РФ, а по ч. 2 ст. 127² УК РФ. Такая уголовно-правовая оценка соответствует, во-первых, подневольному состоянию как одной из форм эксплуатации; во-вторых, принципу справедливости. Санкция увеличивается от шести лет (ч. 3 ст. 151) до десяти лет (ч. 2 ст. 127²) лишения свободы.

В связи с этим целесообразно понятие «использование рабского труда» заменить на более точную формулировку «эксплуатация человека» и ст. 127² УК РФ представить в следующей редакции: «Эксплуатация человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), - ».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

Предлагаемая новелла полностью соответствует законодательным положениям ст. 127¹ УК РФ, в которой речь идет лишь о цели эксплуатации при торговле людьми. Вполне логично, если в ст. 127² УК РФ будет прописана констатация и реализация этой цели.

4. Следующая проблема заключается в отсутствии единого подхода при квалификации уголовно-правовых деяний по признаку насилия. В УК РФ понятие насилия законодатель использует, применяя различные термины и словосочетания. В частности, применение или угроза применения «насилия, не опасного для жизни или здоровья» и «насилия, опасного для жизни или здоровья». Эти виды насилия используются при конструировании норм Особенной части УК РФ довольно широко: тринадцать статей предусматривают названные разновидности насилия в основных либо квалифицированных составах.

Под *насилием, не опасным для жизни или здоровья* (п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 166, п. «г» ч. 2 ст. 221, п. «г» ч. 2 ст. 226, п. «г» ч. 2 ст. 229, 318 УК РФ и др.), следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы, если это не создавало опасности для жизни и здоровья (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Это понятие не подвергается сомнению и толкуется в судебной практике однозначно, не вызывая особых затруднений при квалификации, например, грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ)¹.

Специального рассмотрения требует *«насилие, опасное для жизни или здоровья»*. Обратимся к анализу одной из первых уголовно-правовых норм, в которой использовалось данное понятие, а именно статьи «Разбой».

Анализ ч. 1 ст. 162 УК РФ, где в качестве обязательного признака предусмотрено насилие, опасное для жизни или здоровья, позволяет сделать вывод, что основной состав разбоя включает причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. При реальном причинении тяжкого вреда здоровью в процессе разбойного нападения действия оцениваются по особо квалифицирующему признаку (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ).

Применительно к другим статьям, имеющим аналогичный квалифицирующий признак, некоторые авторы под насилием, опасным для жизни или здоровья, понимают причинение тяжкого, среднего или легкого вреда здоровью (например, п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «в» ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 166 и др.)². Во-первых, такое понимание, на наш взгляд, не соответствует понятию, закрепленному в ч. 1 ст. 162 УК РФ. Во-вторых, пункт «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ не может охватывать тяжкий вред здоровью, так как при незаконном лишении свободы с указанным насилием максимальная санкция – пять лет лишения свободы, а при причинении тяжкого вреда здоровью часть 1 ст. 111 УК РФ предусматривает восемь лет лишения свободы.

Разъяснения высшей надзорной инстанции также противоречивые. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что под насилием, опасным для жизни или здоровья (ст. 162 УК РФ), понимается такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковремен-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

² Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т.2: Преступления против личности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 416.

ное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

В то же время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 (с изм. на 25 октября 1996 г.) «О судебной практике по делам о вымогательстве» под насилием, опасным для жизни или здоровья, как квалифицирующим признаком вымогательства понималось причинение потерпевшему менее тяжкого телесного повреждения либо легкого телесного повреждения, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, а также иное насилие, которое хотя и не причинило указанного вреда, но в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего. При реальном причинении тяжкого телесного повреждения действия квалифицировались по совокупности, как вымогательство, совершенное с насилием, опасным для жизни или здоровья, и причинение тяжкого телесного повреждения.

Аналогичный подход Пленум Верховного Суда сохранил и в другом постановлении. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, полностью охватывается диспозицией п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 162 или ст. 163 УК РФ не требует. В случаях причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего при хищении либо вымогательстве наркотических средств или психотропных веществ, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 229 и ст. 111 УК РФ¹.

Можно предположить, что такая практика продиктована конструкциями составов. В разбое предусмотрен самостоятельный квалифицирующий признак «с причинением тяжкого вреда здоровью» (п. «в» ч.4 ст. 162 УК РФ), а в хищении наркотиков – нет, хотя максимальные санкции в обеих статьях одинаковые (от восьми до пятнадцати лет лишения свободы). В таком случае возникает вопрос, почему применительно к ч. 4 ст. 166 УК РФ, в которой также не предусмотрен квалифицирующий признак «причинение тяжкого вреда здоровью», предложено разъяснение, как и для разбоя. «Под насилием, опасным для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия при угоне (ч. 4 ст. 166 УК РФ) следует понимать умышленные действия, повлекшие причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, и угрозу совершения перечисленных действий»².

Таким образом, *под насилием, опасным для жизни или здоровья*, следует понимать причинение среднего или легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, а также иное насилие, которое хотя и не причинило указанного вреда, но в момент применения создавало реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего. При реальном причинении тяжкого вреда здоровью действия следует квалифицировать по совокупности со ст. 111 УК РФ и соответствующей частью статьи Особенной части, имеющей данное отягчающее обстоятельство (например, п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «в» ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 166, п. «в» ч. 2 ст. 206, п. «в» ч. 2 ст. 211, п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и др.).

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М.: КОНТРАКТ, 2004. С. 76, 83.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

Это правило уголовно-правовой оценки не должно применяться, когда причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрено в качестве обязательного квалифицирующего или особо квалифицирующего признака состава преступления (например, п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ).

Различное толкование одних и тех же понятий в статьях Особенной части УК РФ, применяемых в диспозициях статей, создает определенные сложности, так как за каждым из них стоит разное содержание, и порой трудно уяснить, какой смысл в него вкладывает законодатель. На наш взгляд, следует унифицировать исследуемые термины и понятия, раскрыв их содержание непосредственно в Уголовном кодексе РФ. Целесообразно внести в Общую часть УК РФ самостоятельную статью, в которой будут отражены помимо упомянутых и другие часто встречающиеся в Кодексе термины. Объединение оценочных признаков в одной норме значительно облегчит правоприменителям работу с Уголовным кодексом. Такой опыт уже имеется в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации: в ст. 5 раскрыты основные понятия, используемые в УПК РФ. Решение исследуемой проблемы соответственно потребует корректировки текста УК РФ. Несомненно, на судебно-следственной практике это отразится позитивно и позволит точнее квалифицировать преступления, назначать соразмерные деяниям наказания, обеспечивая тем самым соблюдение принципов законности, вины и справедливости.

Литература

1. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т.2: Преступления против личности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М.: КОНТРАКТ, 2004.

О целесообразности включения в законодательство Российской Федерации норм института уголовной ответственности юридических лиц

*Е.Ю. Антонова, доцент кафедры Хабаровской
государственной академии экономики и права
кандидат юридических наук, доцент*

1. Коллективные образования, являясь основой политической, социальной, экономической и правовой системы государства, способны совершать деяния, обладающие высокой степенью общественной опасности.

2. Деяния коллективных образований, причиняющие существенный вред личности, обществу, государству, имеют относительную распространенность.

3. Неблагоприятная динамика общественно опасной деятельности коллективных образований обусловлена целым рядом политических, экономических, организационных, правовых, технических и социально-психологических детерминант:

- неподготовленность механизма хозяйствования к новым экономическим условиям, связанная с распадом административно-командной системы, монополизация и разгосударствление многих сфер экономики привели к появлению на внутреннем и внешнем рынках сотен коллективных образований, которые прибегают в своей деятельности не только к легальным, но и криминальным способам существования;

- состояние экономического кризиса, снижение темпов развития экономики, инфляционные процессы, замедление роста инвестиционной активности, ухудшение финансового состояния как отдельных предприятий, так и целых отраслей отечественного народного хозяйства, износ или отсутствие современного оборудования на предприятиях заставляют коллективные образования искать любые источники дохода, занимаясь различной, не всегда законной, в том числе общественно опасной деятельностью;

- отсутствие достаточной последовательности в реформировании экономики, а также четкого механизма контроля и защиты от противоправных посягательств способствует созданию условий для роста экономической преступности (в том числе в сфере легального бизнеса), доминированию теневого сектора экономики, контролированию отдельных сфер экономики со стороны организованной преступности;

- избыточное налогообложение, отсутствие государственной системы криминологического мониторинга экономики (непрерывного наблюдения, оценки и прогноза явлений, возникающих в экономике), высокий уровень монополизации и отсутствие действенных механизмов, противодействующих тенденции к монополизации, отсутствие эффективной рыночной конкуренции стимулируют рост теневой экономики, заставляют коллективные образования скрывать доходы от налогообложения, не отражая их в официальной отчетности, активизируют непромерную деятельность коллективных образований;

- транснационализация и глобализация экономики, проникновение организованной преступности в легальный бизнес способствуют использованию международных экономических отношений в преступных целях. В свою очередь, доступ к гигантским экономическим ресурсам, различия в законодательствах отдельных стран, высокая прибыльность международных операций и легкость отмывания денег являются основными условиями, способствующими развитию криминальной деятельности коллективных образований на международном уровне.

4. Неурегулированность коллективной ответственности в рамках уголовного закона влечет негативные последствия экологического, экономического, криминального, правового характера.

5. Сложная структура управления коллективным образованием делает затруднительной, а иногда и невозможной, идентификацию физических лиц, которые причастны к совершению преступления.

6. Уголовно-правовые средства борьбы с общественно опасными деяниями коллективных образований более эффективны по сравнению с гражданско-правовыми и административными методами.

Установление коллективной уголовной ответственности обусловлено, во-первых, необходимостью уголовно-правового воздействия на уже криминализованные деяния, совершаемые коллективными образованиями, на новые виды общественно опасной деятельности. Это также поможет привести в соответствие меры борьбы с деяниями коллективных образований, представляющих повышенную степень общественной опасности, и обеспечит более полную реализацию принципа неотвратимости ответственности.

Во-вторых, законодательная регламентация данного института усилит защиту интересов личности, общества и государства от общественно опасных деяний коллективных образований.

В-третьих, это создаст официальную (централизованную) статистику, отражающую количество совершаемых коллективными образованиями общественно опасных деяний, а также условия для быстрой и неотвратимой ответственности за посягательства на объекты, охраняемые уголовным законом.

В-четвертых, коллективная уголовная ответственность позволит обеспечить предупреждение совершения преступлений со стороны коллективных образований. Привлечение же к уголовной ответственности лишь индивидуальных субъектов преступления, действовавших от имени и (или) в интересах коллективного образования, не повлияет на деятельность самого коллективного образования, поскольку оно будет оставаться вне опасности, а, соответственно, продолжит совершать общественно опасные деяния, но уже при помощи иных физических лиц, используя более совершенные методы сокрытия. Коллективная же уголовная ответственность способна воздействовать на корпоративную культуру, разработку системы контроля и программ по обеспечению соблюдения законодательства.

В-пятых, механизм реализации коллективной уголовной ответственности уже апробирован правоприменителем зарубежных государств, а в России успешно применяются административно-правовые санкции к юридическим лицам. Зарубежный опыт законодательной регламентации института коллективной уголовной ответственности и административная практика могут быть использованы в российском уголовном праве.

Отсутствие коллективной уголовной ответственности фактически способствует беспрепятственному нарушению со стороны коллективных образований различных законодательных актов, увеличению латентности криминальных проявлений в сфере экономической деятельности, экологической и общественной безопасности, здоровья населения, мира и безопасности человечества. Следствием же общественно опасной деятельности коллективного субъекта является не только загрязнение окружающей среды и варварское истощение природных запасов, но и углубление кризисного состояния экономики, неэффективность ее государственного регулирования, рост масштабов нелегальных производств, торговли и т.д. Такая деятельность угрожает национальной безопасности Российской Федерации, деструктивно воздействуя на процессы политического, правового, экономического и социального развития страны.

7. К коллективным субъектам преступления, способным нести уголовную ответственность, следует отнести коллективные образования, имеющие в соответствии с российским гражданским законодательством статус юридических лиц, а также иностранные юридические лица, компании и другие коллективные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств и осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации. Коллективным образованиям, имеющим статус юридического лица, могут назначаться наказания и применяться иные меры уголовно-правового характера.

Коллективные образования, не имеющие статуса юридических лиц, в случае совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания, становятся субъектами уголовно-правовых отношений, а, соответственно, в отношении их могут применяться иные меры уголовно-правового характера.

Уголовной ответственности не подлежат государство, федеральные органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные юридические лица, осуществляющие возложенные на них федеральным законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранных государств, иные иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия.

Основанием коллективной уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса РФ.

К условиям, при наличии которых возможна коллективная уголовная ответственность, необходимо отнести следующие: а) деяние совершено от имени и (или) в интересах юридического лица; б) деяние санкционировано, исполнено или допущено по неосторожности лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом, либо его представителем, действующим в пределах своей компетенции, а равно исполнено или допущено по неосторожности иным служащим вследствие недостаточного контроля либо попустительства неправомерного поведения со стороны лиц, осуществляющих функции управления юридическим лицом; в) деяние состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанность или запрет на осуществление юридическим лицом определенной деятельности.

Представляется, что юридические лица могут быть подвергнуты следующим видам наказаний: помещение под судебный контроль; лишение права заниматься определенной деятельностью; закрытие предприятия (филиала, представительства) юридического лица, использовавшегося для совершения инкриминируемого деяния; конфискация имущества; штраф; ликвидация юридического лица.

К иным мерам уголовно-правового характера, которые могут применяться к юридическим лицам, следует отнести опубликование или иное обнародование решения, которое осуществляется за счет юридического лица; приостановление деятельности юридического лица; специальная конфискация имущества. К коллективным образованиям, не имеющим статуса юридического лица, наряду с указанными мерами возможно применение запрета на осуществление деятельности.

Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт

*П.Н. Кобец, главный научный сотрудник
доктор юридических наук, профессор;
К.А. Краснова, научный сотрудник
кандидат юридических наук
(Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России)*

В настоящее время одним из важнейших вопросов при исследовании терроризма является применение в ходе террористической деятельности передовых достижений науки и техники. Большинство преступлений террористического характера совершаются с использованием разнообразных технических устройств, материалов и технологий. Террористы используют Интернет, средства связи, носители информации, современное вооружение, средства массового уничтожения, возможности СМИ для воздействия на население.

Увеличению степени общественной опасности могут способствовать орудия и средства совершения преступления, относящиеся к объективной стороне состава преступления, и предмет посягательства, являющийся частью объекта преступления. В части 1 ст. 30 и ч. 5 ст. 33 УК РФ говорится об орудиях и средствах совершения преступления. *Орудием* признается техническое приспособление, при помощи которого производится работа, действие. Под *средствами совершения преступления* понимаются предметы материального мира (орудия, приспособления, вещества и т.д.) либо физические процессы или явления (электрический ток, огонь, ультразвук, радиоактивное и другие излучения, информационные техноло-

гии), которые использует субъект для воздействия на объект преступления. При этом орудия являются частью средств, соотносясь как общее и частное¹.

Использование различных орудий и средств усиливает поражающую объект способность действия, его силу, мощь и интенсивность, облегчает возможность совершить преступление или его сокрытие либо делает невозможным его совершение, нередко парализует или подавляет волю жертвы к сопротивлению и в конечном счете повышает общественную опасность посягательства.

Среди обстоятельств, отягчающих наказание, в п. «к» ст. 63 УК РФ выделяется совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов. Эти положения могут применяться и по отношению к преступлениям террористического характера, но данный пункт в полной мере не охватывает всего комплекса предметов, веществ, физических явлений и технологий, применение которых способно отягчать наказание. В связи с этим справедливо высказывание В.Н. Синюкова, что «особенно неудовлетворительна именно правовая сторона нормативных актов, где правовое регулирование часто подменяется политическими решениями без соответствующих механизмов их реализации. В законодательстве сохраняется много противоречий, пробелов, дублирования и т.д.»².

В свою очередь, пробельность законодательства вызывает сложности в применении норм права. Эксперты признают реальную возможность применения террористами радиоактивных, биологических, химических веществ, а также возможность посягательств на потенциально опасные объекты промышленности, инфраструктуры, транспорта и т.п. Должны настораживать и случаи изъятия из незаконного оборота опасных веществ, а также факты возбуждения уголовных дел по ст. 188, 220, 221, 234, 247, 248 УК РФ. Так, в сентябре 2003 г. в г. Ноябрьске неустановленное лицо тайно похитило герметичный контейнер с радиоактивным веществом «Cs-137» (цезий-137). Было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 221 УК РФ. Поэтому вполне очевидно, что необходимо совершенствовать уголовный запрет на применение подобных средств.

Рассмотрим наиболее опасные направления терроризма применительно к использованию современных технологий.

Ядерный терроризм. Весомым и эффективным средством для достижения целей террористов является применение средств радиоактивного излучения. Распространение ядерных технологий как в мирных, так и в военных целях дает основание предполагать, что из-за несовершенной системы безопасности или по иным причинам возможна утечка подобных технологий или их части, а также хищение радиоактивных веществ, которые могут быть использованы в террористических целях.

Например, 23 ноября 1995 г. чеченский террорист Ш. Басаев заявил по каналу телевидения НТВ, что в окрестностях Москвы спрятано 4 контейнера с радиоактивным изотопом цезием-137, снабженных взрывным устройством. Для подтверждения реальности угрозы он указал место нахождения одного из контейнеров в Измайловском парке, который впоследствии был изъят, его вес составил 32 кг. При этом норма излучения превышала допустимую в 310 раз.

На территории трех десятков стран расположено 438 энергоблоков АЭС, 651 исследовательский ядерный реактор, 250 заводов ядерно-топливного цикла. Около 10 тыс. источников радиации используются в медицине, промышленности,

¹ Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. проф. А.И. Рапога. М., 2007. С. 99.

² Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. С. 434.

сельском хозяйстве и научных разработках. В России действует 10 АЭС, на которых расположен 31 энергоблок. В 30-километровых зонах АЭС, а также вблизи объектов ядерно-топливного цикла находятся более 1300 населенных пунктов, в которых проживают около 4 млн чел.¹

Учитывая повышенную общественную опасность и возрастание угроз посягательств на объекты использования атомной энергии и применения в ходе терроризма радиоактивных материалов, российский законодатель внес изменения в ч. 3 ст. 205 УК РФ², установив уголовную ответственность за совершение террористического акта, «сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии», что говорит о специальном предмете преступления, и с «использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения», что говорит о специальных средствах совершения преступления.

Посягательство – это попытка причинить вред, ущерб. В уголовном праве под посягательством принято понимать попытку причинить вред либо реальное причинение вреда общественным отношениям. Отсюда следует, что посягательство на объекты использования атомной энергии означает попытку или реальное выведение из строя этих объектов. Оно может быть выражено в следующих формах: захват, угон, разрушение, повреждение, влекущие остановку или нарушение деятельности ядерных объектов (путем вмешательства в информационную систему, технологический процесс работы, отключение жизнеобеспечения, подрыв, затопление, заражение объекта опасными веществами и т.д.).

Что касается деяния, сопряженного с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, то подобное их применение является довольно значительным аргументом в выдвижении требований, так как упрощает причинение вреда, повышает его размер, а также имеет мощный устрашающий потенциал. Деяние может выразиться в следующем использовании: подрыв ядерного взрывного устройства; подрыв обычным взрывчатким веществом радиоактивного материала; распыление радиоактивных веществ, излучение радиации из источников радиоактивного излучения, влекущих радиоактивное заражение местности, помещений, источников снабжения воды, пищи и т.д.

Орудием, направленным против объектов, может быть взрывное и зажигательное устройства, огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, а при использовании: ядерное взрывное устройство, любое рассеивающее или излучающее радиацию устройство, сам радиоактивный материал. Получить подобные материалы и устройства террористы могут различными способами, в связи с чем, в зависимости от обстоятельств, деяние требует дополнительной квалификации по ст. 188, 189, 220, 221, 226 УК РФ.

При террористических актах объекты, как и вещества, могут быть как военного, так и гражданского назначения. Но в формулировке ч. 3 ст. 205 УК РФ заметен ряд упущений. Так, в нее не включено посягательство на объекты использования, производства, переработки или транспортировки радиоактивных веществ, а также применение всех компонентов ядерного оружия. Указание на применение ядерного оружия было бы более полным при конструировании особо квалифицированного состава ст. 205 УК РФ.

¹ Косачев К.И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним // Государство и право. 2007. № 8. С. 94.

² Федеральный закон от 9 февраля 1999 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 7. Ст. 873.

В статье 355 УК РФ речь идет о «разработке, производстве, накоплении, приобретении или сбыте», а в ст. 356 УК РФ – о «применении оружия массового поражения», запрещенного международным договором РФ, куда ядерное оружие тоже не включено. К тому же, говоря о террористическом акте, следует использовать такое общее понятие, как радиоактивный материал, – любые искусственные или природные ядерные материалы и радиоактивные вещества различного назначения, промышленного или самодельного изготовления, способные по своим свойствам причинить вред здоровью или смерть человеку, вред окружающей среде, существенный имущественный ущерб.

С учетом того, что существует достаточно большое количество объектов и веществ, способных причинить идентичный вред и оказать подобное устрашающее воздействие, диспозицией ч. 3 ст. 205 УК РФ не охватывался весь их круг. В связи с этим законодатель включил в данную норму «использование ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ»¹. В ранее существовавшей редакции применение подобных веществ при террористическом акте могло быть квалифицировано по ч. 1 ст. 205 УК РФ по признакам «иные деяния» и наступление иных «общественно опасных последствий», что не соответствовало общественной опасности их применения.

Химический терроризм. Попытки использования химических веществ в террористических актах предпринимались не раз. Так, 20 марта 1995 г. религиозной сектой Аум Сенрике произведена газовая атака с применением нервно-паралитического газа «Зарин» в токийском метро. Было заражено 16 станций метро, погибли 12 человек, 3796 чел. пострадали, многие из них ослепли и остались инвалидами; в декабре 1999 г. в Грозном террористы взорвали цистерну с хлором. Регистрируются факты изъятия ядовитых веществ и инструкций по их изготовлению и применению, говорящие о попытках использовать данные вещества в преступных целях.

В специальной литературе встречается такое понятие, как *ядовитые вещества*, под которыми понимают вещества, оказывающие токсическое (отравляющее) воздействие на живые организмы. При употреблении малых доз они могут нанести вред здоровью или вызвать смерть. Перечень ядовитых веществ содержится в Списке № 2, составленном Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения РФ. Он содержит такие вещества, как «Зарин», змеиный яд, цианистый калий, «Циклон», сенильная кислота, соединения ртути и др. Некоторые ядовитые вещества (цианистый калий, цианистый натрий) включены в Список химикатов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы при создании химического оружия и в отношении которых установлен экспортный контроль, другие же названы в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия, о его уничтожении².

Токсичность – это способность некоторых химических соединений и веществ биологической природы оказывать вредное действие на организм человека, животных, растения. Следовательно, *токсические вещества* являются синонимом ядовитых веществ. Под «*отравляющими веществами*» понимают ядовитые (ток-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

² Косарев С.Ю. Преступления, связанные с сильнодействующими и ядовитыми веществами: криминалистическая характеристика и особенности расследования. СПб., 2008. С. 23.

сичные) соединения, применяемые для снаряжения химических боеприпасов. При применении они способны поражать людей и животных на больших площадях, проникать в различные сооружения, заражать местность и водоемы. Ими снаряжаются ракеты, авиационные бомбы, артиллерийские снаряды и мины, химические фугасы, а также выливные авиационные приборы. Эти вещества являются основной составляющей химического оружия. Химическое оружие – это оружие массового поражения, действие которого основано на токсических свойствах химических веществ. Следовательно, отравляющие вещества входят в объем понятия ядовитых (токсических) веществ.

Понятие отравляющих веществ не включает в себя все возможные опасные химические вещества, которые могут быть применены при террористическом акте. Такие опасные вещества, как аммиак, хлор, соляная кислота, фосген, тетраэтилсвинец, которые активно используются в гражданских целях на станциях водоочистки, холодильных установках, промышленных объектах, перевозятся на объектах транспорта, тоже могут быть применены террористами.

В связи с этим можно говорить о химическом материале, используемом при совершении террористического акта, и предложить следующее понятие: *химический материал – это любые искусственные или природные химические вещества различного назначения, промышленного или самодельного изготовления, способные по своим свойствам причинить вред здоровью или смерть человеку, вред окружающей среде, существенный имущественный ущерб*.

Биологический терроризм (биотерроризм) – потенциально опасное направление терроризма. Так, в 1984 г. в США сотни людей были умышленно заражены сальмонеллой, добавленной в салаты. В 2001 г. на территории США произошла рассылка писем со спорами сибирской язвы. В нескольких лабораториях, созданных террористами, был обнаружен один из биологических токсинов – рицин. В отличие от сибирской язвы, которую можно вылечить антибиотиками, от рицина нет противоядия.

Применение материалов такого рода для умышленного распространения инфекционного заболевания может погубить столько же людей, сколько ядерный взрыв, или даже больше. Всего лишь один грамм рецептуры натуральной оспы, закаченный в боеприпас, при его использовании может привести к гибели от 100 тыс. до 1 млн человек¹.

В новой редакции ч. 3 ст. 205 УК РФ говорится об опасных биологических веществах.

К нормативным правовым актам, регулирующим общественные отношения в данной сфере, относятся: Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении², Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»³, Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴.

Наибольшее беспокойство вызывает возможность применения террористами биологического оружия. Это вид оружия массового поражения людей, животных и растений, действие которого основано на использовании болезнетворных микробов, вирусов и продуктов их жизнедеятельности (токсинов). Биологическое

¹ Фельдман А. Биотерроризм – невидимое оружие уничтожения // Профессионал. 2008. № 4. С. 36.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 58-61.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

оружие включает и специальные боеприпасы, и боевые приборы со средствами доставки (авиабомбы, снаряды, мины, ракеты, генераторы аэрозолей и другие устройства), снаряженные биологическими средствами.

Под *биологическим оружием* понимается живой организм, в том числе микроорганизм, вирус или другой биологический агент, а также любое вещество, произведенное живым организмом или полученное методом генной инженерии, или любое его производное, а равно средства их доставки, созданные с целью вызвать гибель, заболевание или иное неполноценное функционирование человеческого либо другого живого организма, заражение окружающей природной среды, продовольствия, воды или иных материальных объектов¹. Биологические агенты, токсины либо средства их доставки, разрабатываемые, производимые, приобретаемые, сбываемые, транспортируемые и используемые в мирных, например профилактических или медикозащитных, целях, не входят в понятие биологического оружия.

Таким образом, напрашивается вывод о перегруженности в перечислении видов веществ в ч. 3 ст. 205 УК РФ, так как ядовитые вещества – синоним токсичных, а отравляющие вещества, предназначенные для применения в военных целях, входят в объем ядовитых (токсичных). Ядовитые вещества могут быть как химического, так и биологического происхождения. Указание на «опасные» вещества никакого дополнительного смысла в тексте закона не несет, потому что все перечисленные вещества опасны для жизни и здоровья человека, а также для окружающей среды.

Рассмотрев наиболее опасные средства совершения террористического акта, можно сделать следующий вывод. Несмотря на различную природу и механизм действия, данные средства объединяет то, что в результате их применения могут наступить идентичные общественно опасные последствия: массовая гибель людей (массовость означает десятки, сотни, тысячи погибших), массовый вред их здоровью, существенный имущественный ущерб, вред окружающей среде. Массовость подразумевает наступление и иных тяжких последствий: значительный устрашающий эффект, способный вызвать панику, страх среди населения, нарушение общественных отношений в сфере работы транспорта, предприятий, учреждений, организаций в пределах больших регионов или территории целых стран и т.п.

В связи с вышеуказанным можно предложить следующее понятие: *средства массового воздействия – это радиоактивные, химические, биологические и иные материалы, а также устройства, в том числе их содержащие или генерирующие, использование которых способно совокупно повлечь массовую гибель людей, нанести вред их здоровью, а также окружающей среде, причинить существенный имущественный ущерб и иные тяжкие последствия*. Данная формулировка включает более полный перечень опасных средств, которые могут быть использованы при совершении террористического акта, а иные материалы – это вещества, не являющиеся радиоактивными, химическими, биологическими, но по своим свойствам могущие причинить идентичный комплексный массовый вред.

Заслуга законодателя, внесшего изменения в ч. 3 ст. 205 УК РФ, состоит в том, что химические и биологические материалы по своей общественной опасности приравнены к радиоактивным. Но не была учтена повышенная общественная опасность посягательств на объекты использования, производства, хранения, переработки или транспортировки химических и биологических материалов, что противоречит логике построения ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Кроме того, можно говорить об объектах массового воздействия – это предприятия, сооружения, установки, транспортные средства, информационные сис-

¹ Фельдман А. Указ. соч. С. 42.

темы, посягательство на которые способно совокупно повлечь массовую гибель людей, нанести вред их здоровью, а также окружающей среде, причинить существенный имущественный ущерб и иные тяжкие последствия.

С помощью предложенных формулировок можно криминализировать различные акты технологического терроризма, т.к. количество технологий, материалов и устройств, способных причинить однопорядковый комплексный массовый вред, в мире только возрастает.

Литература

1. Косарев С.Ю. Преступления, связанные с сильнодействующими и ядовитыми веществами: криминалистическая характеристика и особенности расследования. СПб., 2008.
2. Косачев К.И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним // Государство и право. 2007. № 8. С. 94.
3. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010.
4. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. А.И. Рарога. М., 2007.
5. Фельдман А. Биотерроризм – невидимое оружие уничтожения // Профессионал. 2008. № 4. С. 36.

Квалификация хулиганства и некоторые вопросы законодательной техники в уголовном праве

*М.Б. Фаткуллина, ведущий научный сотрудник филиала
ВНИИ МВД России по Уральскому федеральному округу
кандидат юридических наук, доцент;
Е.Ю. Воронцова, инспектор отделения по исполнению
административного законодательства отдела
полиции № 6 г. Екатеринбург*

Ответственность за хулиганство предусмотрена в ст. 213 УК РФ.

Вызывает трудности вопрос об определении объекта хулиганства. Статья 213 УК РФ законодателем размещена в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности». Исходя из названия главы, основным непосредственным объектом преступлений, объединенных в названной главе, является общественная безопасность. Однако традиционно в науке уголовного права и в практической деятельности правоохранительных органов принято считать, что основным непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, под которым понимается система общественных отношений между людьми, правил поведения и общежития, которые обеспечивают состояние спокойствия и защищенности жизнедеятельности личности. Следовательно, законодатель «выпустил из виду» в названии гл. 24 УК РФ указание на такой видовой и непосредственный объект преступления, как общественный порядок. Кроме этого, соблюдая последовательность в перечислении объектов в названии раздела, в гл. 24 УК РФ следовало бы разместить сначала преступления против общественной безопасности, а затем преступления против общественного порядка.

В редакции Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ хулиганство – это грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу с обязательными конститутивными альтернативными признаками: либо, согласно п. «а», хулиганство совершается с применением оружия или предме-

тов, используемых в качестве оружия; либо, согласно п. «б», – по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы¹.

Таким образом, в качестве основного непосредственного объекта хулиганства следует выделять общественный порядок, а в качестве дополнительного непосредственного объекта, в случае совершения вооруженного хулиганства, необходимо определить общественную безопасность, в случае хулиганства по экстремистским мотивам – основы конституционного строя и безопасности государства.

Проблемные вопросы при квалификации хулиганства в первую очередь возникают в связи с тем, что диспозиция нормы содержит оценочные признаки: грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу. Несмотря на то, что указанные оценочные признаки разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», сосредоточение признаков в одном составе явно нежелательно.

Вторая форма хулиганства (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) предполагает наряду с хулиганским мотивом обязательное наличие одного из экстремистских мотивов. Содержание хулиганского мотива можно выразить как стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя интересам общества, проявить необоснованную удаль, грубую силу, буйство, демонстративное пренебрежение нормами общественного поведения и морали.

Хулиганский мотив имеет определенные характеристики: внешне преступление совершается по незначительным поводам или вовсе при их отсутствии; мотив вызван стремлением противопоставить себя обществу, нарушить общественные устои; личность потерпевшего для хулигана не имеет существенного значения, им может оказаться любой человек.

Экстремистский мотив предполагает внутреннее побуждение, обусловленное политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Если сравнить хулиганский и экстремистский мотивы, сам собой напрашивается вывод о том, что хулиганский мотив по содержанию шире по объему, нежели экстремистский, так как хулиганский мотив – это стремление субъекта противопоставить себя всему обществу, а экстремистский мотив обусловлен стремлением противопоставить себя лишь части общества (какой-либо группе со специфическими признаками).

При хулиганстве личность потерпевшего не имеет значения, а при экстремистском мотиве – это конкретный человек определенной социальной группы.

Таким образом, хулиганский мотив и экстремистский мотив взаимоисключают друг друга. В связи с этим целесообразно исключить из основного состава ст. 213 УК РФ экстремистский мотив как не соответствующий смысловому понятию хулиганства. Тем более, что, по мнению ученых-криминалистов и специалистов правоохранительных органов, при квалификации преступления, по которому при расследовании уголовного дела выявлены несколько мотивов, необходимо устанавливать доминирующий.

¹ Интерес представляет конструкция диспозиции основного состава хулиганства. Так, альтернативными признаками состава хулиганства выступают, с одной стороны, объективные признаки – орудие (средство) совершения преступления и способ совершения преступления, а с другой стороны, субъективный признак – мотив совершения преступления.

Не ясна логика законодателя относительно возраста субъекта хулиганства. Так, по ч. 1 ст. 213 УК РФ субъектом хулиганства следует признавать физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста 16 лет, а по ч. 2 ст. 213 УК РФ – 14 лет. На наш взгляд, и с 14 лет лицо способно осознавать общественную опасность хулиганства, поэтому целесообразно в ч. 2 ст. 20 УК РФ сделать указание на ст. 213 УК РФ без дифференциации ответственности по частям. В качестве дополнительного приведем следующий аргумента: в ч. 2 ст. 20 УК РФ предусмотрен возраст уголовной ответственности с 14 лет за ряд преступлений, в которых в качестве одного из квалифицирующих признаков указан мотив «из хулиганских побуждений». Это убийство (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Получается, что в указанных случаях у законодателя не возникает сомнений, что виновное лицо, достигшее 14 лет, способно осознавать хулиганский мотив своего поведения при совершении преступления.

В части уголовной ответственности за хулиганство, совершенное групповым способом, квалифицированный состав хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) образует преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В связи с изменением редакции анализируемой статьи «исчез» из ч. 2 ст. 213 УК РФ признак – совершение этого преступления группой лиц. Группа лиц без предварительного сговора – такой вид соучастия, когда в основном преобладает присоединительная деятельность одного хулигана к другому. Подобные ситуации встречаются при совершении хулиганства довольно часто, когда происходит так называемая цепная реакция хулиганских действий.

Позиция законодателя, исключившего признак совершения хулиганства группой лиц без предварительного сговора из числа квалифицирующих признаков, представляется явно необоснованной. К тому же подавляющее большинство фактов грубого нарушения общественного порядка, выражающих явное неуважение к обществу, «традиционно» совершается в состоянии опьянения, и, как следствие, умысел на такое деяние возникает непосредственно перед его совершением, а сговор на его совместное осуществление – в процессе преступного посягательства.

Кроме того, совершение хулиганства групповым способом, независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора, всегда представляет повышенную опасность для охраняемых уголовным законом общественных отношений, поэтому предлагаем «вернуть» в ч. 2 ст. 213 УК РФ квалифицирующий признак «группа лиц».

Влияние качества закона на уголовную ответственность за эксплуатацию детей

*М.С. Семикина, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России*

Важнейшим приоритетным направлением защиты подрастающего поколения является уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от преступлений, совершаемых против них. Рост посягательств в отношении несовершеннолетних в последние десятилетия является одной из самых значимых проблем современ-

ного российского общества. Ежегодно в России совершается в общей сложности более 130 тыс. преступлений в отношении детей, из них только случаев сексуального насилия около 1500. И хотя в структуре насильственной преступности доля преступлений в отношении несовершеннолетних остается достаточно низкой (7-10 %), реальная криминологическая картина до сих пор остается малоизученной. Специалистами с опасениями отмечается рост посягательств в отношении детей, сопряженный с их эксплуатацией (торговля несовершеннолетними, сексуальная эксплуатация, вовлечение в порноиндустрию, незаконная трудовая деятельность и пр.).

Неблагоприятные тенденции преступности в этой сфере обуславливают необходимость глубокого теоретического исследования и обоснования норм уголовного закона, обеспечивающих правовую защиту несовершеннолетних от эксплуатации. В современных условиях практика применения российского законодательства свидетельствует о низкой эффективности противодействия данному антисоциальному явлению. Не в последнюю очередь это связано со слабым качеством юридического текста уголовного закона.

Известно, что одним из признаков эффективности закона является качество правовой нормы. В свою очередь, качество правовой нормы, ее обоснованность, соответствие основным социальным целям, степень ее воздействия на поведение субъектов правового регулирования и эффективность во многом зависят, особенно на стадии выявления потребностей в правовом регулировании, от качества правотворческого процесса¹. Данный признак раскрывается через такой показатель, как язык уголовного законодательства. П.И. Люблинский отмечал, «что язык законодателя должен отличаться двумя качествами: гармонией и силой; они делают его приятным и убедительным, и благодаря этому закон лучше укладывается в памяти»².

Отсутствие противоречивости, коллизийности и двусмысленности нормативных формулировок – вот необходимые составляющие юридического языка. В данном аспекте усматривается необходимость повторения правила законодательной техники об однозначности терминологии, ранее озвученного М.А. Кауфманом³. Краткая его формула звучит так: «одно понятие – один термин», в развернутом виде означает: как внутри одного нормативного акта, так и в рамках целой отрасли права, одно и то же понятие должно последовательно и неуклонно определяться одним термином. В то же время и один термин не должен использоваться для обозначения различных, не совпадающих между собой понятий.

Нарушение данного правила, а равно неспособность создавать, совершенствовать и адаптировать нормы, «продемонстрированы» в процессе практического применения категорий насилия и эксплуатации несовершеннолетних. В юридической литературе не раз отмечалась необходимость научной проработки данных терминов, однако известная неопределенность в понимании продолжает существовать. Так, определение насилия над детьми, предложенное Всемирной организацией здравоохранения в 1999 г., рядом авторов признано слишком многословным и обширным. По сути, в этом определении отмечено все, что мешает ребенку полностью реализовать свой жизненный и личностный потенциал. Сюда относятся и активные действия угрожающего характера в отношении ребенка (например, физическая и сексуальная агрессия), и действия игнорирования и отказа ребенку в

¹ Научные основы советского правотворчества. М., 1981. С. 7.

² Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 10.

³ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 154.

удовлетворении его ведущих жизненных потребностей (например, пренебрежение ребенком, отказ предоставлять ему пищу и т.д.)¹.

В результате слово «насилие», используемое в бытовой речи, художественной и научной литературе, став категорией уголовного права, в содержательном плане претерпело существенные изменения лишь относительно определений тяжести вреда жизни и здоровью. В остальных случаях сформированные теоретиками различные определения категории «насилие» препятствуют не только единству юридической терминологии, но и порождают проблемы при квалификации различного рода деяний.

Аналогичная ситуация складывается с определением категории «эксплуатация». Статья 19 Конвенции ООН о правах ребенка провозгласила необходимость государств-участников принять все меры для защиты ребенка от всех форм физического и психического насилия, грубого обращения или эксплуатации. Уголовный кодекс России, в свою очередь, раскрывает понятие через использование занятия проституцией, формы сексуальной эксплуатации, рабский труд, подневольное состояние. Соответственно, ссылаясь на нормы Конвенции, плохое обращение с ребенком может подпадать одновременно под насилие и эксплуатацию. Такое обращение с ребенком, согласно национальному законодательству, будет эксплуатацией при условии рабского труда либо использования занятия проституцией. Очевидно, безынициативность государства, выраженная неустранимостью юридических дефектов, породит тотальное нарушение прав несовершеннолетних. Как указывал М.А. Кауфман, эффективность и результативность законов напрямую зависят от того, насколько точны и ясны юридические формулировки, насколько они логично связаны и последовательны, насколько единообразно применение юридических понятий и терминов².

В силу сказанного важно определить основные черты изучаемого явления, для того чтобы не только иметь четкое представление об уголовно-правовой категории «эксплуатация несовершеннолетних», но и с учетом этого выработать стратегию и план противодействия эксплуатации детей.

Чтобы определить понятие, необходимо указать, какие существенные признаки мыслятся в его содержании. Может показаться, что самый простой путь для этого – воспользоваться дефиницией, содержащейся в толковом словаре русского языка, однако на практике это не помогает окончательно решить поставленную задачу.

Термин «эксплуатация» имеет иностранное происхождение (от франц. exploitation – использование, извлечение выгоды). Применительно к человеческой деятельности он используется в трех значениях. Во-первых, в технике под эксплуатацией понимают часть жизненного цикла изделия (орудия труда, сооружения, технической системы и т. п.), на протяжении которого оно используется по назначению. Во-вторых, эксплуатация в природопользовании – это разработка, использование природного ресурса – месторождения, плодородной земли, лесного, водного ресурса, охотничьего или рыболовного угодья и т.п. Наконец, в-третьих, эксплуатация в марксистской политэкономии рассматривается как присвоение результатов труда другого человека без обмена или с предоставлением взамен товаров (услуг, денег), стоимость которых меньше, чем стоимость, созданная трудом этого человека. Как видим, ни одно из вышеперечисленных значений не может быть применено к уяснению смысла содержания категории «эксплуатация несовершеннолетнего».

¹ Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008. С. 38.

² Кауфман М.А. Указ. соч. С. 146.

В статье же 127¹ УК РФ «Торговля людьми» термин «эксплуатация» используется применительно к человеку, в других же случаях уголовный закон употребляет его в отношении предметов техники (транспортных средств, машин, ЭВМ и пр.). Поскольку наиболее четко эксплуатация человека употребляется исключительно к торговле людьми, можно предположить, что данное преступление является одной из форм преступной эксплуатации человека. Именно поэтому анализ категории «эксплуатация несовершеннолетнего» требует учета содержания уголовно-правового понятия «торговля людьми».

Согласно ст. 127¹ УК РФ, под торговлей людьми понимается купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. Эксплуатация является ключевым понятием в понимании феномена «торговля людьми». При этом эксплуатация человека используется как признак субъективной стороны состава данного преступления. В примечании 2 к ст. 127¹ УК РФ дается определение эксплуатации человека, под которой понимается использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги) и подневольное состояние. Таким образом, определение эксплуатации человека раскрывается через описание ее форм, в числе которых называются: 1) проституция, 2) иные формы сексуальной эксплуатации, 3) рабский труд (услуги), 4) подневольное состояние. Примечательно, что одна из форм эксплуатации человека называется «иные формы сексуальной эксплуатации». Подобная трактовка, естественно, не может не вызывать нареканий, поскольку определение раскрывается через определяемый признак, что само по себе недопустимо при толковании значения употребляемых слов.

Вместе с тем при анализе законодательного определения «эксплуатация человека» возникает ряд важных вопросов. Во-первых, можем ли мы опираться на определение «эксплуатация человека», закрепленного в примечании к ст. 127¹ УК РФ, как на точное описание такого уголовно-правового явления, как эксплуатация несовершеннолетних? Во-вторых, охватываются ли только четырьмя формами, названными в п. 2 примечания к ст. 127¹ УК РФ, все известные вариации эксплуатации человека? Полагаем, что ни по одному из указанных вопросов нельзя дать положительный ответ и признать правомерной точку зрения законодателя.

Подтверждением данного тезиса служит анализ норм международного публичного права, из которого, собственно, позаимствован уголовно-правовой запрет на торговлю людьми. На рубеже XX-XXI вв. Российская Федерация ратифицировала пакет международных правовых актов по противодействию торговле людьми, в том числе Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении, пресечении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми, подписанную в Палермо 12 декабря 2000 г.¹ Тем самым Россия взяла на себя ряд международных обязательств по предупреждению и пресечению торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказанию лиц, совершивших подобные общественно опасные деяния. Как следствие, в декабре 2003 г. была установлена уголовная ответственность за торговлю людьми.

Согласно ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, под торговлей людьми понимается осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача,

¹ Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции другими лицами или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Кроме того, торговлей людьми считается вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации¹.

Для лучшего понимания термина «торговля людьми» его определение разделяют на три взаимосвязанные части: 1) действие – вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; 2) средство – угроза силой или применение силы, другие формы принуждения, похищение, обман, мошенничество, злоупотребление властью или уязвимостью положения, подкуп; 3) цель – эксплуатация человека, включая различные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние и другие формы эксплуатации.

Таким образом, эксплуатация человека является одним из элементов (признаков) торговли людьми.

Однако сравнительно-правовой анализ норм международного и отечественного законодательства свидетельствует, что категории «эксплуатация человека» и «торговля людьми» совпадают по своему смысловому содержанию частично. Так, средство воздействия на потерпевшего при совершении торговли людьми в уголовном законе России не названо в качестве обязательного признака. Поэтому не будет влиять на квалификацию преступления использование виновным шантажа или обмана для совершения купли-продажи человека. Справедливости ради следует отметить, что такие способы совершения торговли людьми, как «с применением насилия или угроз его применения», «совершенные способом, опасным для жизни и здоровья многих людей», используются в качестве признака квалифицированных видов торговли людьми.

Термин «эксплуатация человека» в нормах международного права также имеет более широкий характер, поскольку в него включается помимо четырех известных для российского уголовного закона форм эксплуатации (проституция, сексуальная эксплуатация, рабский труд (услуги), подневольное состояние) также принудительный труд или услуги, рабство, обычаи, сходные с рабством, и извлечение органов.

Подводя итог рассуждениям о влиянии качества закона на уголовную ответственность за эксплуатацию несовершеннолетних, сформулируем следующие выводы: 1) в уголовном законе и судебной практике отсутствует четкое понимание феномена «эксплуатация несовершеннолетних»; 2) понятия эксплуатации и торговли несовершеннолетними хотя взаимосвязанные, но не тождественные; 3) действующие определения эксплуатации несовершеннолетних в юридической литературе имеют более узкое значение, чем реально представляет собой данное анти-социальное явление.

Таким образом, в настоящее время возникла настоятельная потребность в научном осмыслении понятия «эксплуатация несовершеннолетних» как уголовно-

¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3884.

правового и криминологического феномена, а также в разработке системы мер законодательных и организационных мер по ее предупреждению.

Литература

1. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007.
2. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.
3. Научные основы советского правотворчества. М., 1981.
4. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008.

Современные методы преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла в специализированных вузах

К проблеме повышения статуса гуманитарных дисциплин в учебном процессе вуза

*Н.В. Шульженко, старший преподаватель
Хабаровского пограничного института ФСБ России
кандидат социологических наук*

Глубокие изменения, происходившие в Российской Федерации в конце XX – начале XXI в., сказались на всех сферах жизни, в том числе и на системе общего и высшего профессионального образования. Необходимость гуманизации как основной тенденции в модернизации образования точно сформулирована Д. Лихачевым: *«Двадцать первый век должен стать веком гуманитарного мышления или его не будет совсем»*. Действительно, наряду с фундаментальными специальными знаниями вуз должен дать комплексное гуманитарное знание о мире, которое определяет качество образованности и служит полноценному овладению научно-техническими знаниями. Высшее учебное заведение готовит специалистов высшей квалификации по самым разным отраслям, проводит научные исследования в различных научных направлениях. В классическом вузе (в том числе и в вузах военно-образовательной системы) студенты получают не только узкую специальность, но и фундаментальное образование в избранной предметной области. Это позволяет в дальнейшем выбирать направление своей деятельности в гораздо более широком диапазоне. Главными принципами вузовского образования считают полноту представленного в вузе научного знания; дух свободы и профессионального творчества преподавателя в процессе преподавания и обучения студента; способность вуза к самовосполнению путем подготовки профессорско-преподавательского состава по различным направлениям.

Стратегической линией развития высшего профессионального образования выступает гуманизация. Этот процесс – следствие понимания того факта, что ядром личности является ее гуманитарная составляющая. Специалист (юрист, военный, педагог, инженер и т.п.) должен быть прежде всего подготовлен вузом для организационно-управленческой деятельности, т.е. для работы с отдельно взятой личностью и малыми группами.

Гуманизация образования – философская и социально-политическая доктрина, провозглашающая благо человека в качестве высшей цели образовательной деятельности. Согласно ей, содержание образования должно обеспечить свободное и всестороннее развитие личности, деятельное участие индивида в жизни общества. Однако на практике происходит так, что гуманитарные ориентиры утверждаются путем наращивания в учебном плане объема дисциплин, изначально считающихся гуманитарными, т.к. гуманитаризация образования разворачивается в логике учебного предмета. Специалисты считают, что ограничиваться таким способом решения проблемы нельзя, т.к. *«при этом главное – атмосфера, стиль отношений «учитель – ученик», «преподаватель – студент» - не подвергается сколько-нибудь радикальному обновлению. Необходима еще и гуманизация образования в самой логике учебного процесса»*¹. Значит, идея гуманизации распро-

¹ Сенько Ю.В. Педагогический процесс как гуманитарный феномен // Педагогика. 2004. № 1. С.12.

страняется также на формы и методы обучения, на всю совокупность условий, в которых она протекает. Человек ставится в центр процесса обучения и формируется как гуманная личность независимо от будущей специальности и изучаемых дисциплин. *«Поворот современной науки к человеческому фактору подтверждает прогноз, согласно которому XXI век будет веком ... наук о человеке»*¹. Гуманизация образования означает глубокие качественные преобразования в методологии, стратегии и тактике обучения, смещение всех акцентов обучения на личностный фактор. При этом, как справедливо замечает Ю.Н. Афанасьев, *«негуманитарной может быть история и вполне гуманитарной, например, – информатика»*². Значит, знания становятся гуманитарными, обретая личностный смысл, а сущностью образовательного процесса является целенаправленное превращение социального опыта в опыт личностный.

Поворот образования к целостной картине мира – мира культуры, мира человека – связывают с его гуманитаризацией, предусматривающей *«очеловечивание»* знания, выявление гуманитарного начала, имеющегося косвенно во всей науке, формирование гуманитарного и системного мышления, повышение статуса гуманитарных дисциплин в учебно-воспитательном процессе при радикальном их изменении.

Гуманитаризация – это прежде всего придание значимости наукам о единстве мира, об обществе и человеке, позволяющее обогатить духовный мир и сформировать жизненную позицию человека.

Гуманитаризация – это ориентация содержания образования, независимо от его уровня и типа, на готовность решать главные социальные проблемы на благо и во имя человека; свободно общаться с людьми различных вероисповеданий и национальностей; хорошо знать родной язык, историю и культуру; свободно владеть иностранным языком и быть юридически грамотным человеком.

Исходя из этих посылов, гуманитарное образование – это приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования, установление связей между предметами через все учебные дисциплины и формирование личностной зрелости обучаемых.

Итак, перед высшей школой возникает противоречивая задача: сохранить или восстановить индивидуальность человека, его своеобразие в проявлениях своего внутреннего «я» и одновременно сформировать у него социально значимые характеристики, все те качества, которые присущи профессионалу и гражданину. Как свидетельствуют данные социологических исследований, «социальный инфантилизм» и несформированность социально-психологической структуры личности являются преобладающими характеристиками многих современных выпускников. Большинство молодых россиян не только не реализуют свой интеллектуальный, организаторский, аксиологический потенциал, но и не поддерживают нововведений, без которых невозможно осуществить модернизацию российского общества и его интеграцию в мировое сообщество.

Постиндустриальное общество потому так и называется, что опирается на достижения индустриального общества. Причем не столько в сфере «железок», сколько в сфере готовности «человеческого фактора». Современный макет ГОС ВПО и политика минимизации перечня направлений и специальностей, настойчиво проводившаяся в период разработки второго поколения стандартов, отражают наукоцентрированный («знаниевый») профессионализм, свойственный индустриальному обществу. По-видимому, можно предположить, что профессионализм

¹ Стефановская Т.А. Педагогика: наука и искусство: курс лекций. М.: Изд-во «Совершенство», 1998. С. 10.

² Афанасьев Ю.Н. Западная рациональная традиция. Понятие «гуманитарность»: монография. М.: Наука, 1999. С. 11.

постиндустриального общества будет «культуроцентрированным». По мнению Л. Гребнева, к обязательным дисциплинам (наряду с философией, изучаемой с опорой на знания, полученные во всех сферах, включая фундаментальную профессиональную подготовку) следовало бы отнести теорию безопасности и теорию конфликтов, психологию общения, управление (основы менеджмента)¹.

Потребность в совершенствовании гуманитарной подготовки вызвана рядом факторов: изменились государственно-политическая и социальная система российской государственности, произошла переориентация на рыночный тип общественно-экономических отношений, и теперь требуется новый тип специалиста. В основу профессионального высшего образования берется *концепция гуманизации*, самой главной целью которой является *гуманитаризация*. Нельзя не согласиться мнением профессора В.М. Шепеля, который считает, что «отношение к гуманитарному знанию является своеобразным тестом для тех, кто хочет быть прежде всего управленцем. Благодаря гуманитарному знанию человек приобретает возможность вбирать в себя различную информацию, подвергая ее чувственной и рациональной обработке»².

В.В. Краевский выделяет три аспекта гуманитаризации:

- 1) наращивание в содержании знаний о человеке, человечестве и человечесности, выделение гуманитарного аспекта всех учебных дисциплин;
- 2) улучшение качества преподавания гуманитарных предметов;
- 3) гуманизация преподавания гуманитарных дисциплин³.

В настоящее время пересматривается вся система преподавания гуманитарных дисциплин, расширяется их перечень, обновляется их содержание и методическое обеспечение. Гуманитарные дисциплины должны, на наш взгляд, помочь молодому специалисту осуществить глубокую самостоятельную подготовку в гармоничном сочетании со всесторонним современным научным мышлением, высоким уровнем общей культуры и образования.

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Западная рациональная традиция. Понятие «гуманитарность»: Монография. М.: Наука, 1999.
2. Гребнев Л. Гуманитарное образование. Размышление о «форме» и «содержании» // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 3-19.
3. Краевский В.В. Содержание образования: вперед к прошлому // Педагогика. 2000. № 1. С. 3.
4. Сенько Ю.В. Педагогический процесс как гуманитарный феномен // Педагогика. 2004. № 1. С. 12.
5. Стефановская Т.А. Педагогика: наука и искусство: Курс лекций. М.: Изд-во «Совершенство», 1998.
6. Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера (Управленческая гуманитарология): Учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 1992.

¹ Гребнев Л. Гуманитарное образование. Размышление о «форме» и «содержании» // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 3-19.

² Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера (Управленческая гуманитарология): учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 1992. С. 7.

³ Краевский В.В. Содержание образования: вперед к прошлому // Педагогика. 2000. № 1. С. 3.

Пути повышения качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин

*О.В. Казаку, доцент кафедры Дальневосточного
государственного университета путей сообщения
кандидат социологических наук*

Основным инструментом социализации и профессионализации человека в обществе является образование, в том числе профессиональное. Содержательность образования выражается в принятых на государственном уровне стандартах образовательных программ и реализуется, в частности, через приоритетный национальный проект «Образование», цель которого – повысить качество образовательных услуг.

Одной из актуальных проблем в современной системе высшего профессионального образования является проблема качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин, создания положительной мотивации студентов, обучающихся по той или иной специальности в техническом вузе.

Реальное снижение качества подготовки специалистов в российских вузах, переход к комплексной оценке деятельности образовательных учреждений, усиление конкуренции между ними на рынке образовательных услуг и рынке трудовых ресурсов, а также присоединение России в 2003 г. к Болонской декларации – вот основные причины, которые вынуждают сегодня образовательные учреждения разрабатывать и внедрять систему гарантий качества. Система качества базируется на Концепции системы обеспечения качества образования и учитывает стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве, разработанные Европейской ассоциацией гарантии качества в высшем образовании (ENQA).

Устранить существующие проблемы помогает внедрение внутривузовской системы управления качеством образования и стратегического планирования (системы менеджмента качества), охватывающие не только организацию самого учебного процесса, но и техническую, материальную, методическую и др. Такая система позволяет увеличить ответственность сотрудников вуза на всех уровнях учебной, научной и административной деятельности, повысить мотивацию сотрудников к качественной работе, добиться стабильного развития системы менеджмента качества образовательных услуг. В результате обеспечивается готовность выпускника к профессиональной деятельности, самообразованию и личностному росту.

Качество преподавания – постоянно повышающийся уровень образовательной деятельности преподавателя, характеризуемый высокими результатами подготовки студентов, способный удовлетворять потребности всех участников образовательного процесса. Системный анализ качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин отражен в таблице, включающей анализ начальных условий («ввод»), процессов внутри системы и результатов ее функционирования («вывод»).

Ввод	Процесс	Вывод
<i>Условия реализации процесса преподавания</i> <ul style="list-style-type: none"> • уровень подготовки студентов после изучения других курсов • квалификация преподавателей • необходимые ресурсы для преподавания 	<i>Реализация процесса преподавания</i> <ul style="list-style-type: none"> • организация учебной работы • эффективность использования ресурсов • влияние на развитие студентов 	<i>Уровень подготовки студента</i> <ul style="list-style-type: none"> • уровень подготовки студента по дисциплине • наличие мотивации к дальнейшему использованию знаний по изученной дисциплине

Схема анализа качества преподавания

Процедуры оценивания качества преподавания на соответствие требованиям государственных образовательных стандартов обеспечиваются статистическими, социологическими (анкетирование студентов, работодателей, сотрудников, собеседования с преподавателями и т.п.) и педагогическими методами (изучение письменных и творческих работ студентов, задания произвольной формы, объема и содержания – проблемные задачи, проверочные задания поискового и творческого характера, педагогической документации, тестирование – АСТ и Интернет-экзамены). Для внутренней и внешней оценки качества высшего образования могут использоваться ключевые компетенции – преподавателя, студентов, учебных программ и дисциплин, учебной среды.

В настоящее время в рамках модернизации российского образования одной из важных задач профессионального обучения в высших учебных заведениях страны является повышение компетентности студентов через повышение компетентности преподавателей¹.

Профессиональная компетентность педагога – это способность педагога к осуществлению своей профессиональной деятельности. Можно выделить три большие группы качеств компетентного преподавателя: организационные качества (активность, пунктуальность, трудолюбие, коммуникабельность, исполнительность), психолого-педагогические (корректность, тактичность, нравственность) и профессиональные (профессиональная адаптация, имидж, интеллектуально-педагогическая компетентность, умение сочетать в методике преподавания теоретические знания и практические навыки, самообразование, педагогическая рефлексия). Важно, чтобы преподаватели вузов могли пользоваться новыми технологиями по организации учебной деятельности, активно использовали методы мотивации и стимулирования самостоятельного мышления, владели социально-психолого-педагогическими навыками. Следовательно, повышение качества преподавания возможно через повышение компетентности преподавателей, при этом строгий конкурсный отбор преподавателей и регулярная аттестация их профессиональных знаний обеспечат по-настоящему качественный уровень преподавания в вузе.

В качестве идентификаторов компетенций студентов и выпускников используются два основных: с одной стороны – экзамены, тестирование, экспертные опросы, анкетирование, государственный экзамен, защита квалификационной работы и т.д., с другой – учитываются личностные характеристики студентов – коммуникабельность, способность работать в команде, принимать решение, самостоятельно приобретать и продуцировать знания и т.п.

¹ Байденко В.И., Ван Зантворт Дж. Модернизация профессионального образования: современный этап. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. С. 23.

В современных условиях информационная компетентность может быть отнесена к ключевой профессиональной компетенции студента (и преподавателя) в связи с участием в Болонском соглашении и углубляющимися процессами информатизации всех сфер деятельности человека. Кроме того, изучение дисциплин социально-гуманитарного цикла требует от студентов умения выбрать необходимую информацию, систематизировать, усвоить ее на высоком уровне, ориентироваться во все возрастающем информационном потоке, поскольку обращения только к учебным материалам (учебникам, пособиям и т.п.) недостаточно для качественной подготовки к занятиям. Также студенты должны владеть техническими средствами для подготовки презентаций к докладам, для работы с тестами (АСТ, Интернет-экзамены и т.п.), для быстрой и качественной работы с информацией на базе компьютерных и информационных технологий, а также со специализированными программами для самостоятельной организации своей учебно-познавательной деятельности.

Для контроля над качеством преподавания учебных дисциплин в ДВГУПС в течение всего учебного года реализуются два направления работы: 1) проводится тестирование студентов по усвоению учебных дисциплин; 2) организуется анкетирование студентов и преподавателей. Качество преподавания учебных дисциплин в вузе определяют сами студенты, а также преподаватели, заведующие кафедрами, проректор по учебной работе и специалисты отдела качества высшего профессионального образования в рамках контрольного посещения.

Одним из факторов, влияющих на повышение качества профессиональной подготовки студентов вуза, является характеристика той учебной среды, в которой осуществляется учебный процесс. Проникновение в учебный процесс информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), основанных на использовании компьютеров, создает предпосылки для разработки компьютерных учебных сред, которые могут быть реализованы в компьютерном практикуме и являться одним из компонентов образовательного процесса для повышения качества преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Качество преподавания определяется следующими образовательными потребностями: качественные образовательные программы; современное и достаточное ресурсное обеспечение; развитая инфраструктура вуза; высококвалифицированные преподавательские кадры; хорошая производственная база для приобретения практических навыков; связь вуза с потребителями молодых специалистов (выпускников) и др.

Механизмы, способствующие реальному удовлетворению образовательных потребностей студентов вуза, – участие студентов в оценке качества образовательных услуг вуза и компонентов процесса их предоставления; обсуждение со студентами результатов, полученных при оценке качества деятельности вуза; привлечение лучших студентов к проведению самообследования вуза и др. – обеспечивают мониторинг качества образовательной деятельности вуза и качества преподавания различных дисциплин, в том числе социально-гуманитарного профиля.

Следовательно, повышение качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин, по нашему мнению, возможно путем повышения компетенции и компетентности всех участников образовательного процесса, особенность которого – личностная включенность и заинтересованность студентов при соответствующей включенности преподавателя. В процессе обучения конструктивное взаимодействие преподавателя и студента реализуется в поисковых, проблемных и дискуссионных образовательных технологиях.

Важнейшей особенностью такого пути повышения качества преподавания является переход от внешнего контроля к внутреннему: от контроля, осуществ-

ляемого преподавателем, – к самоконтролю студентов; от контроля кафедр – к самоконтролю и самооценке преподавателей; от внешнего контроля администрации – к внутреннему контролю и оценке своей деятельности и ее результатов педагогическим коллективом.

Важным условием повышения качества преподавания является учет в образовательном процессе мнений и предложений его участников, выявленных в ходе социологических опросов, мониторингов. С точки зрения преподавателей, совершенствование учебного процесса и профессиональной деятельности возможно благодаря улучшению материального стимулирования, материально-технической базы и условий труда, условий повышения квалификации, организации труда и учета данных предложений.

По мнению студентов, необходимы изменения во взаимодействии с преподавателями, администрацией вуза; улучшение материально-технической базы; изменения в организации учебного процесса, в проведении учебных занятий (больше индивидуальной работы преподавателей со студентами на парах; максимальное изучение материала в аудитории, больше наглядных материалов: макетов, фильмов; больше творчества; проведение лекций самими студентами, больше практических занятий вне аудиторий, внедрение деловых игр и активных мероприятий для улучшения усвоения материала и повышения интереса студентов к преподаваемым дисциплинам, развитие и усовершенствование технических средств и внедрение средств интерактивного общения; возможность выбора студентом вида сдачи экзаменов (тест, экзамен); экскурсии и т.д.).

Пожелания работодателей связаны с практической стороной обучения студентов – с приобретением умений использовать теоретические знания на практике, а также необходимостью высокой практической подготовки преподавательского состава и т.д.

Таким образом, совокупность этих мероприятий будет способствовать повышению качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин.

Литература

1. Байденко В.И., Ван Зантворт Дж. Модернизация профессионального образования: современный этап. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003.
2. Киреева Е.Ю., Созонова С.Д. Качество преподавания учебных дисциплин в вузе. Критерии оценки // Качество образования: системы, технологии, инновации: Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2007.
3. Котова Т.И. Компетентный подход к личности обучаемого через компетенции преподавателя вуза. URL: <http://modern-obraz08.livejournal.com>

Направленность преподавания психологических дисциплин на развитие профессионального самосознания курсантов

*К.И. Воробьева, заведующая кафедрой Дальневосточного государственного университета путей сообщения
доктор психологических наук, профессор*

Повышение требований к работникам правоохранительных ведомств как представителям особого вида государственной службы вызывает настоятельную необходимость в изучении качества профессиональной подготовки будущих специалистов правоохранительных органов, в том числе в определении специфики и роли гуманитарных дисциплин в формировании личности профессионала. В ряду

множества проблем, связанных с организацией учебно-воспитательного процесса в вузах МВД России, было и остается выявление специфики профессионального самосознания будущих специалистов и возможностей его совершенствования в процессе профессионального обучения, что позволит повысить качество их подготовки в условиях высших образовательных учреждений МВД России.

В целом преподавание психологических дисциплин в высших образовательных учреждениях МВД России направлено на решение следующих основных задач:

- повышение общей и психологической культуры курсантов;
- формирование у курсантов устойчивых знаний основ психологии, системы ее межпредметных связей с юриспруденцией, криминологией и другими специальными дисциплинами; умений корректно учитывать психологические факторы и их действенность в юридической практике в целях эффективного правоприменения и протворчества;
- развитие познавательной активности будущих специалистов правоохранительных ведомств в овладении новыми знаниями и современными технологиями в самостоятельной психологической подготовке для личностного и профессионального роста.

Решение названных задач связано прежде всего с формированием и развитием профессионального самосознания будущих специалистов правоохранительных органов.

Известно, что профессиональное сознание будущих специалистов развивается через определение соответствия своего «Я» профессиональным эталонам. Эталон, меркой профессионального самосознания выступает профессиональный типаж-стереотип как персонифицированный образ самой профессии или обобщенный образ типичного профессионала, который развивается в ходе обучения и развития индивида и от отдельных изолированных эталонов-типажей поднимается до уровня системно организованной «имплицитной теории личности» (В.Ф. Петренко) профессионала.

Профессиональное самосознание структурируется через механизм профессиональной идентификации и профессионального самовосприятия будущих специалистов, через осознание своих возможностей и их соответствие требованиям профессиональной деятельности. Будущий специалист «примеряет» свое «Я» к избранной профессии, сличает с образом профессионала. Итак, *содержание* профессионального самосознания включает прежде всего образ Я-профессионала и образ идеального профессионала. В связи с этим значительное внимание в процессе усвоения курсантами курсов общей, социальной и юридической психологии уделяется изучению оптимальной модели личности «идеального сотрудника» правоохранительных органов. Содержание названной модели раскрывается в ходе лекционных и семинарских занятий и включает анализ:

- профессионально важных качеств личности сотрудника подразделений МВД России (когнитивные и эмоционально-волевые характеристики, ценностно-смысловая и мотивационная сферы);
- социально-психологических характеристик правоохранительной деятельности и требований профессии к специалисту (психологические аспекты эффективности труда, полимотивированность и иерархия мотивов служебной деятельности, профессиограммы юридических профессий, прогнозирование индивидуальной успешности профессиональной деятельности).

Оптимальная модель личности «идеального сотрудника» правоохранительных органов включает систему таких качеств, как нервно-психическая устойчивость, выносливость, высокий уровень работоспособности в условиях длительного воздействия перегрузок и других неблагоприятных факторов; адекватная само-

оценка, развитый самоконтроль; активность, инициативность, находчивость, асертивность; самостоятельность, организованность, аккуратность в служебной деятельности; умение прогнозировать последствия принимаемых решений.

Особое значение в работе с курсантами приобретает подробный анализ ценностно-смысловой сферы личности сотрудника подразделений МВД России и выявление личностного смысла будущей профессиональной деятельности. Профессиональные гордость, честь и достоинство являются системообразующими свойствами личности успешного сотрудника подразделений МВД России, что, безусловно, определяет их значимую роль в структуре профессионального самосознания. В связи с этим анализ проявления нравственных характеристик личности и их роли в профессиональной деятельности сотрудника подразделений МВД России пронизывает весь учебно-педагогический процесс.

Профессиональное самосознание функционально осуществляется через построение образа будущего результата деятельности, формирование профессиональных планов, определение вектора самосовершенствования и профессиональных перспектив. Отсюда изучение оптимальной модели личности «идеального сотрудника» правоохранительных органов неразрывно связано с развитием у курсантов способности к самопознанию и самоанализу, построению образа Я-профессионала, прогнозированию профессиональной карьеры. В ходе изучения психологических дисциплин курсанты познают возможности практического использования полученных знаний в прогнозировании собственного личностного и профессионального будущего, в построении адекватной собственным профессионально важным качествам модели служебной карьеры, в предупреждении эмоционального «выгорания», в сохранении мотивации достижения успеха в служебной деятельности с учетом своих индивидуально-личностных особенностей.

Структура процесса формирования профессионального самосознания в ходе преподавания психологических дисциплин включает следующие блоки:

1. Мотивационный: развитие чувства профессиональной гордости, осознание важности выполняемых служебных задач, формирование системы профессиональных ценностей, желания самосовершенствоваться, достигать профессиональных вершин и т.д.

2. Операциональный: освоение современных способов принятия решения, выбора оптимального рабочего самочувствия, овладение техниками саморегуляции психических состояний, методами психической разгрузки, овладение вербальными и невербальными средствами общения, развитие гибкости, адаптивности коммуникативного поведения.

3. Когнитивный: моделирование проблемных ситуаций и поиск оптимального пути их решения, овладение знаниями, умениями и навыками принятия управленческих решений, развитие коммуникативной компетентности.

4. Эмоционально-волевой: формирование направленности на успешное решение профессиональной задачи, целеустремленности.

5. Личностный: формирование уверенности в успешности решения профессиональной задачи, развитие профессионально важных качеств.

Таким образом, в построении модели развития профессионального самосознания курсантов в процессе изучения психологических дисциплин логично направлять фокус педагогического внимания на анализ тех базовых свойств личности курсанта в их взаимосвязи с требованиями будущей профессии, которые соответствуют разным блокам системной организации профессионального самосознания.

Проблемы преподавания дисциплины «Юридическая психология» в учебных заведениях ФСКН России

*Е.Ю. Панченков, начальник кафедры Дальневосточного
института повышения квалификации
ФСКН России кандидат психологических наук*

Возрастающая значимость подготовки квалифицированных кадров органов наркоконтроля объясняется тем, что от уровня профессионализма и компетентности, прогрессивных ориентаций и служебной этики сотрудников, их готовности и способности отстаивать закон в решающей степени зависит укрепление государственности, формирование единого правового общества. Качество нового пополнения кадров даже при хорошем отборе не может быть достигнуто без высокого уровня их последующей подготовки, обучения и профессионального воспитания.

Эффективность действий сотрудников подразделений правоохранительных органов в решающей мере зависит от предварительной подготовки личного состава и в первую очередь от уровня нравственно-психологической и профессиональной подготовленности. Психологическая компетентность сотрудников подразделений органов наркоконтроля предполагает наличие у них системы практических психологических знаний и умений. Речь идет о вооружении сотрудников прикладными психологическими знаниями, позволяющими эффективно взаимодействовать с людьми различных социальных групп, имеющими девиантные отклонения в поведении, нарушающими моральные и правовые нормы.

Профессионально-психологическая подготовка сотрудников подразделений органов наркоконтроля традиционно осуществляется в рамках профессиональной переподготовки и повышения квалификации в учебных учреждениях ФСКН России. На Дальнем Востоке такая подготовка осуществляется в Дальневосточном институте повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Одним из первых среди проблемных вопросов в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов, так же, как и в системе государственного образования в юридических вузах и на юридических факультетах университетов, стоит вопрос – *чему учить?*

Надо отметить, что подходы к преподаванию дисциплины «Юридическая психология» в высших учебных заведениях и в системе дополнительного профессионального образования различны. Преподавание юридической психологии в вузах правоохранительной системы имеет узкую прикладную направленность, характерную и для специализированных курсов в учреждениях дополнительного профессионального образования, например, в учебных заведениях ФСКН России, ФСБ России.

Ученые-правоведы считают, что цель преподавания юридической психологии студентам-юристам – формирование *психологической культуры юриста*, которая повышает эффективность юридической деятельности, способствует ее гуманизации. При обучении студентов-психологов в гуманитарном вузе основная задача формулируется в рамках подготовки специалистов к выполнению функций консультанта или эксперта, оказывающего психологическую помощь сотрудникам правоохранительной системы при следственных действиях, в оперативно-розыскной работе, в деятельности по охране общественного порядка, в судебном разбирательстве и т.д.

На курсах профессиональной переподготовки сотрудников оперативных подразделений органов наркоконтроля в учебных заведениях ФСКН России основное внимание уделяется изучению не теории психологии, а вопросам практического его применения: психологическому анализу различных ситуаций, реально

складывающихся в процессе правоприменительной деятельности, манипулятивному воздействию на психику человека, техникам сбора и анализа психологической информации о личности и т.д.

Такой подход возможен уже потому, что слушатель курсов профессиональной переподготовки имеет психологическую базу знаний и умений, которые сформированы ранее в процессе обучения в высшем учебном заведении, где дисциплина «Психология» является федеральным компонентом обучения специалиста. Правда, мы здесь сталкиваемся с серьезным затруднением. Уровень психологической подготовки, полученный сотрудниками подразделений наркоконтроля в высших учебных заведениях, которые они окончили до поступления на службу, не позволяет включать в программу профессиональной переподготовки для сотрудников подразделений органов наркоконтроля только прикладные вопросы юридической психологии. Общепсихологические вопросы составляют примерно 1/4 содержания учебной дисциплины «Юридическая психология» на курсах профессиональной переподготовки в ДВИПК ФСКН России.

Второй проблемный вопрос – *кого обучать?*

Сравнительный анализ мотивационных факторов выбора профессии сотрудниками органов наркоконтроля подтвердил, что в мотивационном профиле личности сотрудников высокая представленность профессиональных, личностных и материальных мотивов. Невысокие показатели, однако, имели социальные и познавательные факторы. У 64 % сотрудников органов наркоконтроля профессиональный выбор был полимотивирован, то есть в качестве причины поступления на службу они указывали более пяти различных причин и факторов¹.

В результате первичной диагностики слушателей, обучающихся по программе профессиональной переподготовки, выявлены следующие психологические тенденции.

От 20 до 28,5 % слушателей имеют устойчивый, сильный, интровертированный тип нервной системы, ориентированы на учебу, имеют адекватную самооценку, уравновешенную психику и отличаются социальной и эмоциональной зрелостью.

От 23 до 32 % слушателей имеют экстравертированный тип нервной системы, стараются выделиться своей индивидуальностью и эмоциональной независимостью. Обладают подвижной нервной системой, отличаются эмоциональной устойчивостью, умением хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Они открыты, общительны, проявляют экспрессию, активны в установлении новых социальных контактов, адекватно переносят стрессовые воздействия.

От 17 до 26 % слушателей, имеющих экстравертированный тип нервной системы, можно отнести к группе, требующей внимания со стороны психологов и воспитателей института. Они социально незрелые, имеют завышенную самооценку и высокие показатели вербальной и физической агрессии и акцентуированные показатели темперамента и характера, проявляющегося по гипертимному и демонстративному типу. Для них характерно поведение, связанное с нарушением дисциплины, конфликты, употребление спиртных напитков. Необходимый психологический и социальный контроль за данной диагностической группой слушателей должен осуществляться с особым соблюдением нравственных и морально-этических норм, так как эти слушатели эмоционально реагируют на любое педагогическое воздействие. Необходимо регулировать эмоционально подвижную психику слушателей этой группы, переводя их энергию в социально полезную плоскость, через усиление спортивной и досуговой работы во внеучебное время.

¹ Панченков Е.Ю., Панченкова Н.В. Мотивационная сфера личности сотрудников правоохранительных органов: монография. Хабаровск: ДВИПК ФСКН России, 2009. С. 35.

При тестировании слушателей, обучающихся на курсах профессиональной переподготовки в 2010-2011 гг., наметилась тенденция роста показателей ригидности и некомформности (тест ИТО). Изучение индивидуального стиля когнитивной деятельности в сравнительном анализе с данными типологического опросника позволило обнаружить следующие закономерности: социально активные коммуникабельные экстраверты отличаются преобладанием правополушарных характеристик – освоение новой информации дается им легче через разговорное общение.

Среди них эмоционально лабильные и тревожные личности с компромиссным стилем социального поведения отличаются художественным, наглядно-образным типом восприятия, склонностью к ориентации на цельно-чувственные образы, что способствует формированию (в профессиональном плане) тяги к таким видам деятельности, где человек оказывается эмоционально вовлеченным в контакты с окружением, может перевоплощаться в разные социальные роли и быть в центре внимания окружающих, а также проявлять свои художественные наклонности. Спонтанные, склонные к лидированию, неконформные личности, отличающиеся такой же целостностью восприятия при усвоении новой информации, больше ориентированы на собственную интуицию. Их знание или понимание проблемы может опережать опыт. В процессе принятия решений они руководствуются догадкой, предвосхищением и способны на основании минимальной информации выстроить целое, пренебрегая детальной проработкой изучаемого материала.

Уровень интеллекта слушателей среднестатистически не снизился, однако отмечается тенденция снижения количества слушателей, имеющих средние показатели интеллекта, при увеличении высоких и низких показателей. Опыт показывает, что большая часть сотрудников, имеющих крайние показатели интеллекта, по разным причинам, но достаточно быстро покидают правоохранительную службу.

Отмечается устойчивая тенденция снижения мотивации слушателей профессиональной переподготовки к учебе, невысокий культурный уровень, нарушения служебной дисциплины, проявляющиеся в пропуске занятий, употреблении алкоголя и др.

Проблемный вопрос – *как учить?*

Преподаватели, читающие дисциплину «Юридическая психология», сталкиваются с проблемой усвоения учебной информации. *От 30 до 33 % слушателей имеют средние показатели интеллекта.* Потенциально они останутся в правоохранительной системе в среднем от 3 до 5 лет. Именно на них должно быть ориентировано преподавание. Уровень усвоения информации данной категории слушателей – второй, практическое применение знаний по стандартной, аналогичной усвоенной ситуации – «запомнил и воспроизвел в стандартной ситуации».

Обучающийся самостоятельно воспроизводит и применяет информацию в ранее рассмотренных типовых ситуациях, при этом его деятельность является репродуктивной. Любая креативность и нестандартность учебного задания дестабилизирует. Простой пример: поголовное неумение писать лекции, большинство ждет диктовки преподавателя, нацеленного так же на 2-й уровень усвоения – воспроизведение. «Я дал информацию, теперь ты ее повтори, воспроизведи с точностью».

Изучение дисциплины «Юридическая психология» для оперативных сотрудников курсов профессиональной переподготовки *строится на специфичном материале*, который имеет конфиденциальную основу и гриф секретности. При этом у слушателей *отсутствует необходимый профессиональный опыт* правоохранительной деятельности, а также нет психологических знаний, которые можно перенести на профессиональную деятельность. Кроме того, *отсутствует в необходимом количестве и специальная литература* по практическим разделам

психологии оперативно-розыскной деятельности. Конечно, можно было бы изучать предмет, пользуясь учебниками «Юридическая психология», но в них конкретные правоприменительные действия описаны не столько в психологическом, сколько в юридическом ключе. А главное, отсутствует информация, относящаяся к прикладным разделам психологии. Тем не менее, непрофессионалы по учебникам «Юридическая психология» любого издания гораздо эффективнее могут усвоить психологические аспекты деятельности сотрудников правоохранительной системы, чем по другой, чисто юридической литературе.

Занятия по дисциплине «Юридическая психология» на курсах профессиональной переподготовки сотрудников оперативных подразделений методически выстраиваются с учетом следующих закономерностей:

1. *Системное программирование обучения.* Управление процессом осуществляется по принципу «белого (прозрачного) ящика». Система познавательных действий программируется и рационально строится от начала и до конца. Весь процесс умственных действий обучаемого виден шаг за шагом (и управляется, начиная от принятия обучаемым учебной задачи и заканчивая выходом продукта усвоения – знаний, умений, навыков)¹.

Программируется цель обучения, и в соответствии с ней программируется и последовательный ряд действий, контролируемых и управляемых преподавателем, которые в конечном счете воплощаются в результат, т.е. в знание, умение и навык обучаемого. Цель обучения на курсах – сформировать у сотрудника алгоритм новой профессиональной деятельности на уже имеющейся основе знаний и умений обучающего. При этом цель обучения совпадает с целью действия.

Уровень усвоения знаний в системе профессионального обучения слушателей предполагает достижение 2–3-го уровня усвоения учебной информации. Слушатель должен повторить полученные знания и осознанно применить закрепленные навыки в стандартных ситуациях профессиональной деятельности.

2. Основное направление – интенсификация обучения с опорой на *интерактивные методы и мультимедийные технологии обучения.* Например, на практическом занятии преподавателем организуется решение практических ситуаций с опорой на мультимедийное сопровождение, а также использование элементов ролевой игры (слушатели работают в игровых тройках, готовят практические ситуации, запись на видео, разбор ситуации), демонстрации и обсуждения подборки видеоматериалов из популярных кинофильмов в целях закрепления и углубления знаний по ранее изученному материалу.

3. *Методическая разработанность дисциплины «Юридическая психология»* и ее наполнение дидактическими и раздаточными материалами.

4. *Методы интерактивного (коммуникативного) обучения.* Решая предложенные учебные задачи, слушатель курсов профессиональной переподготовки будет мысленно переносить себя в условия профессиональной деятельности. Такая ролевая метаморфоза нужна потому, что юридическую психологию сотрудникам приходится изучать при отсутствии профессионального опыта, главным образом по учебной и специальной юридической литературе, адресованной оперативным сотрудникам подразделений органов наркоконтроля, где описываются различные виды профессиональной деятельности (проведение оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий). Сотруднику нужно образно представить конкретную деятельность по ее описанию (мотивы, цели, средства и способы действий, желаемый или реально достигаемый конечный результат деятельности) и принять решение, основываясь на психологических рекомендациях,

¹ Бадмаев Б.Ц. Методика преподавания психологии: учеб.-метод. пособие для преподавателей и аспирантов вузов. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 52.

конкретно разработанных в системе профессиональных действий (опрос, наведение справок, оперативное внедрение и т.д.).

«Как бы я поступил в конкретной ситуации?»; «Что с точки зрения тактики опроса целесообразнее: согласиться с ответом опрашиваемого или использовать проверочные мероприятия, приемы детекции лжи, выведывания?»; «Почему конфидент не дает нужной информации, хотя явно осведомлен в вопросах, которые освещает? Не хочет? Не уверен? Боится кого-то или чего-то?». Разбираясь в различных правовых ситуациях и поведении участников действий в этих ситуациях, слушатель ищет ответы на возникающие проблемы и с точки зрения законов психологии, и исходя из закономерностей оперативно-розыскной тактики.

Проблемный вопрос «*Как учить?*» необходимо соотносить с вопросом «*Кто учит?*».

Преподаватели-практики, как правило, знают, «что нужно и как надо делать», но методикой преподавания часто не владеют, научных степеней и званий не имеют и не стремятся их получить. Формирование представлений о практической правоохранительной деятельности у преподавателей, имеющих педагогический и теоретический опыт, является определенной проблемой. Поэтому в системе профессиональной переподготовки и повышения квалификации предпочтение будет отдаваться профессионалам, которые в процессе своего становления как педагога будут самостоятельно осваивать педагогику высшего образования, повышая свою профессиональную компетенцию.

Можно констатировать, что в современных условиях деятельности правоохранительных органов психологическая компетентность специалистов все в большей мере приобретает значение профессионально важного качества. Владение системой теоретических и прикладных психологических знаний, умение их реализовать на практике – один из факторов оптимизации и повышения эффективности профессиональной деятельности в учебных заведениях ФСКН России. Внедрение эффективных методов обучения психологии в систему подготовки сотрудников правоохранительных органов представляет собой закономерный процесс совершенствования всей правоохранительной деятельности.

Литература

1. Бадмаев Б.Ц. Методика преподавания психологии: Учебно-методическое пособие для преподавателей и аспирантов вузов. М.: ВЛАДОС, 1999.
2. Панченков Е.Ю., Панченкова Н.В. Мотивационная сфера личности сотрудников правоохранительных органов: Монография. Хабаровск: ДВИПК ФСКН России, 2009.

Психопрактические аспекты личностно-профессиональной модели педагога высшей школы

*Т.Х. Невструева, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения
доктор психологических наук*

Новые тенденции в современном отечественном образовании включают ориентированность на дистанционные и консультативные виды обучения, рост часов самостоятельной работы, тестовый промежуточный и экзаменационный контроль. С одной стороны, это ведет к увеличению собственно методических аспектов образовательного процесса и к уменьшению личностного «вклада» педагога в студента. С другой стороны, активно внедряемые модели компетенций вклю-

чают, кроме собственно профессиональных блоков, психологические компетенции, в том числе ценностно-смысловые, духовно-нравственные и т.д. Эти составляющие образовательного процесса подразумевают включенность самого педагога не только в образовательный, но и воспитательный процесс. Вопрос о том, является ли педагог личностной, методической, технологической составляющей образовательного процесса, остается, на наш взгляд, открытым и позволяет вернуться к обсуждению проблемы «психология в педагогике».

Сегодня эта проблема получила новый ракурс, что связано с тенденциями активного включения технологий психологической практики в педагогический процесс. Взаимосвязанность внешних и внутренних процессов включения, адаптации и развития психологических знаний в педагогике определяет поиск *соответствий* психологических и педагогических теорий и практик в методологическом, теоретическом и технологическом пространстве интеграционных процессов.

Несмотря на традиционность рассмотрения органической связи педагогики и психологии и обязательного цикла психологических дисциплин при подготовке педагогов, существует, по мнению Г. П. Щедровицкого, необходимость специального, подробного обсуждения реальных результатов линии на психологизацию педагогики, «оказала ли она существенное влияние на педагогическое искусство и на *предмет* и *структуру* педагогики как науки»¹.

Одним из конкретных аспектов исследования этой проблемы является анализ реализации функций психолога непосредственно в педагогическом процессе, углубленное изучение особенностей педагогической модели психологической практики.

Для выбора такого среза исследования существуют определенные основания. С одной стороны, они связаны с увеличением объема исследований, направленных на психологические аспекты педагогической деятельности. С другой стороны, достаточно четко просматривается *проблемная ситуация*, которую можно сформулировать как противоречие между манифестацией в этих исследованиях психологических обязанностей педагога и их реальными реализациями в профессиональной педагогической деятельности. Педагога представляют как психотерапевта, психотехника, в его профессиональную компетенцию включают владение психотехническими стратегиями коммуникации, психотехниками суггестивного влияния и даже психоанализом. В реестр его личностных качеств, обеспечивающих психологическую компоненту педагогического процесса, должны входить способности к эмпатии, идентификации, рефлексии и т.д.². В этой ситуации возрастает значимость исследований дифференцирующих функций педагога как психолога, что позволит создавать образовательные программы психологической подготовки педагогов, адекватные реальным ситуациям. В общей модели педагогического процесса, включающего психологические параметры деятельности и психолога, и педагога, необходимо более четко обозначить особенности психологической позиции педагога как субъекта педагогического процесса.

В современных исследованиях наблюдается тенденция к углубленному анализу онтологических и методологических оснований психотехнического подхода в решении широкого спектра проблем субъектной составляющей психического воздействия и взаимодействия в различных формах психологической практики (Л.С. Выготский, А.А. Пузырей, Ф.Е. Василюк и др.).

¹ Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С. 70.

² См., например: Лихачев Б. Экопсихотерапевтические аспекты воспитания // Педагогика. 1995. № 1. С. 40-44.

Возникает вопрос: включает ли семантическое пространство категории субъекта систему понятий, достаточно адекватных для общетеоретического анализа психотехнической составляющей мастерства педагога как психопрактика и для обоснования *личностных и профессиональных условий и механизмов включения психотехнических стратегий в педагогический процесс?*

Причем степень *возможности, необходимости* и (или) *допустимости* субъектности, механизмы ее развития и ее «технологическая» реализации являются той проблемной областью, вокруг и внутри которой перманентно обсуждаются психологические аспекты теоретических концепций и практических проектов обучения, воспитания и новых образовательных парадигм.

Проведенное пилотажное исследование в вузах г. Хабаровска позволило нам разработать модель психологической позиции педагога, выявить некоторые особенности психологических установок педагогов высшей школы.

Модель психологической позиции педагога включает внутреннюю структуру личностных и профессиональных качеств; систему установок и мотиваций на реализацию некоторого набора практических функций психолога, уровень профессионализма как психотехника; особенности содержания и организации его педагогической деятельности.

В основе психологической позиции лежит личностная и профессиональная активность педагога как субъекта педагогического процесса. Важно изучить, от каких факторов зависит активность психологической позиции педагога и какие критерии могут быть положены в основу ее измерения.

Первое, чем определяется уровень активности в реализации психопрактических функций педагога, – это характер его взаимодействия со студентами в зависимости от педагогических задач. Здесь можно выделить два профессиональных и два личностных среза взаимоотношений в системе «педагог – студент».

1. Выполнение педагогом обучающих задач, связанных со *стандартным* набором необходимых знаний и профессиональных качеств. Сам педагог–«транслятор», студент–«приемник», соответственно используются технологии *информационной* модели взаимодействия в системе «педагог – студент».

2. Выполнение педагогом обучающих задач, связанных с *расширением профессионального самосознания* студента: развитие творчества, креативности; психологическая установка на активное взаимодействие, использование современных психотехнологий обучения, установки на изменения в мотивации студента; потребность педагога в психологических знаниях, в помощи профессионального психолога.

3. Психолого-педагогические задачи, связанные с *проблемами обучения* (адаптация студента к обучению, индивидуальные стили и стратегии учебной деятельности и др.). Здесь важна установка педагога на взаимодействие с психологом, диагностическую экспертизу, коррекционную работу.

4. Психолого-педагогические задачи, связанные с *проблемами жизни* студента, реализация которых связана с установкой педагога на взаимодействие с психологической службой в решении личностных проблем студента.

Критерием уровня профессиональной и личностной активности в реализации психолого-педагогических установок может выступать *степень влияния, воздействия* педагога на процесс учения и обучения.

В результате проведенного исследования мы выделили следующие критериальные параметры:

- степень выраженности *личностного* начала (от нивелировки личностных качеств, когда педагог представлен только функциональной, ролевой стороной, до субъективизма, пристрастности как *эмоционально* доминантного отношения к процессу обучения и обучающемуся). Исследование этого параметра включает

круг вопросов, связанных со *стандартом* педагогического поведения, с *индивидуальным стилем*, личностным образом профессии педагога, с ситуацией и контекстом взаимодействия;

- степень выраженности реализации *личностных стратегий действий* (воздействий, взаимовоздействий) в процессе обучения и помощи в решении личностных проблем студентов;

- степень включенности в процесс *взаимодействия* (от простых актов коммуникации до диалога) со студентами;

- степень познавательной активности, используемые когнитивные стратегии и индивидуальные стили педагогической деятельности;

- степень *влияния* (возможного, допустимого, необходимого), от персонализации личности педагога в обучаемом до профессиональных, функциональных, этических, психогигиенических ограничений.

Таким образом, психотехническая составляющая субъектных параметров педагогической практики может быть представлена на следующих уровнях: 1) личностные и профессиональные стили и стратегии педагогической деятельности; 2) владение психотехнологиями личностного и профессионального влияния; 3) включенность педагога в контакт, использование механизмов понимания, эмпатии, идентификации, рефлексии; 4) самореализация педагога как личности и профессионала.

Представленная модель личностной и профессиональной структуры деятельности педагога как психопрактика дает возможность диагностировать уровень личностной и профессиональной активности педагога как психопрактика; создавать варианты образовательных программ по психологии в зависимости от специфики профессиональной деятельности педагога; рекомендовать педагогу психотехнические стратегии влияния на процесс учения и обучения в зависимости от суммы личностных, профессиональных, образовательных, ситуативных факторов.

Литература

1. Лихачев Б. Экопсихотерапевтические аспекты воспитания // Педагогика. 1995. № 1. С. 40-44.
2. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993.

О содержании конкурентоспособности преподавателя в современных условиях

*А.Г. Липатников, заместитель начальника кафедры
Хабаровского пограничного института ФСБ России
доктор педагогических наук, доцент*

Сегодня уже никто не возражает против того, что современный педагог должен быть конкурентоспособным¹. В педагогике и психологии разработаны близкие к понятию «конкурентоспособность специалиста» категории «успешность», «эффективность», «продуктивность», «профессиональная компетентность», «способность». Особенность данного понятия зависит от его трактовки.

¹ Конкуренция – это (позднелат. concurrentia, от лат. concipio - сбегаясь, сталкиваясь) противодействие между соперниками (партнерами) за более выгодные условия деятельности и получение наивысшей выгоды.

Этот термин (понятие) можно рассмотреть как показатель качества, характеристика личности, интегративная способность, социально-ориентированная система качеств личности, сложное индивидуальное образование и т.д.

Сегодня имеется достаточное количество определений понятия «конкурентоспособность преподавателя», обобщив их, можно заметить, что они имеют два общих основания:

- 1) интегральную характеристику личности;
- 2) качество личности.

То есть конкурентоспособность преподавателя – это способность педагога обеспечить высокое качество подготовки будущих офицеров, отвечающее требованиям ведомства, в сравнении с другими аналогичными педагогами.

Иными словами, сущностной характеристикой *конкурентоспособности преподавателя* высшей школы следует считать:

- во-первых, способность преподавателя выступать субъектом своей профессионально-педагогической деятельности, самостоятельно ставить адекватные цели и достигать их, оценивая при этом результаты;
- во-вторых, это результат формирования совокупности ключевых компетенций личности, составляющих профессионально-личностную основу деятельности и профессиональную компетентность преподавателя.

Следовательно, в структуру конкурентоспособности преподавателя входят следующие компоненты:

- субъектный – степень осознания преподавателем себя субъектом своей профессионально-педагогической деятельности;
- профессионально-деятельностный – степень реализации содержания образовательного процесса;
- социальный – признание и оценка социумом преподавателя;
- инновационный – степень восприимчивости преподавателя к новациям¹.

Тогда возникает вопрос: «Как измерить уровень конкурентоспособности преподавателя»? На основании изучения нормативно-правовых документов, диссертационных исследований и опыта педагогической деятельности автор предложил некоторые критерии измерения этого феномена. Понятно, что они не являются абсолютом, тем не менее, они выдержали проверку в образовательной практике ряда вузов.

Первый критерий – это профессиональная компетентность преподавателя вуза как совокупность знаний, умений и навыков, которые являются одной из важнейших характеристик его деятельности, и интегральные качества личности, и в то же время как результат и как важнейшее условие эффективности профессионально-педагогической деятельности.

Профессиональную компетентность преподавателя можно измерить следующими *показателями*:

- а) профессиональные знания, которые включают знания предметной области и психолого-педагогические знания;
- б) уровень коммуникативной культуры;
- в) стремление к профессиональному росту;
- г) способность к рефлексии.

Важной составляющей в деятельности преподавателя вуза являются его знания, умения и навыки, представляющие собой основу для познавательной деятельности по приобретению новых знаний, которые выдвигают его на уровень конкурентоспособного.

¹ Шаймакова Ж.Б. Роль инновационной компетентности в развитии конкурентоспособности преподавателя высшей школы: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2009.

Второй критерий – научно-исследовательская деятельность. В идеале, в высшем учебном заведении каждый преподаватель – это ученый, как минимум, кандидат наук или магистр. Однако следует отметить, что подавляющее большинство преподавателей высшей школы ориентированы на преподавание, а не на исследовательскую деятельность. Поэтому сегодня ученая степень перестала быть индикатором принадлежности преподавателя к научному сообществу. Современная экономика и динамичное развитие науки и техники, благодаря скачку высоких технологий, требуют значительно большего количества специалистов высокого класса. Если раньше интеллектуальную элиту общества составляли специалисты с высшим образованием, то сейчас высшее образование становится уже некой социальной нормой, «выражающей средний общественно необходимый уровень подготовки работника в информационном обществе, а место интеллектуальной элиты занимают люди с еще более высоким уровнем подготовки – сверхобразование, имеющие ученую степень»¹. Следовательно, результатом научной деятельности являются не только новые знания, но и навыки аналитической работы, рациональный стиль мышления в принятии решений, коммуникативные навыки и личностные качества, обеспечивающие продуктивную работу в коллективе.

Третий критерий – оценка работы преподавателей обучающимися. Сегодня эта идея натолкнулась на жесткое неприятие большинства преподавателей. Несогласие по вопросу выставления оценок преподавателям объясняют тем, что обучающиеся не в состоянии оценить качество работы преподавателя. Это в целом отражает очень тревожную тенденцию взаимного отчуждения преподавателей от курсантов. Главным мотивом здесь следует считать нежелание большинства преподавателей подвергаться еще одной форме контроля, которая требует соблюдать хотя бы минимум профессиональной этики. Кроме того, современная система образования не мотивирует к тому, чтобы учить хорошо.

Существующее положение в педагогическом мире высшей школы – это отсутствие ответственности за конечный результат, что, в свою очередь, является следствием наличия у педагога «готовых к употреблению» психолого-педагогических и специально-научных профильных компонентов деятельности, которые несколько десятилетий назад можно было считать основой для его профессиональной деятельности.

Однако сегодня высшей школе нужен преподаватель, лично включенный в профессию, обладающий широким кругозором, несущий в себе привлекательный для обучающегося гуманистический потенциал образовательного процесса. Он должен уметь педагогически мыслить, выбирать такие действия, которые позволяют проявлять разумную требовательность и самостоятельность, понимание и терпимость. Он должен быть способен к сотрудничеству с обучающимися, уметь стать референтной для них личностью, неповторимой и нетипичной.

Важнейшая задача педагога – это способность всегда уважать и ценить другого человека, чужое мнение, проявлять чуткость и душевную открытость, готовность понять и принять нечто новое и непривычное. Если преподаватель не обладает духовной культурой, его не спасет никакая техника, ведь эмоции нельзя сыграть, их нужно пережить. Преподаватель не может творить путем усвоения технических приемов. Он не может быть артистичным благодаря знанию того, как это сделать, потому что это органический процесс. У педагогического артистизма должна быть *внутренняя основа в виде духовного богатства человека*, понимающего глубинное назначение своей профессии, ее высший смысл, свою миссию в этом. Только тогда можно говорить об истинном артистизме.

¹ Бедный А., Миронос Т., Серова Т. Продуктивность исследовательской работы аспирантов (научомерческие оценки) // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 20-36.

Следовательно, опыт людей, уже добившихся успеха, подтверждает важность способностей и их приоритет над знаниями. Особенно это актуально для тех, кто не имеет связей и не хочет полагаться на удачу. Обработать большие объемы данных нужно не для того, чтобы запомнить все. Это невозможно, тем более что сейчас информация меняется и устаревает гораздо быстрее, чем десять лет назад. Здесь реализуется принцип «дать голодному не рыбу, а удочку». Если мы обучаем курсанта быстрее обрабатывать данные, значит, он начинает быстрее мыслить и выделять существенную информацию. В наше время главное – это темп усвоения и активное мышление.

Практика показывает, что умение быстро читать, выделять существенную информацию и запоминать ее способствует быстрому мышлению. Привыкнув к увеличению скорости чтения, человек транслирует этот навык на другие области. Происходит так называемое тиражирование успешности. Понимание приходит с развитием способностей. Ценность педагогической деятельности заключается в том, что с развитием способностей человека у него открываются глаза на то, чего он может добиться. Для этого необходимо отойти от прежних стандартов.

Таким образом, результат подготовки будущих специалистов во многом зависит от качества преподавания и конкурентоспособности вузовских преподавателей, поскольку вузовская система образования, ориентируясь на качественное преподавание и качественную подготовку специалистов, должна соответствовать изменениям, происходящим в современном обществе.

Литература

1. Бедный А., Миронос Т., Серова Т. Продуктивность исследовательской работы аспирантов (наукометрические оценки) // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 20-36.
2. Шаймакова Ж.Б. Роль инновационной компетентности в развитии конкурентоспособности преподавателя высшей школы: Дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2009. 248 с.

Педагогическая оценка как средство развития мотивации учебной деятельности в высших учебных заведениях

*Е.Р. Чернобродов, доцент кафедры
Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат психологических наук*

Согласно исследованиям, мотивация учебной деятельности формируется уже на стадии поступления в вуз, при этом основными мотивами поступления являются: желание находиться в кругу студенческой молодежи, большое общественное значение профессии и широкая сфера ее применения, соответствие профессии интересам и склонностям, ее творческие возможности¹.

Важнейшим фактором успешного обучения в вузе являются характер учебной мотивации. Некоторые авторы прямолинейно делят мотивацию учебной деятельности на недостаточную и положительную, относя к последней познавательные, профессиональные и даже моральные мотивы. При более дифференцированном анализе мотивов учебной деятельности выделяют направленность на получение знаний, профессии, диплома.

Студенты (курсанты), нацеленные на получение знаний, характеризуются высокой активностью в учебной деятельности, целеустремленностью, сильной волей. Те же, кто мотивирован получением профессии, часто проявляют избира-

¹ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. С. 264.

тельность, деля дисциплины на нужные и не нужные для их профессионального становления, что может сказываться на академической успеваемости¹. Установка на получение диплома делает студента еще менее разборчивым в выборе средств на пути к цели – пропуски занятий, шпаргалки, штурмовщина и т.д.

Для определения путей развития учебной мотивации студентов (курсантов) необходимо учитывать следующие аспекты.

Факторы, влияющие на учебную мотивацию:

- 1) тип образовательной системы;
- 2) организация учебно-воспитательного процесса в данном образовательном учреждении;
- 3) индивидуальные особенности обучаемого;
- 4) личностные особенности преподавателя и система его отношений к учащимся и к педагогической деятельности;
- 5) специфика учебных предметов.

Источники учебной мотивации:

1. Мотивы, заложенные в самой учебной деятельности:

- стремление узнать новые факты, проникнуть в суть явлений и т.п.;
- мотивы, связанные с самим процессом учения: стремление проявить интеллектуальную активность, преодолеть трудности в овладении знаниями, умениями и навыками.

2. Мотивы, связанные с тем, что лежит за пределами самой учебной деятельности:

- широкие социальные мотивы (чувство долга, ответственности перед родителями, мотивы самоопределения и самосовершенствования) и узколичностные мотивы (стремление заслужить одобрение, получить хорошие оценки, желание быть первым среди товарищей (мотивация престижа);
- отрицательные мотивы – стремление избежать неприятностей.

Известно, что систематические низкие оценки и моральное осуждение неуспевающего студента формируют у него установку на невозможность справиться со сколько-нибудь трудной задачей, что приводит к неуспеху даже при наличии знаний и умений, необходимых для решения учебной или жизненной задачи².

Предметная оценка – это критерий качества учебной деятельности. Но для развития мотивации учебной деятельности этого недостаточно. Главным способом стимулирования познавательной активности студентов (курсантов) являются внимание, одобрение, поддержка, поощрение интереса к содержательной части изучаемой учебной дисциплины.

Мотивация к интеллектуальному и личностно-поведенческому развитию у студентов может быть внешней и внутренней. Под внешней мотивацией к учебно-воспитательной деятельности понимаются стимулы, побуждающие, направляющие и поддерживающие ее активность. Например, престиж выбранной специальности, харизматичность лектора, техническая оснащенность учебной аудитории и т.п., несомненно, привлекут внимание к тому или иному предмету. Качество знаний в большей степени все-таки зависит от внутренней мотивации. Именно внутренние мотивы учебной деятельности способствуют желанию не только усвоить требуемый минимум знаний, но и получить дополнительную информацию по от-

¹ Чернобродов Е.Р. Влияние мотивации к учебной деятельности на результаты учебы // Актуальные проблемы организации учебно-воспитательного процесса по новым государственным стандартам. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2002. С. 54-58.

² Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2009. С. 348.

дельным темам, заняться научными исследованиями, повысить собственный интеллектуальный уровень¹.

На наш взгляд, значимым стимулом в изменении мотивов учебной деятельности может стать введение новой системы оценки знаний студентов (курсантов). Задачу достичь полноты, достоверности и объективности в оценке знаний дает рейтинговая система оценки успеваемости, которая в последние годы довольно часто используется как в средних, так и в высших учебных заведениях. Приказ Минобрнауки России от 11 июля 2002 г. № 2654 «О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов» предоставил такую возможность.

Целью разрабатываемой рейтинговой системы вуза является комплексная оценка качества учебной работы студентов при освоении ими основных образовательных программ высшего профессионального образования. Оценка качества учебной работы студента в рейтинговой системе является кумулятивной (накопительной) и используется для управления образовательным процессом и решения других вопросов по усмотрению вуза.

Главные задачи рейтинговой системы заключаются в повышении мотивации студентов к освоению образовательных программ путем более высокой дифференциации оценки их учебной работы и повышении уровня организации образовательного процесса в вузе.

Разработанную вузом рейтинговую систему предполагается вводить во всем вузе по всем дисциплинам основных образовательных программ (на начальном этапе возможно введение рейтинговой системы по одной или нескольким основным образовательным программам). Разработанная вузом рейтинговая система формируется единой для всех задействованных в эксперименте кафедр и вводится одновременно на всех кафедрах, обеспечивающих основную образовательную программу.

Рейтинговая система стимулирует регулярную самостоятельную учебную работу студентов в семестре. С этой целью суммарная рейтинговая оценка по дисциплине складывается из рейтинговой оценки качества самостоятельной работы в семестре и рейтинговой оценки на промежуточной аттестации по дисциплине в семестре.

Рейтинговая система предусматривает поощрение студентов за хорошую работу в семестре проставлением «премиальных» баллов с возможностью получить семестровую оценку без сдачи экзаменов или зачетов. При этом Министерство образования России рекомендует ограничить проставление оценки без прохождения промежуточной аттестации баллом не выше «хорошо» и предусмотреть для получения оценки «отлично» обязательное прохождение промежуточной аттестации.

Есть мнение, что наиболее целесообразна разработка рейтинговой системы, учитывающей трудоемкость всех учебных дисциплин, через так называемые зачетные единицы. В этом случае успешность работы студента в семестре по каждой дисциплине оценивается одинаковой максимальной суммой баллов (например, 100 баллов = «100%-ный успех»). Система зачетных единиц позволяет достаточно легко выводить кумулятивную рейтинговую оценку, в том числе и по дисциплинам, изучаемым в 2-3 семестрах и за все время обучения. Для каждого студента возможен расчет суммарного количества баллов и определение места, которое занимает студент в группе, на курсе, в вузе.

Шкала оценок по отдельным модулям, блокам, разделам и т.д. каждой учебной дисциплины разрабатывается соответствующей кафедрой и сообщается сту-

¹ Немов Р.С. Психология. Кн. 2. М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995. С. 383.

дентам в начале каждого семестра. Возможно использование варианта системы, в котором из 100 баллов по дисциплине до 60 баллов выставляется за текущую работу в семестре и от 20 до 40 – за экзамены и зачеты. При получении на промежуточной аттестации оценки ниже 20 баллов выставляется «неудовлетворительно» и требуется повторная сдача. Для получения допуска к экзамену или зачету студент должен в семестре набрать не меньше 40 баллов.

Для организации постоянного текущего контроля и управления учебным процессом в вузе все кафедры регулярно в течение семестра (3-4 раза на «контрольных» неделях) передают в деканаты (учебный отдел) сведения по рейтинговым оценкам студентов и заполняют соответствующую форму единой ведомости для текущего контроля и промежуточной аттестации, используемую в течение всего семестра.

Рейтинговая оценка, при необходимости, может быть переведена в традиционные оценки «зачет-незачет» или «отлично-хорошо, удовлетворительно-неудовлетворительно» путем использования соответствующей шкалы перевода. Рейтинговая система в вузе реализуется с применением автоматизированной компьютерной подсистемы, которая собирает и обрабатывает информацию.

Таким образом, гибкость, дифференцированность и комплексный характер – главные достоинства, которыми характеризуется рейтинговая система. При этом она может включать различные формы зачетов, экзамены, контрольные работы, тесты, поурочные и другие текущие поощрительные или штрафные баллы в качестве составляющих компонентов итоговой отметки учащегося (студента) по учебной дисциплине¹.

Педагогическая оценка учебной деятельности студента (курсанта) должна способствовать популяризации развития интеллектуальных способностей. При этом необходимость активации познавательной сферы у студенческой молодежи будет способствовать формированию определенной личностной ценности. Следует помнить, что мотивационные процессы зависят от образования намерений, силы волевых тенденций и условий для достижения результатов. Оценка познавательных способностей студента (курсанта) способна повлиять на мотивацию учебной деятельности и на уровень их профессиональной подготовки в целом.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
2. Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии. СПб.: Питер, 2006.
3. Немов Р.С. Психология. Кн. 2. М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995.
4. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2009.
5. Чернобродов Е.Р. Влияние мотивации к учебной деятельности на результаты учебы // Актуальные проблемы организации учебно-воспитательного процесса по новым государственным стандартам. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2002.

¹ Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии. СПб.: Питер, 2006.

Методы преподавания в вузах в современных условиях

*О.В. Стремиллова, доцент кафедры Дальневосточного государственного университета путей сообщения
кандидат социологических наук*

Изучая опыт использования в педагогической деятельности инновационных методов, можно выделить их преимущества: они помогают научить студентов активным способам получения новых знаний; дают возможность овладеть более высоким уровнем личной социальной активности; создают такие условия в обучении, при которых студенты не могут не научиться; стимулируют творческие способности студентов; помогают приблизить учебу к практике повседневной жизни; формируют не только знания, умения и навыки по предмету, но и активную жизненную позицию¹. В связи с этим особый интерес вызывают активные методы обучения, т.к. они способствуют эффективному усвоению знаний; формируют навыки практических исследований, позволяющие принимать профессиональные решения; помогают решать задачи перехода от простого накопления знаний к созданию механизмов самостоятельного поиска и навыков исследовательской деятельности; формируют ценностные ориентации личности; повышают познавательную активность; развивают творческие способности; создают дидактические и психологические условия, способствующие проявлению активности студентов.

Традиционная подготовка специалистов, ориентированная на формирование знаний, умений и навыков в предметной области, все больше отстает от современных требований. Основой образования должны стать не столько учебные дисциплины, сколько способы мышления и деятельности. Необходимо не только выпустить специалиста, получившего подготовку высокого уровня, но и включить его уже на стадии обучения в разработку новых технологий, адаптировать к условиям конкретной производственной среды, сделать его проводником новых решений, успешно выполняющим функции менеджера.

Изменяющаяся социально-экономическая ситуация в современной России обусловила необходимость модернизации образования, переосмысления теоретических подходов и накопившейся практики работы учебных заведений.

Для успешного усвоения материала изучаемой дисциплины необходимо, наряду с традиционными методами обучения, использовать также и нетрадиционные методы, которые способствуют активизации мыслительного процесса, с одной стороны, и доступности материалов дисциплины обучения и возможности получения консультации у преподавателя, с другой стороны. Современное развитие компьютерной техники и новых компьютерных технологий, в том числе Интернета, обуславливают широкое их применение в процессе обучения².

1. В последние годы разработано большое количество компьютерных пакетов для проведения различного рода тестов. Данные пакеты являются шагом вперед в технологии обучения и контроля. Однако простое использование тестов приводит к быстрой утомляемости студентов и ослаблению интереса к таким пакетам. Более интересны пакеты, в которых тестирование обучаемых проходит в игровой форме.

2. Использование личных сайтов преподавателей, где размещаются методические материалы, содержание лабораторных, практических и контрольных ра-

¹ Сорокин Н.Д. Об инновационных методах в преподавании социологических курсов // СоцИс. 2005. № 8. С. 120-125.

² Там же.

бот. Эта методика наиболее актуальна для студентов, получающих высшее образование без отрыва от производства, а также в филиалах вузов. Такие студенты в основном проживают в некотором удалении от места расположения вузов и не имеют возможности полного общения с преподавателями. Консультации могут быть успешно заменены виртуальными с помощью Интернета. Виртуальное общение студента и преподавателя может быть, во-первых, в режиме off line (с помощью электронной почты и гостевой книги); во-вторых, в режиме on line (с помощью общения в чатах); в-третьих, это может быть комбинированный способ.

При первом способе студент должен максимально подробно ставить вопрос, а если возможно, то и приводить различные варианты ответа с тем, чтобы преподаватель затрачивал минимальное время на оформление своего ответа. Это не составляет труда, так как сейчас многие студенты оформляют контрольные работы на компьютере, поэтому могут без дополнительных затрат вырезать из контрольной работы соответствующие фрагменты и отправить преподавателю либо в самом письме, либо оформить отдельным файлом как вложение.

Второй способ – общение через чат сайта преподавателя в согласованное время (например, один из авторов согласовал со своими студентами время работы в чате по субботам с 11.15 до 12.00). Преимущества этого способа заключаются в возможности постановки дополнительных вопросов и получении ответа на них непосредственно во время беседы. Недостатком является затруднительная передача большой графической информации. Поэтому на практике наибольшее распространение получил третий – комбинированный способ, когда беседа проводится в чате, а при необходимости передачи большого объема графической информации используется электронная почта. Скорость передачи электронного письма с вложенным графическим файлом является высокой, и время передачи сопоставимо с реальным масштабом времени.

3. Использование приложения Skype, с помощью которого можно организовать видеосвязь не только с одним студентом, но и с несколькими сразу. Несомненным преимуществом видеосвязи является возможность визуального просмотра преподавателем разработанного студентом графического материала, а также таблиц и рукописного материала.

Мы уверены, что с каждым годом все более широкое применение будут находить интернет-технологии при работе со студентами и в первую очередь со студентами, обучающимися с отрывом от вуза.

Литература

1. Преподавание в сети Интернет: Учебное пособие / Отв. ред. В.И. Солдаткин. М.: Высшая школа, 2003. 792 с.
2. Сорокин Н.Д. Об инновационных методах в преподавании социологических курсов // СоцИс. 2005. № 8. С.120-125.

Психолого-педагогические аспекты усвоения обучающимися «объективизированного» опыта на семинаре

*Г.З. Арутюнова, доцент кафедры Хабаровского
пограничного института ФСБ России
кандидат педагогических наук, доцент*

Педагогический процесс предполагает наличие людей (педагогов), которые знают, под влиянием каких факторов формируется личность, знают особенности развивающейся личности. Создавая необходимые условия, учитывая обстоятельства организации деятельности воспитанника, педагоги оказывают прямое воздействие на личность воспитуемого в целях развития необходимых качеств, свойств, знаний и т.д. То есть педагогический процесс – это процесс, всегда целенаправленный, организуемый и управляемый сознанием.

Из определения понятия педагогического процесса с полной очевидностью вытекает наличие в нем двух сторон. С одной стороны, педагог – человек, обладающий определенной системой научных знаний, умений, навыков и специальной педагогической подготовкой. С другой стороны, обучающийся (воспитанник), деятельность которого направлена на принятие (или непринятие, в зависимости от правильности и грамотности организации педагогического процесса) тех знаний, норм, ценностей, которые предлагает педагог.

Вычлняя, таким образом, из педагогического процесса две стороны, мы имеем в виду то, что они находятся в постоянной взаимосвязи, взаимной зависимости, взаимно обуславливают друг друга. Отсюда, деятельность обучающихся (воспитанников) определяется действиями педагога и протекает в соответствии с их возрастными и индивидуальными психическими и физиологическими особенностями (постоянно изменяющимися и развивающимися). Эти влияния взаимодополняют, взаимоисключают, компенсируют, корректируют друг друга. Результаты этих влияний проявляются в каждой отдельной личности, в постоянных ее изменениях внутреннего и внешнего порядка. В логике развития подобного двуединого процесса остановимся на анализе целенаправленного осознанного выбора усваиваемых элементов обучающимся при опосредованном руководстве преподавателя.

Рассмотрим усвоение объективизированного опыта.

Объективизация – выражение результатов субъективного опыта в виде, доступном для восприятия другими людьми.

Объективизированный опыт человечества – совокупность всех накопленных человечеством элементов духовной и материальной культуры, потенциально доступная для изучения индивидами.

Познание – процесс получения субъектом сведений, новых для доступного ему субъективизированного опыта. Познание и усвоение – две группы процессов, сходных по составу входящих в них действий (восприятие информации, анализ воспринятого, использование информации в своей активности), поэтому в психологии их объединяют под общим названием познавательные, или когнитивные, процессы.

Тем не менее, познание и усвоение различны по своим результатам и мотивам, активизирующим их возникновение:

- в познании – это стремление узнать и описать ранее неизвестное людям;
- в усвоении – узнать уже известное другим людям, чтобы иметь возможность наравне с другими участвовать в жизни общества.

Вместе же они образуют замкнутый цикл, в котором каждый индивид имеет возможность развиваться. Выделяют следующие виды усвоения объективизиро-

ванного опыта: латентное, спонтанное, самостоятельное, управляемое. В рамках первых двух видов происходит подражание, научение, общение. Исходя из стратегической цели образования личности, обучение, воспитание и развитие относят к управляемому виду усвоения объективизированного опыта.

Видится целесообразным принять строгие определения понятий, на которых базируется категория «объективизированный опыт».

1. Усвоение – процесс воспроизведения индивидом исторически сформированных, общественно выработанных способностей, способов поведения, знаний, умений, навыков (ЗУН), процесс их превращения в формы индивидуальной субъективной деятельности (точнее – активности). После усвоения индивидом объективные сведения превращаются в субъективные ЗУН, убеждения конкретного человека.

2. Освоение – синоним термина «усвоение», применяемый в том случае, когда речь идет об усвоении манипулятивных, или деятельностных, элементов.

3. Научение – формирование новых операционных навыков под влиянием многократного выполнения осваиваемых операций в процессе тренировки или под влиянием повторения ситуаций, требующих их выполнения.

Как видим, самостоятельное усвоение – целенаправленное усвоение избранных самим субъектом элементов объективизированного опыта человечества. (Нельзя путать самостоятельное усвоение с самостоятельной работой в обучении, осуществляемой по заданию преподавателя или по учебным пособиям в соответствии с программой учебной дисциплины).

Отметим, целенаправленное усвоение элементов объективизированного опыта человечества наиболее результативно на семинаре. Разнообразие подходов к подготовке и проведению семинара характеризуется рассмотрением семинара и как *формы* обучения, и как *вида* учебного занятия, и как *средства* развития у обучаемых культуры научного мышления. Кроме того, в педагогике высшей школы существуют подходы к определению и *типов* семинарских занятий (не путать с типом обучения¹). В то же время нет нужды противопоставлять подходы, т.к. в содержательном аспекте они перетекают друг в друга и характеризуются в целом типом организации деятельности курсантов на семинарском занятии. Отметим лишь, что понятие формы используется по отношению к обучению в двух вариантах: как форма обучения и как форма организации обучения. В основу разделения общих форм обучения положены характеристики особенностей коммуникативного взаимодействия между преподавателем и обучаемым, а также между самими обучающимися. В нашем случае семинар, как форма обучения, обеспечивает создание обучающимися личных образовательных продуктов.

В связи с этим на организационном этапе последовательные действия преподавателя (субъекта обучающей деятельности) включают в себя:

- оргмомент (согласно плану);
- введение в тему семинара;
- обозначение актуальности темы в разрезе изучения курса (раздела);
- озвучивание учебных целей, дидактических задач;
- объявление учебных вопросов и учебных проблем по каждому вопросу;
- определение формы деятельности (индивидуальные и/или групповые), информирование о регламенте выступлений;
- раздача бланков индивидуальных заданий (если это предусмотрено планом проведения занятия);

¹ Тип обучения – педагогическая категория, указывающая на имеющиеся общие характеристики, которые позволяют выделить его в самостоятельный подход к учебно-воспитательному процессу.

- информирование о наличии внешних атрибутов занятия (наглядный материал, выставка литературы, необходимое оборудование);

- информирование о системе оценивания для стимуляции учебно-познавательной мотивации;

- проведение инструктажа.

На организационном этапе действия обучающегося (субъекта учебной деятельности) включают в себя:

- восприятие и осознание цели семинара;

- уточнение, осознание и принятие учебной проблемы;

- постановка вопросов преподавателю;

- выполнение индивидуального задания с соблюдением регламента.

На основном этапе последовательные действия преподавателя (субъекта обучающей деятельности) включают в себя:

- актуализация знаний лекционного материала с логическим переходом к обсуждению учебных вопросов;

- озвучивание учебных проблем, вытекающих из содержания учебного вопроса;

- вопросы обучающимся;

- выделение главного с демонстрацией связи теории с практикой;

- реализация вариативности методов и приемов активизации учебной деятельности;

- развитие личностно-профессиональных качеств через рассуждения вслух;

- учет изменений работоспособности обучаемых в зависимости от кризисов внимания;

- стимулирование обучаемых на исследовательскую деятельность;

- коррекция доказательства решения учебной проблемы;

- обобщение и анализ ответов и выступлений;

- предвосхищение некоторых очередных шагов;

- управление процессом усвоения знаний;

- контроль за учебной деятельностью.

На основном этапе действия обучающегося (субъекта учебной деятельности) включают в себя:

- воспроизведение изученного материала с использованием дополнительных источников;

- использование (по необходимости) наглядного материала;

- высказывание и объяснение варианта возможных решений учебной проблемы;

- нахождение способов решения учебной проблемы;

- дополнение и/или уточнение ответов других обучающихся;

- выступление с докладом или защита реферата;

- выслушивание мнения преподавателя, постановка вопросов.

На заключительном этапе последовательные действия преподавателя (субъекта обучающей деятельности) включают в себя:

- систематизация, обобщение ключевых категорий учебных вопросов;

- анализ процесса, поведения и активности обучаемых в ходе индивидуальных выступлений;

- акцентирование внимания на ошибках и правильных решениях;

- выявление степени участия каждого в обсуждении, оценка деятельности конкретного обучающегося;

- проведение мониторинга качественных изменений в структуре учебно-познавательной мотивации;

- ответы на вопросы;

- извещение о следующей теме с рекомендуемым списком литературы;

- завершение занятия (оргмомент).

На заключительном этапе действия обучающегося (субъекта учебной деятельности) включают в себя:

- участие в формулировке выводов;
- фиксация обобщенного и систематизированного в тетрадах;
- учет мнения преподавателя;
- фиксация общих выводов в тетради.

Представляется, что специально организованные условия актуализируют отдельные ситуативные побуждения, которые при систематической активизации постепенно упрочиваются и переходят в более устойчивые мотивационные образования. Это предполагает стимулирование учебной деятельности. Иными словами, это методическое выражение структуры обучения на семинаре, выраженное в форме этапов деятельности, позволяющих использовать их в качестве регулятивных норм.

Педагог, таким образом, включается в единую (по отношению к воспитаннику) систему образования, развития и формирования личности. Подобная целостность наблюдается в сути педагогического процесса, где компоненты (педагог, воспитанник, конкретные задачи, содержание, средства, формы, методы, деятельность, результаты) составляют внутреннее его единство.

Его образовательный эффект, на наш взгляд, характеризуется следующим:

1. С позиции реализации дидактических целей – это углубление, обобщение и систематизация знаний; контроль образовательных результатов.

2. С позиции выбора методов и характера деятельности на семинаре – это исследовательский поиск решения учебной проблемы, отличающийся повышенной активностью; это рефлексия, характеризующаяся проявлением организационных, деятельностных, личностных качеств обучаемых.

3. С позиции организации труда обучаемым – это самостоятельная исследовательско-аналитическая работа с учебной и дополнительной литературой и последующим активным обсуждением проблемы под руководством преподавателя.

Таким образом, обучение как процесс характеризуется совместной деятельностью преподавателя и обучаемых, имеющей своей целью развитие последних, формирование у них знаний, умений, навыков, т.е. общую ориентировочную основу конкретной деятельности. Преподаватель осуществляет деятельность, обозначаемую термином «преподавание», обучаемый включен в деятельность учения, в которой удовлетворяются его познавательные потребности.

Использование тренинга при обучении курсантов и слушателей в вузе системы МВД России

*Н.Ю. Галкина, доцент кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России
кандидат психологических наук*

Современная система образования в высшей школе претерпевает сегодня большие изменения. Научно-технический прогресс, смена приоритетов и социальных ценностей влияет на изменение характера и функций профессионального образования. При обучении дисциплинам социально-гуманитарного цикла в вузе МВД РФ компетенции, формируемые у курсантов и слушателей, должны отражать не только теоретические аспекты, но и большое количество необходимых будущему специалисту практических навыков и умений.

В связи с этим должен качественно измениться характер взаимодействия преподавателя и обучаемых. Обучаемый в большей степени становится субъектом процесса обучения, а педагог – его организатором, фасилитатором. Происходит переход от обучения фактическим знаниям к осмыслению событий, обретению навыков и применения в жизни того, что накоплено при обучении. Иными словами, акцент переносится с содержания обучения на процесс, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самого обучаемого. Это обуславливает необходимость обязательного использования активных и интерактивных форм и методов, благодаря которым происходит актуализация и эффективное усвоение знаний, включение в систему индивидуального опыта курсантов и слушателей. Активные методы помогают связать теоретические знания с практикой, способствуют развитию творческих способностей будущих специалистов, совершенствованию навыков самостоятельной работы, открывают пути для осуществления полноценной профессиональной карьеры¹.

Психологический тренинг является наиболее эффективным методом активного обучения, целью которого является прежде всего передача психологических знаний, а также развитие некоторых умений и навыков². Термин «тренинг» (от англ. train, training) имеет ряд значений: обучение, воспитание, тренировка, дрессировка. Подобная многозначность присуща и определениям тренинга, даваемым в научной литературе.

Ю.Н. Емельянов определял его как группу методов развития способностей к обучению и овладению любым сложным видом деятельности и как способ перепрограммирования имеющейся у человека модели управления поведением и деятельностью³. И.В. Вачков предлагает определить тренинг как многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации в целях гармонизации профессионального и личностного бытия человека⁴. Общей целью психологического тренинга является повышение компетентности в общении, что может быть конкретизировано в ряде задач: получение знаний; формирование умений, навыков; развитие установок, определяющих поведение в общении; развитие перцептивных способностей человека; коррекция и развитие системы отношений личности.

Идейно-теоретическими основами психологического тренинга стал широкий спектр разнообразных подходов теорий и концепций: бихевиоризм (Б. Скиннер, А. Бандура), гуманистическая психология (К. Роджерс, А. Маслоу), психоанализ (В. Беннис, Г. Шеппард и др.), гештальттерапия (Ф. Перлз), социодрама и психодрама (Дж. Морено), школа групповой динамики (К. Левин) и др. Приверженность к тому или иному теоретическому направлению определяет терминологию тренинга, а также технологии, методики и техники тренинговой практики.

Попыткой типологизации тренинговых подходов и технологий стала модель Ю.Н. Емельянова, который выделил три основные тренинговые технологии: 1) дрессура навыка; 2) осуществление личностных реконструкций и 3) работа по углублению и пониманию социальных ситуаций. Вслед за ним И.В. Вачков обозначает четыре парадигмы ведения тренинга: 1) дрессура; 2) репетиторство; 3) наставничество и 4) развитие субъектности. Эти парадигмы различаются прежде всего скоростью приобретения и угасания сформированных поведенческих паттернов, степенью ответственности тренера и клиентов за процесс и результат тренинга.

¹ Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. М.: Изд-во «Ось-89», 1999.

Е.В. Емельянова разделяет тренинг навыков, тренинг умений, социально-психологический тренинг и тренинг личностного роста¹. Ю.М. Жуков выделяет два процедурно-типологического подхода к тренингу, которые сложились вне рамок исторически сформировавшихся научных школ и сфер практической деятельности: 1) компетенциарный (фокусированный на компетенциях обучения) и 2) экспериентальный (основанный на опыте научения)².

Тренинг направлен на развитие необходимых знаний, умений, навыков человека, а также лучшее понимание себя и других. Такой метод обучения чаще всего применяют, если нужно не только, чтобы получить новую информацию, но и чтобы применить знания на практике.

Движение тренинга социальных и жизненных умений (social & life skills training) возникло в 1960-е гг. в США³. Такие тренинги применялись в целях психологической поддержки и для профессиональной подготовки учителей, консультантов, менеджеров. Под жизненными умениями понимались умения решать проблемы и принимать решения, общаться, быть настойчивым и уверенным в себе и многое другое.

При обучении дисциплинам социально-гуманитарного цикла тренинги можно широко применять как дополнительную форму обучения курсантов и слушателей профессиональным умениям и навыкам. Ведь в процессе увлекательного, активного сотворчества членов группы и педагога-тренера гораздо проще усвоить необходимый материал.

На тренинге применяются различные методы работы:

- кейс (проблемная ситуация, требующая ответа и нахождения решения),
- деловые игры (имитация профессиональной деятельности),
- ролевые игры (исполнение определенных ролей с целью проработки определенной ситуации),
- групповые дискуссии (совместное обсуждение и анализ проблемной ситуации),
- «мозговой штурм» (высказывание как можно большего числа идей по поводу проблемной ситуации и выбор лучшего)⁴.

Как представляется, назрела острая необходимость обязательного использования активных методов и, в частности, различных видов психологического тренинга в процессе подготовки курсантов, студентов, слушателей в вузе МВД РФ. Такую возможность предоставляет включение тренингов в план практических занятий по дисциплинам «Психология», «Юридическая психология», «Психология в деятельности сотрудников ОВД», «Психология общения». Безусловно, основой данных изменений является расширение компетенций преподавателя психологии и прежде всего развитие его стремления к созданию открытого образовательного пространства, способного обеспечить творческий, профессиональный и личностный рост каждого курсанта и слушателя.

Литература

1. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. М: Изд-во «Ось-89», 1999. 256 с.
2. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 166 с.

¹ Емельянова Е.В. Психологические проблемы современного подростка и их решение в тренинге. СПб.: Речь, 2008.

² Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003.

³ Зайцева Т.В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. СПб.: Речь, 2002.

⁴ Там же.

3. Емельянова Е.В. Психологические проблемы современного подростка и их решение в тренинге. СПб.: Речь, 2008. 336 с.
4. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003. 223 с.
5. Зайцева Т.В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. СПб.: Речь, 2002. 80 с.

Самостоятельная работа – неотъемлемая форма учебного процесса при изучении социологии

*Т.Г. Татицина, начальник кафедры
Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат социологических наук, доцент*

При преподавании курса социологии курсантам юридического института МВД РФ особое значение имеет достижение определенного баланса между научностью и доступностью излагаемого материала. С одной стороны, преподнесение его на высоком научно-профессиональном, педагогическом уровне может привести к утрате интереса к предмету со стороны обучаемых. С другой стороны, подмена последовательного изложения основных положений, методологии и современных достижений науки комплектом бытовых рецептов в наукообразном изложении, возможно, и выглядит интересной, с точки зрения учащихся, однако не дает фундаментальной подготовки в области социологии, на базе которой может и должен формироваться грамотный, творческий подход к профессиональной деятельности.

Круг проблем, изучаемых в курсе «Социология», определен Государственным образовательным стандартом. Он очень объемный, кроме того, приходится учитывать то обстоятельство, что изучают эту науку 2-м курсе. Поэтому, как показывает практика, восприятие курсантами учебного материала нередко затруднено не только недостатком теоретических знаний, но и социального опыта молодых людей. Курсантов в большей степени волнуют процессы в их собственном «микром мире», чем проблемы «большого» общества. Поэтому социологическое обучение мы строим на основе изучения тех закономерностей и социальных процессов, в которые они непосредственно вовлечены в своих микроколлективах (семья, учебная группа, круг друзей и т.д.). Другими словами, путь к познанию общества лежит у них через самопознание.

Специфику целей преподавателей курса «Социология» можно изложить в следующем виде:

- актуализация субъективной позиции обучаемого;
- общее развитие личности;
- ориентация на гражданскую, социальную, профессиональную активность.

Формирование исходной мотивации и интереса к социологии – основная задача преподавателя, начиная с первого учебного занятия. Этого можно достичь, опираясь на активную самостоятельную работу обучаемых.

Опора на исходную мотивацию и подбор соответствующих видов самостоятельной работы при постоянном сопровождении ее индивидуальной, консультативной работой преподавателей – вот то, что может дать реальный результат.

Вряд ли кто-нибудь будет возражать против того, что успешная подготовка специалистов, умеющих понимать, анализировать социальную реальность и процессы, протекающие в ней, невозможна без введения в учебный процесс активных форм обучения, где основной составляющей является самостоятельная работа

курсантов. Предлагаемая в данной статье методика, вернее ее фрагменты, прошла апробацию в течение нескольких лет.

Самостоятельная работа понимается нами как планируемая работа обучаемого, выполняемая по его инициативе или заданию и при научно-методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Основная цель ее – не только помочь курсантам усвоить содержание основных категорий, концепций социологической науки, но и понять реальный мир, в котором приходится жить современному человеку.

Накануне каждого семинарского занятия курсантам определяются задания, которые должен выполнять каждый. Индивидуальное задание призвано закрепить теоретический материал, изложенный преподавателем в лекциях либо полученный курсантами из учебной, научно-справочной или научно-монографической литературы. Некоторые задания направлены только на закрепление лекционного материала, а другие, выходящие за его рамки, требуют кропотливой самостоятельной работы с дополнительной литературой, а сейчас и Интернетом.

Очень важно, что преподаватель точно указывает источники либо ориентирует курсантов на то, какого рода литературой следует пользоваться для выполнения домашнего задания. Однако указание точных данных имеет не только плюсы, но и минусы, поскольку в домашней или институтской библиотеке именно этих источников может не оказаться. В таких случаях мы считаем целесообразным не сковывать инициативу курсантов в выборе предпочитаемых источников.

Мы исходим из того, что при использовании данной методики преподаватель должен не столько преподавать, сколько учить курсанта, в том числе поиску, отбору, построению, изложению материала, его иллюстрированию, использованию методов социологического исследования.

В связи с этим самостоятельную работу мы рассматриваем не как дополнительную к аудиторной форме обучения, а как содержание преподавательской деятельности вообще.

Так, при изучении темы 1 «Основные направления и этапы развития социологической мысли» определяется ряд заданий, одно из которых состоит в следующем. Курсантам предлагается познакомиться с описанием концепции идеального типа М. Вебера в научной, справочной или учебной литературе, тезисно зафиксировать основные положения этого учения и составить собственные примеры идеальных типов.

Результат самостоятельной работы одного из курсантов выглядит следующим образом: «Идеальный тип – это эталон, прообраз, прототип, нечто недействительное, а лишь возможное, причем возможное лишь логически. Эта система связей представляет собой утопию, построенную из реального образования замещением эмпирических зависимостей чисто логическими.

Российская деревня в глубинке и ее идеально типичные черты:

- немногочисленная группа людей преимущественно пожилого возраста;
- бедность;
- отсутствие интереса к событиям в стране;
- каждый знает все об остальных;
- радушие к гостям, даже незнакомым, отсутствие мотивации на выгоду».

В данном примере совершенно правильно подчеркивается, что веберовский инструмент познания – теоретическая конструкция, не существующая в реальности, но подмечающая в ней самые характерные черты, сущностные признаки. Идеальный тип указывает на то, каким должно быть явление, а не на то, каким оно есть в реальности.

Однако при понимании должного и возникает большинство искажений.

Чаще всего долженствование курсанты понимают в морально-этическом, а не в теоретико-методическом смысле. Именно это и становится предметом обсуждения на семинарском занятии.

Как ключевые, так сказать, «несущие конструкции» курса социологии, рассматриваются нами темы 3 «Общество и его структура» и тема 4 «Социальное неравенство – основа социальной стратификации».

Непросто объяснить молодому человеку, что такое «большое» общество, социальный институт, социальный процесс и т.д. Поэтому возникло такое задание для самостоятельной работы, как «социальная биография моей семьи». Для его выполнения курсантам приходится не только обратиться к учебнику истории, научно-публицистическим журналам, но и разговаривать с членами своей семьи: родителями, дедушками, бабушками, изучать семейные архивы. В результате такой самостоятельной работы появляются рассказы, презентации, в которых курсанты пытаются осмыслить «жизненный путь» своей семьи в связи с теми процессами и событиями, которые переживала наше общество. Для некоторых такое знание становится открытием, для некоторых оно перерастает в научно-исследовательскую работу. Но главное то, что еще недавно казавшееся совсем ненастоящим становится более ясным, доступным.

При выполнении задания «определить содержание понятий «маргинальная группа (личность)», «люмпенизированные группы (личности)» большинство курсантов ограничивается работой со справочной социологической литературой. Но немало среди обучаемых и тех, кто подбирает иллюстративный материал и даже берет интервью у представителей этих социальных групп, самостоятельно пытаюсь установить не только разницу в их социальном положении, но и в том, что привело людей к такому состоянию. Таким образом, у курсанта формируется вполне осмысленный взгляд на окружающую его действительность, на людей, о которых он, как нередко оказывалось, так мало или ничего не знал.

Это лишь малая толика той самостоятельной работы, которую выполняют курсанты. Однако каждый из них знает, что самостоятельная работа, в особенности та, в основе которой лежат творческий подход и личностная позиция, является важной составляющей при оценке знаний по итогам изучения социологии.

Следует особо подчеркнуть в связи с вышеизложенным специфику социологического знания, которое развивает воображение, способность отстраниться от рутины повседневной жизни, взглянуть на нее по-новому. Социологическое воображение в малом позволяет увидеть присутствие больших тенденций, а любой макроанализ оперативно и гармонично скорректировать до микроуровня.

По мнению польского социолога П. Штомпки, социологическое воображение – это способность распознавать и чувствовать взаимосвязь всего, что происходит в социальной жизни, со всеми структурными, культурными и историческими условиями и предпосылками, а также с действиями, предпринимаемыми субъектами, отражающими социум¹.

Отметим, что такой анализ курсант-исследователь выполняет чаще всего на основании виртуальных моделей тех явлений, которые нельзя потрогать, а иногда и увидеть, почувствовать, а поэтому приходится воображать, выстраивать умственные конструкции.

Без социологической подготовки и социологических знаний, без развитого социологического воображения заниматься управлением в современных условиях практически невозможно. Особенно важны социологические знания, социологи-

¹ Цит. по: Шафранов-Кудев Г.Ф. Социологическое знание в системе социально-гуманитарной подготовки студентов // СоцИс. 2010. № 5. С. 118.

ческая культура при проведении значительных политических, социальных реформ, таких, как реформа системы МВД России.

Выдающийся отечественный социолог П. Сорокин, показывая необходимость преподавания социологии, писал: «Благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствием, берущим начало в общественной жизни. Мы не умеем глупого сделать умным, преступника честным, лентяя трудолюбивым... Люди продолжают грызться друг с другом... Только тогда, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями»¹.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что ключевым направлением повышение качества социологического (и не только) образования должно стать совершенствование организации самостоятельной работы в сочетании с оптимальными формами учебной и научно-исследовательской работы.

Литература

1. Буланова М.Б. Новые информационные технологии в социологическом образовании // СоцИс. 2010. № 5. С. 133.
2. Воронцов А.В., Лукьянов В.Г. Об использовании информационных технологий в преподавании социологических дисциплин // СоцИс. 2011. № 6. С. 94.
3. Дюркгейм Э. Педагогика и социология. М.: Канон, 1995.
4. Силласте Г.Г. Социологическое образование в отраслевом вузе: опыт интеграции // Высшее образование в России. 2007. № 2. С. 45-46.
5. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.
6. Татидинова Т.Г. Практический семинар как средство формирования у слушателей ДВЮИ МВД России социологической культуры // Гуманитарные аспекты подготовки кадров для ОВД. Хабаровск, 2003. С. 89.
7. Шафранов-Кудев Г.Ф. Социологическое знание в системе социально-гуманитарной подготовки студентов // СоцИс. 2010. № 5. С. 118.

Самостоятельная работа курсантов военных вузов: актуальные проблемы

*О.А. Казакова, старший преподаватель
Хабаровского пограничного института ФСБ России
кандидат психологических наук, доцент*

Самостоятельная работа – это планируемая учебная и научная работа, выполняемая по заданию преподавателя под его методическим и научным руководством. Она всегда рассматривалась в качестве неотъемлемой составляющей образовательного процесса в высшем учебном заведении.

На сегодняшний день в психолого-педагогической науке возрос интерес к управляемой самостоятельной работе обучаемых, организации учебного процесса на всех ступенях профессионального образования. Управляемая самостоятельная работа – это учебно-познавательная или учебно-профессиональная деятельность курсантов, которая подразумевает процесс самостоятельного приобретения знаний, освоение навыков и умений, управляемая преподавателем опосредованно либо самим студентом.

¹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 19.

Проблема организации управляемой самостоятельной работы становится предметом серьезных научных исследований. В сфере внимания авторов оказались в первую очередь информационные технологии, возможности, заложенные в них для организации самостоятельной работы обучающихся: ролевые и компьютерные игры, аудиокниги, работа с периодическими интернет-изданиями, а также всевозможные руководства к интерпретации учебного материала, предназначенного для самостоятельного изучения¹.

Среди форм управляемой самостоятельной работы особое внимание следует уделить методу проектов, позволяющему интегрировать знания курсантов из разных областей при решении проблемы, применять знания на практике, генерируя новые идеи, которые затем получают отражение в докладах, рецензиях, отчетах, рефератах.

Обучение курсантов – это социально-педагогический процесс, обусловленный потребностями государства в хорошо подготовленных кадрах, подразделениях, способных успешно выполнять служебно-боевые задачи, управлять процессом, осуществлять контроль и оценку, самостоятельно принимать решения. Эти качества и формы деятельности могут быть сформированы только на основе развития общего для них фундамента – самостоятельности.

Содержание существующей учебно-методической документации должно быть перестроено в свете сегодняшнего дня, в частности, в вопросах воспитания самостоятельности как черты личности. Перед преподавателями встала новая обязанность – учить курсантов самостоятельной работе, начиная с первого курса, первой лекции, первого семинара. Учить тому, как слушать лекцию, осмысливать ее материал, готовиться к семинарским и практическим занятиям, работать с учебной литературой, техникой, применять знания на практике, контролировать и оценивать ход и результаты своей работы и, наконец, вырабатывать самостоятельность как черту личности.

В воспитании самостоятельности курсантов важную роль играют такие методы обучения, как проблемное, решение познавательных и практических задач и ситуаций, дискуссии, деловые игры, которые ставят курсантов в условия самостоятельности, заставляют мыслить, искать ответы эмпирически.

Нельзя рассматривать обучение как простой процесс передачи знаний от преподавателя к курсанту без учета мыслительной деятельности самого курсанта. Познание без активности невозможно. Смещение традиционной центрации в образовании с личности преподавателя на личность обучаемого повлекло за собой вытеснение субъект-объектного авторитарного типа педагогического воздействия субъект-субъектным типом сотрудничества и определило приоритетность рассмотрения этой проблемы с позиции обучаемого².

В настоящее время основной целью высшего образования является создание соответствующих условий саморазвития, культурного самоопределения личности обучаемого, способного самостоятельно приобретать знания и быстро приспосабливаться к новым сферам деятельности. Для продуктивной самостоятельной работы курсанту необходимо развивать умение работать с книгой, конспектом, схемой и новыми информационными технологиями. Важно, чтобы вуз формировал не только определенную сумму знаний, но и учил курсантов делать самостоятельные выводы на базе этих знаний, прививал умения творческого мышления,

¹ Мирзоянова Л.Ф. Управляемая самостоятельная работа как средство проектирования кризиса учебно-профессионального развития студентов вуза // Психология обучения. 2008. № 2. С. 24-33.

² Коньшева А.В. Учет психологических особенностей студентов при управлении самостоятельной работой по иностранному языку // Психология обучения. 2008. № 2. С. 101-109.

умения самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в быстро растущем потоке информации. Самостоятельная учебная деятельность сегодня трактуется как важнейшее составное звено процесса обучения. Разработка ее психолого-дидактической основы повышает эффективность познавательной деятельности обучаемых.

Самостоятельная работа курсантов может быть как аудиторной, то есть выполняемой в ходе аудиторных занятий по расписанию, так и внеаудиторной. Она включает:

- подготовку к аудиторным занятиям и выполнение соответствующих заданий;
- выполнение самостоятельных заданий в лабораторных и теоретических практикумах, на семинарах и практических занятиях;
- работу над отдельными темами учебной дисциплины;
- выполнение контрольных и курсовых работ;
- прохождение практик и выполнение предусмотренных ими заданий;
- подготовку ко всем видам контрольных испытаний;
- подготовку к итоговой аттестации и выполнение квалификационной выпускной работы;
- участие в научной и научно-методической работе, в научных и научно-практических конференциях и семинарах.

Ориентация процесса обучения на повышение роли внеаудиторной самостоятельной работы потребует дополнительного времени для выполнения этих заданий. Проблема заключается в составлении графиков работы курсантов, предусматривающих всю их учебную нагрузку как в учебной аудитории, так и вне ее, в том числе консультации с преподавателями.

Профессорско-преподавательский состав осуществляет контроль на занятии, в часы самостоятельной подготовки к занятиям. Контроль должен способствовать выявлению недостатков и созданию механизмов их устранения, формированию обратной связи для выработки корректирующих действий. В качестве оценочных критериев, определяющих уровень самостоятельной работы, могут быть приняты:

- степень самостоятельности и творческой активности курсантов;
- характер действий курсантов при выполнении заданий;
- система самооценки и самоконтроля со стороны курсанта за ходом и результатами занятий;
- уровень планирования и руководства учебной и научной работой курсанта.

Обязательным условием организации самостоятельной работы является отчетность курсантов перед преподавателем о ее результатах. Формы контроля могут быть самые разные – устные или письменные, индивидуальные или групповые, выборочные или сплошные¹.

На начальном этапе обучения курсанты воспринимают процесс обучения часто как вынужденный, у части курсантов возникает протест против требования соблюдать установленный порядок и беспрекословно подчиняться начальникам, что порождает проблему внутреннего дискомфорта личности. Чем сильнее внешние требования, тем слабее становится внутренняя мотивация. В институте в учебно-воспитательном процессе наказания и принуждения используются чаще, чем методы стимулирования. Боязнь наказания способствует развитию мотива избегания неудач, который мешает достижению высоких результатов, проявлению активности и самостоятельности.

¹ Сенашенко В., Н.Жалнина Самостоятельная работа студентов: актуальные проблемы // Высшее образование в России. 2006. № 7. С.103-109.

Поскольку несформированность у курсантов психологической готовности к самостоятельной работе, неумение реализовать предполагаемые ею действия в процессе обучения свидетельствуют о том, что самостоятельной работе надо систематически и целенаправленно обучать для прочного усвоения курсантами учебного материала.

Таким образом, самостоятельная работа является в военном вузе нормативной категорией, поскольку характеризуется социальной (в смысле получения профессионального образования) учебной активностью самих курсантов. Иными словами, истинно самостоятельной работой можно считать не внешне организационные характеристики обучения, а проявление личной активности курсанта на основе своих собственных убеждений.

Литература

1. Конышева А.В. Учет психологических особенностей студентов при управлении самостоятельной работой по иностранному языку // Психология обучения. 2008. № 2. С. 101-109.
2. Мирзоянова Л.Ф. Управляемая самостоятельная работа как средство проектирования кризиса учебно-профессионального развития студентов вуза // Психология обучения. 2008. № 2. С. 24-33.
3. Сенашенко В., Н.Жалнина Самостоятельная работа студентов: актуальные проблемы // Высшее образование в России. 2006. № 7. С.103-109.

Роль самостоятельной работы студентов в образовательном пространстве вуза

*Ж.В. Бойко, доцент кафедры Дальневосточного
государственного университета путей сообщения
кандидат педагогических наук*

Самостоятельная работа студентов, роль которой сегодня усиливается, является главной составляющей образовательного процесса. Увеличение значимости самостоятельной работы влечет за собой пересмотр организации учебно-воспитательного процесса в вузе. Следовательно, самостоятельная работа студентов в образовательном пространстве вуза предполагает ориентацию на активные методы овладения знаниями, способствующие профессиональному становлению студентов, раскрытию их способностей. Методически верно организованная преподавателем самостоятельная работа позволит более точно рассчитать время на ее выполнение, усилить процессуальную (учебную) мотивацию студентов.

В различных педагогических концепциях развивается мысль о том, что преподаватель должен выступать защитником интересов студентов и создавать образовательное пространство, благотворно влияющее на процесс саморазвития обучающихся. Организуя условия для саморазвития студентов в образовательном пространстве вуза, преподаватель определяет и свое место, роль, поведение в этом пространстве. Педагогические условия, которые создаются преподавателем, должны способствовать активизации творческого, личностного, научного потенциала студентов в процессе образования. Условия определяют меру влияния образовательного пространства на профессиональное становление студентов. Пространство, которое окружает студента на протяжении всего учебного времени, оказывает формирующее действие в отношении приобретаемых им профессиональных компетенций.

В целях успешной организации самостоятельной работы нами было проанализировано понимание студентами ее сущности, значимости, знание ее видов. Респондентами в исследовании выступили студенты 3 курса очной формы обучения («Социально-культурный сервис и туризм») ДВГУПС¹.

Результаты анкетирования показали, что студенты (90 %) понимают самостоятельную работу как самостоятельные, без посторонней помощи, поиск и обработку информации. В основном такая работа, по мнению студентов, складывается из использования интернет-сайтов и чтения учебной литературы. Можно предположить, что студенты не до конца понимают суть самостоятельной работы и ее роль в становлении профессиональных умений и навыков, не осознают важности творческого подхода в самостоятельной работе, использования культурологических знаний, а также возможности совместной, групповой деятельности, которая позволяет реализовать свой потенциал, восполнить недостаток общения.

В анкетном опросе необходимо было указать известные студентам виды самостоятельной работы. В ходе анализа выяснилось, что 26,6 % респондентов затрудняются выделить какие-либо ее виды. Остальные студенты ограничились небольшим кругом наименований. Они назвали в первую очередь чтение различного рода литературы и интернет-сайтов – 33,3 %, ведение конспектов – 13,3 %, подготовку рефератов – 20 %, тестирование – 33,3 %. Единицы отнесли к самостоятельной работе выполнение курсовой работы, составление словаря и разработку кейсов. По итогам анкетирования обозначилось, что студенты в первую очередь отмечают те виды самостоятельной работы, которые доминируют в их учебной деятельности: чтение, составление и решение тестов. Самостоятельную работу студенты воспринимают лишь как повторение пройденного, самостоятельное усвоение не понятого на занятиях. Из опрошенных респондентов 10 % связывают самостоятельную работу с «занятием чем-либо личным в свободное от института время», а 13,3 % – затруднились объяснить суть понятия «самостоятельная работа».

В рамках учебного процесса важно качественно организовать самостоятельную работу студентов, то есть правильно сконструировать образовательное пространство их саморазвития. В этом ключе встает вопрос, как создать благоприятные условия для формирования у студентов умений логически мыслить, самостоятельно анализировать факты, формулировать выводы, обосновывать свои практические действия, а значит, и создать условия для адаптации к социальному пространству вуза? Практика показывает, что наши студенты не владеют в полной мере приемами самостоятельной работы с книгой, считают ее достаточно сложной и длительной по количеству затрачиваемого времени.

Однако чтение книг, тематических журналов является важным элементом самостоятельной работы студентов, который активизирует мыслительные способности, формирует навык сосредоточивать и удерживать внимание на читаемом материале. Книга дает возможность развивать мышление, уловить и пропустить через себя эмоциональный настрой, заложенный в текстах, включить свое воображение, переосмыслить нужную информацию.

В современной высшей школе существует множество других приемов, способов и методов, активизирующих познавательную деятельность студентов. Среди них, как пишет Н.В. Коробкова, достойное место занимает составление кроссвордов².

В процессе подготовки кроссворда студенту необходимо тщательно прорабатывать теоретический и практический материал, обращаться не только к лекци-

¹ Объем выборки N=30 человек.

² Коробкова Н.В. Кроссворд как форма рубежного контроля. Мценск, 2010.

ям и учебникам, но и к дополнительной и справочной литературе. В ходе такой работы студент, без сомнения, более глубоко усваивает уже полученные знания и приобретает дополнительную информацию, которая постепенно накапливается, формируя более высокий уровень знаний. Следовательно, активизируется познавательная деятельность, раскрывается творческий, научный потенциал студентов. Опыт использования такого вида работы показывает, что в основном студенты неформально подходят к выполнению данного задания, с удовольствием выделяя на него достаточно времени. Преимущества использования кроссвордов заключается в глубоком освоении учебного материала, расширении активного словарного запаса, в творческом потенциале, приобретении навыков точного формулирования вопросов, повышении интереса к дисциплине¹.

Используя уже известные формы и методы работы, преподаватель может приносить в них инновации, элементы творчества. В качестве инновационной формы можно использовать выпуск тематических журналов². Целесообразно данный вид работы проводить в конце изучаемого курса. Каждая творческая группа представит свою работу на итоговом занятии.

Примером для выполнения студентами такого задания могут являться тематические периодические издания, соответствующие изучаемой дисциплине.

В задачи творческой работы входит: подборка материала по заданной теме; написание статьи, очерка, эссе; редактирование материала; формирование содержания журнала; выбор названия журнала, оформление его обложки; защита работы на итоговом занятии, проводимом в форме пресс-конференции.

В процессе выполнения творческого задания студенты используют приобретенные культурологические знания, а также знания по информатике, математике, истории и другим наукам. В работах должен отразиться эстетический вкус, личная заинтересованность, индивидуальность. Надо сказать, что студенты с интересом подходят к такой форме самостоятельной работы, в процессе которой удовлетворяется также потребность в общении, познании. В каждой творческой группе избирается редактор, дизайнер. Остальные студенты выполняют функции журналистов, исследователей. В такой необычной практической деятельности будущие специалисты реализуют свои знания, умения, раскрывают свои способности.

Различные виды и приемы самостоятельной работы студентов являются дидактической базой не только для ее организации, направленной на овладение новыми знаниями, формирование практических умений и навыков, но и для развития у них творческих способностей, логического мышления, инновационной деятельности, что способствует профессиональному росту будущих специалистов. Таким образом, самостоятельная работа студента не должна выполнять вспомогательные функции доучивания, закрепления пройденного материала, но должна рассматриваться как отдельный вид учебной деятельности.

В учебно-воспитательном процессе, составляющем образовательное пространство вуза, важно использовать различные формы самостоятельной работы студентов, позволяющие мотивировать обучающихся на получение знаний, перевести студента из пассивного потребителя знаний в активного деятеля, творца, способного сформулировать проблему, проанализировать пути ее решения, доказать его правильность.

¹ Коробкова Н.В. Указ. соч.

² Бойко Ж.В. Становление ценностного отношения к профессиональной деятельности студентов технического вуза: метод. рекомендации. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009.

Литература

1. Бойко Ж.В. Становление ценностного отношения к профессиональной деятельности студентов технического вуза: Методические рекомендации. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. 47 с.
2. Казакова А.Г. Педагогика профессионального образования: Монография. М.: Экон-Информ, 2007.
3. Коробкова Н.В. Кроссворд как форма рубежного контроля. Мценск, 2010.

Противодействие экстремизму – важнейшая функция современного Российского государства

24 ноября 2011 г. в Дальневосточном юридическом институте МВД России состоялся «круглый стол», организованный кафедрой государственно-правовых дисциплин. В рамках работы «круглого стола» обсуждались следующие вопросы:

- экстремизм как социальное явление: понятие, причины возникновения, условия проявления;
- религиозный экстремизм в условиях многоконфессионального российского общества;
- механизм противодействия экстремизму в Российской Федерации: законодательное регулирование и правоприменительная практика.

В дискуссии приняли участие ученые, сотрудники правоохранительных органов и представители религиозных организаций. В состав экспертов входили: *Гусев Владимир Александрович* – заместитель начальника Дальневосточного юридического института (по научной работе), канд. юрид. наук, доцент; *Бабай Александр Николаевич* – начальник Дальневосточного института повышения квалификации ФСКН России, засл. юрист РФ, канд. юрид. наук, профессор; *Левит Кирилл Эдуардович* – руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю; *Кузнецов Хамза Хазрат* – муфтий по ДФО; *Кацман Вадим Алексеевич* – директор Хабаровской еврейской общины; *иерей Валерий Писаренко* – штатный клирик храма Святой преподобномученицы Великой княгини Елизаветы, преподаватель Хабаровской духовной семинарии, юрист Хабаровской епархии; *Дмитрук Виктор Анатольевич* – начальник Центра по противодействию экстремизму, полиции ГУ МВД России по ДФО; *Колесник Олег Юрьевич* – начальник центра по противодействию экстремизму УМВД России по Хабаровскому краю; *Баринов Дмитрий Алексеевич* – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, канд. юрид. наук, доцент; *Тулиглович Максим Анатольевич* – на-

чальник учебного отдела Дальневосточного юридического института МВД России, канд. юрид. наук; *Киселев Евгений Александрович* – руководитель отдела профессионального развития (учебного центра) Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю, канд. юрид. наук, доцент; *Колташов Алексей Иванович* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, засл. юрист РФ, канд. юрид. наук, профессор; *Сергеев Алексей Владимирович* – адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Гусев В.А. В начале нашей дискуссии хотелось бы отметить, что кафедра государственно-правовых дисциплин института достаточно давно и успешно занимается изучением проблематики противодействия терроризму и экстремизму. Профессорско-преподавательский состав кафедры активно участвует в подготовке различной научной продукции (диссертационные исследования, учебные пособия, аналитические обзоры, лекции и т.д.), касающейся противодействия именно этим негативным явлениям, поэтому преподаватели не понаслышке знакомы с проблемой. Настоящий же «круглый стол» – попытка подвести некоторые промежуточные итоги научных изысканий, высказав собственные суждения и выслушав экспертное мнение наших уважаемых гостей.

Сергеев А.В. Экстремизм во всех его разновидностях стал одной из главных проблем современности, пронизывающих все сферы общественной жизни. При этом нет однозначного мнения, что такое экстремизм. Большое количество различных критериев, определяющих ракурс рассмотрения экстремизма, приводит к достаточно обширной классификации данного явления. И хотя мы разграничиваем разновидности экстремизма, по сути, они практически никогда не выступают в чистом виде, а переплетаются между собой.

В рамках нашего диалога хотелось бы особо обратить внимание на религиозный экстремизм по той причине, что в научных кругах до сих пор нет единого мнения относительно правомочности и научной корректности применения ряда ключевых понятий, в той или иной степени сопряженных с проблемой экстремизма религиозной направленности и вообще о существовании феномена религиозного экстремизма.

По этому вопросу существуют различные точки зрения. Так, например, одни ученые утверждают, что «вводить в праве понятие «религиозный экстремизм» не нужно... эта разновидность экстремизма не может подпадать под юрисдикцию государства», другие относят его к разновидности политического экстремизма. Третьи же, напротив, выделяют данный вид экстремизма в самостоятельное социальное явление, а в некоторых случаях обращают внимание на действительную или заявляемую религиозную принадлежность экстремистов, и тогда образуются понятия «индуистского», «исламского» экстремизма и т.п.

Отсутствие единого научного подхода и законодательно закрепленного понятия религиозного экстремизма часто сводит на нет меры по противодействию данному социально опасному явлению.

У религиозного экстремизма имеются свои причины, признаки, но нам бы хотелось обратить внимание на проблемы и пробелы в законодательстве, связанные с экстремизмом в целом и религиозным в том числе.

Правовой основой, регламентирующей общественные отношения в сфере противодействия религиозному экстремизму в системе права Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации и два федеральных закона – от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» закреплены основные принципы, направления противодействия экстремистской деятельности и дано обширное понятие экстремизма с акцентом на экстремизм на религиозной основе. Но в 2007 г. в Закон были внесены изменения, которые коснулись фразы «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни». А именно была исключена формулировка «связанной с насилием или призывами к насилию». Это привело к тому, что при квалификации тех или иных действий религиозных организаций стало возможным отнести к экстремистской деятельности фактически любое деяние. Например: каждый верующий, будь то православный, мусульманин или иудей, высказывает мнение, что именно его религия дает правильные ответы на вопросы жизни и смерти, что, исповедуя только их религию, можно достичь своих целей. В этом случае человек хочет помочь другим познать ту веру, которая помогла ему, и оградить от ошибок и заблуждений. Мы не можем порицать такое желание. Осуждаемы могут быть только насилие и призывы к насилию. По сути своей экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам.

В Законе определяются профилактические меры противодействия экстремизму и наиболее жесткие меры – такие, как ликвидация или запрет на осуществление деятельности общественного или религиозного объединения, приостановление деятельности, прекращение деятельности средства массовой информации.

Мера о прекращении деятельности средства массовой информации закреплена в Законе РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Вместе с тем обнаруживается законодательная недоработка, связанная с тем, что в соответствии со ст. 12 данного Закона освобождаются от регистрации периодические печатные издания тиражом менее одной тысячи экземпляров. При определенной «сноровке» этим положением могут воспользоваться экстремистские движения путем искажения или неуказания выходных данных. В этом случае производители печатной продукции имеют реальную возможность избежать ответственности за распространение экстремистских материалов, либо поиск данного производителя будет очень затруднен.

Особый интерес представляет часть 3 ст. 15 ФЗ «О противодействии экстремизму». Суть данной нормы заключается в том, что если руководитель или член руководящего органа общественного или религиозного объединения либо иной организации делает публичное заявление, призывающее к осуществлению экстремистской деятельности, без указания на то, что это его личное мнение, а равно в случае вступления в законную силу в отношении такого лица приговора суда за преступление экстремистской направленности, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация обязаны публично заявить о своем несогласии с высказываниями или действиями такого лица. Если соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация такого публичного заявления не сделает, это может рассматриваться как факт, свидетельствующий о наличии в их деятельности признаков экстремизма. Если же руководитель или член руководящего органа данной организации заявит о выражении своего личного мнения, а организация сделает «нейтральное» заявление о несогласии с ним, то нормы закона будут фактически бессильны.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что:

- во-первых, экстремистские течения могут возникнуть в любой религии. Можно утверждать, что направлений религиозного экстремизма ровно столько, сколько, собственно, существует религий. Естественно, что в реальности конфессиональная направленность субъектов религиозного экстремизма весьма ограничена, и их незначительное количество, как показывает практика, уместается в

рамках традиционных религий, на основе которых и возникают различные экстремистские ответвления;

- во-вторых, пока на законодательном уровне не будет закреплено понятие религиозного экстремизма, будут существовать затруднения в противодействии данному социально опасному явлению;

- в-третьих, как общее (УК РФ, КоАП РФ), так и специальное (законы «О противодействии экстремистской деятельности», «О свободе совести и о религиозных объединениях») российское законодательство по противодействию экстремизму, в том числе и религиозному, требует совершенствования, т.к. экстремизм в целом и религиозный экстремизм, в частности, динамично развиваются, а существующие законодательные пробелы и недоработки затрудняют противодействие данному социально опасному явлению.

Колташов А.И. К сожалению, приходится констатировать, что, интегрируясь, мировое сообщество, сообщество, которое характеризуется различными ментальностями культур всех государств в отдельности, часто не совсем четко прорабатывает те нормы, которые призваны реализовывать идеал международных отношений и взаимных обязательств.

Хотя, объективности ради, следует сказать, что есть и положительные примеры. Например, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» дает такое определение терроризма, которое, по мнению секретаря Совета безопасности России Н.П. Патрушева, могло бы послужить основой и образцом для принятия международным сообществом соответствующего значимого для этого сообщества определения терроризма.

Есть и противоположные примеры, в частности, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этот закон характеризуется многими изъянами, в том числе касающимися видов коррупционных проявлений. Так, закон оставляет без внимания такое явление, как незаконное обогащение, ничего не говорит об уголовной ответственности за подобное деяние и возможную конфискацию преступно нажитого имущества. Кстати, конфискация, по малообъяснимым причинам, еще в 2003 г. исключена из российского уголовного законодательства. Лишь спустя три года данная санкция вновь введена в Уголовный кодекс, но лишь в качестве дополнительного наказания, применяемого по усмотрению судьи.

Эти примеры наглядно свидетельствуют о несовершенстве нашего законодательства.

Но еще больше критики можно высказать в адрес Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Он не только абстрактен, но и во многом декларативен. И это при том, что экстремизм проявляется сейчас во многих странах, особенно в Северной Африке, на Ближнем Востоке.

Настоятельно необходимо законодательство, четко закрепляющее формальную определенность экстремизма как преступления, конкретные признаки его состава и содержащее механизмы противодействия его разновидностям – политическому, национальному, религиозному.

В правоприменительной же практике, давая юридическую оценку каждому отдельному случаю, необходимо исследовать все обстоятельства дела. Как отмечает министр внутренних дел Р.Г. Нургалиев, «если речь идет о каком-то преступном деянии, то нужно учитывать те или иные факты, т.е. подходить конкретно к этому деянию, потому что за каждым деянием стоит судьба человека». Стал широко известным пример, когда в 2009 г. жительница г. Хабаровска Н. Игнатьева была привлечена к уголовной ответственности за экстремизм, по существу, за прочтение стихов, содержание которых квалифицировалось как проявление экс-

тремизма. А сейчас на основании судебного решения государство за счет налогоплательщиков должно выплатить 339 тыс. руб. компенсации за причиненный ей моральный вред и понесенные убытки. О чем идет речь? В 2007 г. из соответствующей уголовно-правовой нормы была исключена фраза «призыв к насильственным действиям», это дало возможность широко трактовать экстремизм и привлекать к уголовной ответственности за любое неосторожное слово. Это наглядно показывает, что законотворческая деятельность осуществляется «специалистами широкого профиля», при отсутствии экспертной оценки и общественного мнения. Но лишь с учетом последних, законы соответствуют требованиям социальной справедливости, реализации важнейших демократических институтов и государственной необходимости.

Тулиглович М.А. В 2010 г. на территории России был отмечен рост преступлений экстремистской направленности. По мнению начальника Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму Генеральной прокуратуры Российской Федерации В. Сизова, «ежегодный рост числа экстремистских преступлений остается стабильным – в среднем на 100 преступлений в год. В 2006 г. было зарегистрировано 263 преступления, в 2007-м – 358, в 2008-м – 460, в 2009-м – 548, в 2010-м – 656 преступлений». По официальным данным МВД России, за первые семь месяцев 2011 г. рост преступлений данной категории составил примерно 6 %.

Анализ сложившейся ситуации требует от нас не только выявления причин и условий, способствующих установившейся негативной тенденции, но и более детального изучения сущности данного явления с позиции юридической техники, поскольку корреляционная взаимосвязь между объемом законодательной дефиниции «преступления экстремистской направленности» и статистическими показателями является прямой. Вместе с тем первоначальная попытка четко определить объем интересующего нас понятия не привела к желаемому результату.

Сегодня уголовное законодательство России, с одной стороны, дает достаточно широкий перечень деяний, подпадающих под понятие «экстремистская деятельность (экстремизм)», в который включены также публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. С другой стороны, примечание к ст. 282¹ УК РФ относит к числу преступлений экстремистской направленности преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Это обстоятельство неизбежно приводит нас к выводу о необходимости более детальной проработки таких понятий, как «экстремистская деятельность», «экстремизм», «преступления экстремистской направленности».

Вместе с тем имеются и положительные моменты. Так, в целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, в 2011 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление, в котором высшая судебная инстанция разъяснила спорные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности. В частности, указав, что «критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды. Не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не пре-

следующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе».

Однако в указанном постановлении разрешены далеко не все вопросы квалификации преступлений, связанных с экстремизмом. Так, вызывает определенное сомнение тезис о возможности ухода от уголовной ответственности за создание преступного сообщества из-за разницы санкций, предусмотренных ст. 210 и 282¹ УК РФ. Общие положения института соучастия в преступлении позволяют сделать вывод о том, что в случае наличия в действиях лица признаков преступления, предусмотренного статьями уголовного закона за организацию преступного сообщества (преступной организации) и организацию экстремистского сообщества, мы имеем дело с реальной совокупностью преступлений. Данный вывод подтверждается особенностями конструирования субъективной стороны рассматриваемых составов, поскольку применительно к ст. 282¹ УК РФ целью создания экстремистского сообщества выступает подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Специальной же целью в ст. 210 УК РФ является совместное совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды. Поэтому, если группа создавалась для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, однако в процессе своей деятельности они начали планировать и совершать другие преступления, их действия следует квалифицировать по совокупности ст. 210 и 282¹ УК РФ.

Левит К.Э. Если говорить об экстремизме, то Дальний Восток, по сравнению с другими (прежде всего центральными) регионами, довольно «мягкий» в этом плане. В центре России свастику либо какие-нибудь экстремистские высказывания можно увидеть в любом месте. Данный факт оказывает негативное давление, а на Дальнем Востоке этого давления не чувствуется, ощущаешь себя свободнее. Но это не должно нас расслаблять.

В рамках настоящего «круглого стола» затронуты несколько интересных вопросов. Один из них касается правового определения экстремизма и того, что из данного определения исключена фраза «связанной с насилием или призывами к насилию». После данной поправки фактически любой может стать субъектом совершения этого деяния, высказав любое неосторожное слово.

В данном случае, когда мы привлекаем к ответственности человека за высказанную мысль, да еще если она напрямую не связана с насилием, то такие действия государства вызывают, с одной стороны, по отношению к данному лицу сочувствие со стороны граждан, введение его в ранг мученика, с другой стороны, по отношению к государству, государственным органам – негативную реакцию. Более того, практика свидетельствует, что после осуждения за данное правонарушение (за высказывание, за идеологию) внутренний протест возникает по отношению к государству и его органам, а не к тому лицу, которое осуждено. А после поддержки народа начинаются проявления реального экстремизма.

Делая выводы, мы приходим к мнению, что данная формулировка экстремизма не в интересах государства.

Дмитрук В.А. Отчасти соглашаясь с К.Э. Левитом, все же возражу, что и на Дальнем Востоке возникают конфликты на основе национальной или религиозной розни. Прежде всего они связаны с массовой убылью коренного населения и широким притоком иностранной рабочей силы. Так, в 2011 г. вследствие конфликта между гражданами КНР и приморскими коммерсантами в пос. Кавалерово Приморского края 72 местных предпринимателя обратились к мэру и в думу района, в

районную прокуратуру с призывом изгнать из района граждан КНР, которые создают неблагоприятные условия для бизнеса российских предпринимателей. Подписавшиеся требовали убрать все имеющиеся в районе торговые китайские точки; всех китайцев, не имеющих российского гражданства, выдворить за пределы района и возбудить уголовное дело по факту мошенничества предпринимателей, которые арендуют или имеют в собственности помещения, где китайцы торгуют промтоварами. И, наконец, провести налоговую проверку правильности уплаты налогов предпринимателями, под прикрытием которых торгуют китайцы.

Возникающие периодически конфликтные ситуации на бытовой почве между представителями разных национальностей, не имеющие межнациональной подоплеку, потенциально могут перерасти в групповые межнациональные конфликты.

Так, в ноябре 2011 г. получена оперативная информация о складывающейся в г. Владивостоке конфликтной ситуации на рынке пассажирских перевозок между таксистами – коренными жителями города и таксистами – выходцами из Таджикистана и Узбекистана. Причина конфликта – возросшая конкуренция и, как следствие, падение тарифов на пассажирские перевозки. Поступающая информация свидетельствовала о возможном разрастании конфликта и совершении поджогов машин и избиении водителей. Так, на сайте «Дром.ру» 15 ноября 2011 г. размещены призывы к жителям г. Владивостока не пользоваться услугами таксистов – выходцев из Таджикистана и Узбекистана, также размещены сообщения, направленные на разжигание межнациональной вражды и призывающие к осуществлению экстремистской деятельности («Мочить чебуреков надо», «Россия для русских, чурок в горы», «Увидел голосующего гастарбайтера – убей его, деньги из кармана вытащи» и др.).

В г. Хабаровске 11 октября 2011 г. произошла массовая драка на территории МТЦ ЗАО «Али» между гражданами КНР, осуществляющими там трудовую деятельность, и группой несовершеннолетних численностью 17 человек. На месте происшествия были задержаны и доставлены в отделение полиции для проверки на причастность к данному происшествию четверо подростков 1994-1996 г.р. В медицинское учреждение с диагнозом «ушибы мягких тканей различных частей тела» обратились двое граждан КНР, находящихся в г. Хабаровске по рабочей визе. Конфликт произошел из-за хулиганских действий со стороны группы несовершеннолетних. Мотивом данных действий мог послужить инцидент, произошедший на территории МТЦ ЗАО «Али» 7 октября 2011 г., вследствие которого гражданами КНР было задержано четверо несовершеннолетних, пытавшихся похитить вещи с одной из торговых точек (*заявление в УМВД России по г. Хабаровску не поступало*). В настоящее время конфликт между сторонами исчерпан, ситуация находится под контролем.

На интернет-форумах округа периодические появляются сообщения со ссылками на преступления, совершенные мигрантами на территории Российской Федерации, такие как «Узбек изнасиловал русскую девушку», «Азербайджанец застрелил россиянина» и др. Появление подобных сообщений (заголовки которых акцентированы на то, что преступление совершил именно иностранец) формирует дополнительное негативное отношение к приезжим.

Бабай А.Н. Для эффективного противодействия экстремизму необходимо ясно представлять его причины.

Во-первых, экстремизм – это всегда проявление правового нигилизма субъектов экстремистской деятельности. Цивилизованное право содержит в себе, должно содержать, несколько легальных вариантов поведения в той или иной экстремальной ситуации. Выбирать социально опасный, противоправный способ удовлетворения своих интересов, вносящий дезорганизацию в жизнь общества, – это проявление правового инфантилизма либо юридической безграмотности, либо

откровенно антагонистического отношения к праву. Поэтому повышение уровня правосознания граждан, воспитание их в духе уважения к закону – едва ли не главный путь профилактики экстремистских проявлений.

Во-вторых, экстремизм – это признак слабости государственной власти, ее нежелания или неумения находить социальные компромиссы и приходиться к ним. Можно привести немало примеров, когда решительные и умелые, а главное, находящиеся в правовом поле действия государства, его правоохранительных, дипломатических органов приводили к быстрой локализации конфликтов и их разрешению (обеспечение общественного порядка США, Францией, Великобританией во время несанкционированных митингов, уличных шествий, манифестаций, защита государством прав и интересов своих граждан, находящихся за рубежом).

В-третьих, действия экстремистской направленности нередко кажутся их участникам единственным способом быть услышанными, обратить внимание на свои права, нарушенные государством или иным субъектом. И здесь опять просматривается нежелание государства, его органов, должностных лиц, иных субъектов, обладающих властными полномочиями, вступать в диалог с населением, совместно искать компромиссные решения тех или иных вопросов. Выход из этой ситуации видится в ускорении формирования гражданского общества с широкими возможностями обмена мнениями, диалога с государством, реальными рычагами контроля общества за государством.

В-четвертых, экстремистские проявления – это в основном хорошо спланированные и финансируемые акции, решающие определенные политические задачи. Например, низвержение негодных Западу политических режимов (в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока), мешающих НАТО укреплению своих стратегических позиций в отдельных регионах Земного шара, доступу к природным ресурсам, находящимся на территории этих государств. В связи с этим возрастает роль и значение международных организаций (ООН, Совет Европы, Лига арабских государств и др.), призванных обеспечивать суверенитет государств, способствовать невмешательству в их внутренние дела, предупреждающих международную агрессию против них.

К сожалению, указанные международные организации явно дискредитировали себя в свете последних событий в вышеобозначенных регионах планеты. Необходимо новая или, по крайней мере, реконструированная и модернизированная система обеспечения мирового правопорядка. Неслучайно сегодня Россия вынуждена увеличивать расходы на вооружение, руководствуясь идеей перехода от мира однополярного (диктат США и их союзников) к многополярному миру, выступающему гарантом мировой стабильности, мощным средством профилактики экстремистских проявлений, раскачивающих отдельные государственные режимы, порождающих так называемые оранжевые революции (Украина, Грузия, Киргизия и т.д.).

В-пятых, экстремизм – это следствие разделения общества по признаку материальной обеспеченности. Безработица, бедность, голод – вот явления, провоцирующие экстремистские проявления. Яркий пример тому – пираты Сомали. Конечно, вывод страны из экономического кризиса иногда не под силу одному государству. Здесь нужна помощь мирового сообщества. Но пока в мире в целом, в отдельно взятых странах в сознании большинства людей не утвердилась идеология гуманизма, вряд ли можно надеяться на преодоление экономических проблем современности.

Значительный вклад в распространение идеологии гуманизма должно внести государство, хотя бы путем отказа от политики великодержавного шовинизма или национализма (нацистская Германия, современные прибалтийские государства, возникшие на постсоветском пространстве) и признания интернационализма, ра-

венства людей, независимо от религиозных убеждений, половой принадлежности, материального благополучия как важнейших принципов государственного строительства, внутренней и внешней политики.

Велика роль в распространении идеологии гуманизма и различных институтов гражданского общества: Церкви, политических партий, иных общественных организаций, семьи.

Экстремизм относится к числу глобальных проблем современности. И поэтому усилий одного государства, направленных на борьбу с этим явлением, конечно, недостаточно. Только объединившись, создав эффективную организационно-правовую базу для международного сотрудничества, осознав истинные масштабы губительных для человечества последствий экстремизма, создав обстановку нетерпимости к любым проявлениям экстремизма во всем мировом сообществе, можно победить это зло.

Баринев Д.А. Экстремизм как прямая угроза конституционному строю и национальной безопасности современной России за достаточно короткий срок превратился в одну из самых серьезных проблем. Его проявления достаточно разнообразны – от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности. При этом преступности экстремистского характера не чужды и элементы организованности.

Исторически Россия – многонациональное поликонфессиональное государство, и это существенно усиливает проблематику экстремизма, в особенности таких его разновидностей, как национальный и религиозный экстремизм. Последнее объясняется тем, что в проблеме экстремизма религиозная принадлежность, как правило, коррелирует с этнической. Религиозные и этнические общественные организации обладают огромным потенциалом для влияния на многие стороны жизни общества. В свою очередь, международные террористы не имеют ни национальности, ни религии. Напротив, именно религия и национальная культура, сейчас, как никогда, нуждаются в защите от разрушительного воздействия экстремизма любого толка.

Следует признать, что экстремизм давно пересек межгосударственные границы и стал проблемой глобальной. Как и любое иное государство, в особенности претендующее на роль одной из ведущих мировых держав, Россия должна решать данную проблему, принимать различные политические, идеологические и нравственные меры, а также применять силу государственного принуждения в виде установления различного рода негативных санкций против всех форм экстремизма. При этом думается, что одним из главных условий мирного проживания различных национальных, религиозных и иных социальных групп является терпимость, или толерантность.

Формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной России особую актуальность, обусловленную сохраняющейся социальной напряженностью в обществе, продолжающимися межэтническими и межконфессиональными конфликтами, ростом сепаратизма и национального экстремизма, являющихся прямой угрозой безопасности страны. Наиболее рельефно все это проявилось на Северном Кавказе в виде вспышек ксенофобии, фашизма, фанатизма и фундаментализма. Эти явления в крайних формах своего проявления находят выражение в терроризме, который, в свою очередь, усиливает деструктивные процессы в обществе. Анализ этих процессов свидетельствует о крайней необходимости:

- оперативного развития федеральной и региональной нормативной правовой базы, государственных и общественных институтов, обеспечивающих формирование терпимости;
- разработки действенных мер и механизмов внедрения норм толерантного поведения в социальную практику противодействия экстремизму;
- взаимодействия со средствами массовой информации и оказания им всемерной поддержки, прежде всего в переориентации с противодействия деструктивным процессам в форме контрпропаганды на активную работу по опережению и предупреждению социальных кризисов;
- использования в полной мере возможностей отечественной системы начального, среднего и высшего образования при решении задач формирования установок толерантного поведения у подростков и молодежи, профилактики национализма, сепаратизма и экстремизма, уменьшения риска социальных взрывов;
- выработки и развития методологических основ политики в области становления гражданского общества.

Иерей Валерий Писаренко. Россия исторически сложилась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Вряд ли общество может отставать в стороне от такой сложной проблемы в современной России, как противодействие экстремизму, который в значительной степени проявляет себя в скрытой и в завуалированной формах.

Рост, острота и многообразие экстремистских проявлений в экономической, духовной, культурно-нравственной, религиозной и иных областях жизни и деятельности общества оказывают дестабилизирующее влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране, подрывают международный авторитет России.

Тенденция нарастания экстремизма под религиозным знаменем во многом обусловлена существующими противоречиями во взаимоотношениях как между конфессиями, так и внутри них, активизацией деятельности некоторых иностранных религиозных организаций, практическая деятельность которых имеет явно выраженный деструктивный характер. Обеспокоенность вызывают их попытки, направленные на внесение раскола в традиционные для России религиозные объединения (православные, мусульманские, иудейские и другие общины).

Расставить акценты необходимо прежде всего в плане организации или выстраивания системы раннего предупреждения. Такая попытка реализована, как известно, принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Рассмотрение этого закона позволяет вычлениить само понятие экстремистской деятельности. В частности, к таковой законодатель относит, во-первых, возбуждение социальной, национальной и религиозной розни; во-вторых, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии; в-третьих, воспрепятствование законной деятельности религиозных объединений.

Естественно, возникает вопрос о том, какая религиозная организация может быть отнесена к числу экстремистских. В пункте 2 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение, в отношении которого по основаниям, предусмотренным данным федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

И здесь важно знать позицию Русской Православной Церкви (РПЦ) в отношении как экстремизма вообще, так и в отношении религиозного экстремизма.

В докладе Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 2 февраля 2011 г. прозвучала озабочен-

ность данной проблемой. В частности, Святейший Патриарх указал: «Многие вызовы современности, связанные с процессами глобализации, с ростом экстремизма и терроризма, состоянием окружающей среды, требуют совместного ответа народов, который может быть найден в том числе через межрелигиозный диалог. Наша Церковь активно в нем участвует».

Религиозная экспансия со стороны других государств привела к значительному росту в России новых религиозных движений. Интенсивный рост религиозных новообразований нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает возмущение межконфессионального соперничества и недовольства основной части населения.

Решение данной проблемы РПЦ видит в активном участии в деятельности государства по противодействию экстремизму. Так, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, выступая на заседании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации 19 августа 2011 г., подчеркнул важность противостояния экстремизму и сказал: «Есть силы, которые хотели бы поставить Россию на колени, разделив и столкнув ее граждан по этническому, религиозному, социальному, политическому признакам. В это вкладываются ресурсы, ради этого производятся многие тонны макулатуры и многие гигабайты виртуального мусора. Среди этого мусора – псевдорелигиозная пропаганда». Он выразил убежденность, что некоторые псевдорелигиозные доктрины должны быть запрещены точно так же, как запрещены нацизм и фашизм. Одновременно Чаплин заявил о готовности религиозных общин помогать обществу отвести угрозу экстремизма, чему будут способствовать недавние инициативы Администрации Президента и Аппарата Правительства России. Эти инициативы были поддержаны участием Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла во встрече Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина с главами и представителями религиозных и общественных организаций и национально-культурных автономий. Святейший Патриарх отметил, «что как в нашей стране, где огромное количество этносов, национальностей, так и во всем мире сегодня в связи с процессом глобализации тема межнациональных и межрелигиозных отношений становится одной из самых важных. В конце концов, от того, как человечество решит проблему взаимодействия этносов, культур, цивилизационных моделей, будет зависеть будущее».

Таким образом, состоялся оживленный диалог, в результате которого достигнуто общее мнение, что:

1. Экстремизм во всех его проявлениях стал одной из глобальных проблем современности, затрагивающих интересы всего мирового сообщества.
2. Российское законодательство по противодействию экстремизму и функционирующие на его основе государственные и общественные институты требуют оперативного развития.
3. Противодействовать данному социально опасному явлению можно только совместными усилиями, а одним из главных условий мирного проживания различных национальных, религиозных и иных социальных групп является терпимость, или толерантность.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Дальневосточного юридического института МВД России»**

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде (на дискете, CD или по электронной почте (наш e-mail: redactor80@gmail.com)).

2. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

3. Статья должна иметь *внешнюю рецензию*, оформленную надлежащим образом.

4. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов и аспирантов должна стоять также подпись их научного руководителя. Автор указывает имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученые степень и звание, почетные звания, телефон для контактов.

5. Ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены в тексте в виде подстрочных примечаний, а список процитированных произведений должен быть вынесен в конец статьи в виде *Литературы*.

6. К статье должна прилагаться *аннотация статьи* и *ключевые слова* (на русском языке).

7. Статья должна иметь шифр УДК.

8. Плата за опубликование статей не взимается.

9. Технические требования к статьям:

- набор в программе «Word» шрифтом «Times New Roman» размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;
- сноски (если есть) – подстрочные, нумерация сплошная;
- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 1 апреля, для второго номера – до 1 октября.